

ОТЧЕТЪ

0

ДВАДЦАТЬ-ПЕРВОМЪ ПРИСУЖДЕНИИ

НАГРАДЪ ГРАФА УВАРОВА.

ПРИЛОЖЕНИЕ КЪ ХХХVI-му ТОМУ ЗАПИСОКЪ ИМП. АКАДЕМИИ НАУКЪ.
№ 5.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ. 1880.

ПРОДАЕТСЯ У КОМБИОНЕРОВЪ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМИИ НАУКЪ:
Н. Глазунова, въ С. П. Б. Эггерса и Коми., въ С. П. Б.
Н. Книппеля, въ Ригѣ.

Цена 75 к.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
С.-Петербургъ, Май 1880 года.

Непремѣнный Секретарь *К. Веселовскій.*

ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Вас. Остр., 9 лнн., № 12.)

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	СТРАН.
Отчетъ о двадцать-первомъ присужденіи наградъ графа Уварова, читанный въ публичномъ засѣданіи Императорской Академіи Наукъ 25-го сентября 1878 г. Непремѣннымъ Секретаремъ, Академикомъ К. С. Веселовскимъ.....	1 — 16
I. Отзывъ о сочиненіи М. С. Шпилевскаго: «Древніе города и другіе болгарско-татарскіе памятники въ Казанской губерніи». Казань 1877. Составленный почетнымъ членомъ Академіи графомъ А. С. Уваровымъ.....	17 — 28
II. Отзывъ о сочиненіи протоіерея Платона Заринскаго: «Очерки древней Казани, преимущественно XVI вѣка. Казань, 1877», составленный ординарнымъ профессоромъ Казанскаго университета Н. А. Ойрсовымъ.....	29 — 37
III. Разборъ сочиненій Е. К. Огородникова: «Мурманскій и Терскій берега по Книгѣ Большаго Чертежа». Спб. 1869, и «Прибрежья Ледовитаго и Бѣлаго Морей по Книгѣ Большаго Чертежа». Спб. 1877 г. Составилъ Н. П. Барсовъ.....	38 — 66
IV. Разборъ сочиненія Ф. К. Бруна: «Черноморье. Сборникъ изслѣдованій по исторической географіи Южной Россіи. Часть I». (Рукопись). Составилъ профессоръ С.-Петербургскаго Университета В. Г. Васильевскій.....	67 — 92
V. Отзывъ объ историческомъ изслѣдованіи професора А. Трачевскаго. «Союзъ князей и нѣмецкая политика Екатерины II, Фридриха II и Иосифа II (1780 — 1790). Члена Археологической Комисіи. Г. Штендмана.....	93—193

ОТЧЕТЪ

0

ДВАДЦАТЬ-ПЕРВОМЪ ПРИСУЖДЕНІИ НАГРАДЪ ГРАФА УВАРОВА,

читанный въ публичномъ засѣданіи Императорской Академіи Наукъ
25-го сентября 1878 г. Непремѣннымъ Секретаремъ, Академикомъ
К. С. Веселовскимъ.

На соисканіе, въ настоящемъ году, наградъ графа Уварова было представлено самими авторами одинадцать сочиненій по части русской и славянской исторіи; сверхъ того къ нимъ присоединилось два сочиненія, отложенныхъ отъ предъидущаго конкурса; такимъ образомъ въ соисканіи участвовало тринадцать сочиненій, изъ которыхъ два были рукописныя.

Комисія, назначенная общимъ собраніемъ Академіи для разсмотрѣнія этихъ сочиненій и для постановленія объ нихъ приговора, состояла, подъ предсѣдательствомъ Непремѣннаго Секретаря, изъ Академиковъ: М. И. Броссе, И. И. Срезневскаго, Я. К. Грота, А. Ѳ. Бычкова, М. И. Сухомлинова, А. А. Куника и А. Н. Веселовскаго.

Между конкурсными трудами особое вниманіе комисіи остановила на себѣ составленная г. Барановымъ «Опись Высочайшимъ указамъ и повелѣніямъ, хранящимся въ С. Петербургскомъ Сенатскомъ Архивѣ за XVIII вѣкъ», въ 3-хъ объемистыхъ томахъ, съ слѣдующими къ нимъ, очень хорошими указателями. Признавая несомнѣнную пользу этого обширнаго труда въ смыслѣ первоначальнаго источника для отечественной исторіи, комисія тѣмъ не менѣе должна была, въ отношеніи его, подчиниться тому обяза-

тельному для нея параграфу правилъ объ Уваровскихъ наградахъ, по которому къ ихъ соисканію не допускаются собранія актовъ, грамотъ и вообще необработанныхъ матеріаловъ. Заявляя отъ имени Академіи и всѣхъ, занимающихся исторіею, благодарность почтенному составителю «Описи», и желаніе, чтобы трудъ его былъ продолжаемъ, комисія искренно сожалѣетъ, что, вслѣдствіе вышеупомянутаго формальнаго постановленія, она не имѣетъ права отличить это важное и заслуживающее всякаго поощренія изданіе Уваровскою преміею.

Для остальныхъ двѣнадцати сочиненій комисія избрала рецензентовъ, частью изъ среды своей, частью изъ постороннихъ ученыхъ, и пригласила ихъ сообщить ей подробные разборы конкурсныхъ произведеній къ назначенному для того сроку.

По истеченіи этого срока, комисія признала необходимымъ одно изъ сочиненій отложить до слѣдующаго Уваровскаго конкурса, за неполученіемъ рецензій этого сочиненія отъ лица, принявшаго на себя ея составленіе.

За тѣмъ, по внимательномъ обсужденіи сравнительнаго достоинства прочихъ конкурсныхъ сочиненій, комисія назначила слѣдующимъ пяти малымъ Уваровскимъ награды (въ 500 р. каждая):

I.

Древніе города и другіе буларско-татарскіе памятники въ Казанской губерніи. С. М. Шпилевскаго. Казань. 1877.

Желая получить разборъ этого сочиненія, составленный лицомъ, близко знакомымъ съ предметомъ, Академія обратилась съ просьбою о содѣйствіи ей въ этомъ случаѣ къ самому учредителю премій, графу А. С. Уварову, какъ къ такому ученому, который не только неуспынными заботами своими объ изслѣдованіи древностей въ Россіи, но и собственными литературными трудами по этой части, способствовалъ успѣхамъ русской археологіи и приобрѣлъ право на уваженіе и признательность ученаго міра. Съ готовностью принявъ приглашеніе Академіи, почтенный критикъ внимательно разсмотрѣлъ книгу г. Шпилевскаго и, взвѣсивъ ея достоинства и недостатки, пришелъ къ заключенію, благопріятному для автора.

Давно занимаясь этнологическими историческими изслѣдованіями Казанскаго края, г. Шпилевскій постоянно останавливался на вопросахъ о происхожденіи и древнемъ мѣстожителствѣ Казанскихъ инородцевъ. Бывшій въ Казани четвертый съѣздъ археологовъ

направилъ его занятія къ спеціально-археологическому обследованію вещественныхъ памятниковъ существовавшихъ тутъ царствъ, такъ какъ эти памятники, при недостаткѣ письменныхъ источниковъ, имѣютъ особенное значеніе для исторіи края. Плодомъ этихъ занятій было сочиненіе, явившееся нынѣ на судъ Академіи.

Оно распадется на три главныя части: въ первой, авторъ разбираетъ, въ хронологическомъ порядкѣ, свидѣтельства арабскихъ, персидскихъ и монголо-татарскихъ писателей о камско-волжскихъ булгарахъ; во второй — разсматриваетъ сказанія о булгарахъ и болгарской землѣ, находимыя въ русскихъ лѣтописяхъ; наконецъ, въ третьей — прилагаетъ эти письменныя показанія къ разъясненію вещественныхъ памятниковъ древности, доселѣ сохранившихся въ Казанскомъ краѣ.

Вообще свѣдѣнія, собранныя въ первыхъ двухъ отдѣлахъ труда г. Шпилевскаго, по отзыву графа Уварова, доказываютъ, что авторъ обладаетъ глубокимъ и обширнымъ знаніемъ источниковъ, относящихся до болгарскаго народа. Онъ не только ознакомился со всѣмъ матеріаломъ, изданнымъ до сихъ поръ по этому вопросу, но и критически разобралъ значеніе многихъ отдѣльныхъ памятниковъ. Однако въ такомъ обширномъ сводѣ источниковъ, какой сдѣланъ авторомъ, всякій пропускъ или всякую недомолвку рецензентъ считаетъ гораздо болѣе опутительными, чѣмъ у другаго какого либо писателя, не настолько овладѣвшаго своимъ предметомъ. По этому онъ выражаетъ сожалѣніе прежде всего о томъ, что письменныя свидѣтельства, собранныя г. Шпилевскимъ, далеко не обнимаютъ всего того періода времени, къ которому относятся памятники, описанные имъ въ третьемъ отдѣлѣ его труда. Хотя топографія находокъ ограничена у него предѣлами почти одной только Казанской губерніи, однако приводимые имъ источники не въ состояніи разъяснить значеніе всѣхъ памятниковъ, найденныхъ даже въ этихъ предѣлахъ. Принявъ за основаніе сказанія однихъ лишь восточныхъ писателей, онъ не можетъ разъяснить состояніе болгарскаго народа до X вѣка. Только по поводу похода Кія, упоминаемаго въ русскихъ лѣтописяхъ, онъ касается IX вѣка; но и тутъ не упоминаетъ о византійскихъ и другихъ источникахъ, которые отчасти освѣщаютъ именно времена, предшествовавшія принятію болгарскимъ народомъ ислама и остающіяся доселѣ какъ бы неизслѣдованными. Между тѣмъ эта древнѣйшая эпоха исторіи болгарскаго народа тѣмъ болѣе любопытна, что въ тѣ времена преобладаніе ислама и му-

сульманской культуры не измѣнили еще быта болгаръ и не изгладили своеобразныхъ чертъ ихъ народности.

За тѣмъ рецензентъ указываетъ на то, что, упустивъ изъ виду византійскіе источники и начавъ свою исторію болгарскихъ поселеній только съ X вѣка, авторъ вмѣстѣ съ тѣмъ не затронулъ вопроса и о народности болгарскаго племени, тогда какъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ своего сочиненія, по необходимости, долженъ былъ коснуться этого вопроса хотя мимоходомъ. Между тѣмъ исследование о народности болгаръ и о племенахъ, входившихъ въ составъ камско-вожскаго болгарскаго царства, могло бы способствовать къ разъясненію многихъ изъ тѣхъ памятниковъ, которые описаны г. Шпилевскимъ. Даже позднѣйшее культурное развитіе болгарскаго народа подъ вліяніемъ ислама не можетъ быть разъяснено безъ такого предварительнаго этнографическаго исследования. По этому читатель былъ бы въ правѣ ожидать отъ автора критической оцѣнки различныхъ взглядовъ на болгарскую народность. При его глубокомъ знаніи края и его памятниковъ, критическій разборъ мнѣній Венелина, Шафарика, Гильфердинга, Бестужева-Рюмина, Иричка и другихъ могъ бы, по мнѣнію рецензента, разъяснить и сказанія византійскихъ историковъ, и значеніе записи о первыхъ болгарскихъ князьяхъ, внесенной въ наши хронографы.

Кромѣ свѣдѣній о первоначальномъ размѣщеніи болгаръ, сообщаемыхъ византійскими писателями, существуютъ еще указанія, дополняющія эти свѣдѣнія, въ тѣхъ находкахъ которыя были сдѣланы въ приволжскихъ губерніяхъ. По тѣмъ и другимъ можно не только до извѣстной степени опредѣлить границы болгарскаго царства до мусульманскаго вліянія въ X вѣкѣ, но и объяснить, какимъ образомъ эти границы вліяли на торговлю болгаръ съ сосѣдями. Не подлежитъ сомнѣнію, что внѣшняя торговля занесла къ волжскимъ и камскимъ болгарамъ большую часть предметовъ, отрываемыхъ въ Казанской и смежныхъ съ нею губерніяхъ. Выдѣлить изъ всѣхъ находокъ по Волгѣ и Камѣ только тѣ, которыя были сдѣланы собственно въ Казанской губерніи, рѣшительно невозможно; даже изучать ихъ въ отдѣльности неудобно, такъ какъ всѣ онѣ происходятъ изъ однихъ общихъ торговыхъ источниковъ. Если бы авторъ обратилъ вниманіе на это обстоятельство и не упустилъ изъ вида нѣкоторыхъ армянскихъ источниковъ, а также свидѣтельства скандинавскихъ писателей и даже скандинавскихъ сагъ, то могъ бы, какъ полагаютъ

рецензентъ. представить весьма любопытныя подробности не только о сношеніяхъ болгаръ съ сосѣдными племенами, но и о границахъ Великой Бугаріи, и не сталъ бы, какъ онъ это дѣлаетъ теперь, указывать на слѣды ислама, какъ на отличительный признакъ болгарскаго царства.

Послѣдній отдѣлъ труда г. Шпилевскаго содержитъ въ себѣ описаніе укрѣпленій, могилъ, мѣстъ находенія вещей и монетъ. Вступленіемъ въ этотъ отдѣлъ служитъ библиографія описаній Бугарскаго городища. За тѣмъ слѣдуетъ описаніе окружности древняго города, вала, рововъ, городской стѣны и наконецъ зданій, бывшихъ въ городѣ. При этомъ авторъ приводитъ, съ замѣчательною полнотою, всѣ донинѣ извѣстныя описанія этихъ зданій и критически разбираетъ справедливость и точность сообщаемыхъ въ нихъ свѣдѣній объ уцѣлѣвшихъ развалинахъ. Послѣ внѣшняго ихъ обзора, онъ приводитъ также и все то, что было писано о технической сторонѣ этихъ построекъ, о времени, стилѣ, матеріалѣ и способѣ кладки бугарскихъ развалинъ. Съ такою же подробностью сообщены имъ описанія надписей, какъ существовавшихъ при Петрѣ Великомъ, такъ и досегѣ сохранившихся. Можно только пожелать, чтобы при обѣщанномъ второмъ томѣ своего сочиненія, онъ издалъ въ хронологическомъ порядкѣ и самыя надписи. Сверхъ того рецензентъ выражаетъ желаніе, чтобы авторъ дополнилъ свой трудъ изслѣдованіями относительно мѣстностей, составляющихъ окрестности города. Сoglасившись съ мнѣніемъ, что описаніе Ибнъ-Фодлана относится къ Бугарскому городищу, онъ долженъ былъ бы изслѣдовать, гдѣ находилась та гавань и тѣ мѣста, которыя упоминаются у этого арабскаго писателя. Тогда, быть можетъ, открылъ бы онъ и тѣ курганы, въ которыхъ погребались умершіе чужестранцы, и такимъ образомъ указалъ бы на отличительные признаки настоящихъ могилъ древнихъ Руссовъ.

Въ концѣ статьи о Бугарскомъ городищѣ, г. Шпилевскій перечисляетъ древнія издѣлія, которыя были находимы въ этой мѣстности; но матеріалъ, которымъ при этомъ онъ пользуется, по замѣчанію рецензента, далеко не полонъ, особенно въ отношеніи нумизматическихъ находокъ, а между тѣмъ монеты, находимыя въ Поволжьѣ, весьма важны для исторіи торговыхъ сношеній бугарскаго народа.

Указавъ на эти и другіе, менѣе ощутительныя пробѣлы въ разсмотрѣнномъ имъ трудѣ, графъ Уваровъ вмѣстѣ съ тѣмъ от-

даетъ полную справедливость ученымъ заслугамъ г. Шпилевскаго, и признаетъ, что изданная имъ книга, по богатству собраннаго въ ней матеріала для изученія древностей волжско-камскихъ болгаръ, составляетъ значительный вкладъ въ отечественную исторію.

II.

Очерки древней Казани, преимущественно XVI вѣка. Сочин. протоіеря Платона Заринскаго. Казань. 1877.

Разборъ этого сочиненія былъ составленъ профессоромъ Казанскаго университета Н. А. Фирсовымъ.

Авторъ, давъ своей книгѣ слишкомъ широкое заглавіе, не оправдываемое ея содержаніемъ, представилъ въ ней, собственно говоря, рѣшеніе лишь одного спеціальнаго, чисто археологическаго вопроса—о топографіи татарской Казани въ половинѣ XVI вѣка и о планѣ осады ея войсками царя Іоанна IV. Разъясненіе этой задачи авторъ построилъ какъ на внимательномъ изученіи сдѣланныхъ покойнымъ Невоструевымъ обширныхъ извлеченій изъ Казанскихъ Писцовыхъ Книгъ, такъ и на критическомъ сопоставленіи извѣстій, находимыхъ въ «Исторіи» князя Курбскаго, въ «Царственной Книгѣ», въ «Казанской Исторіи» неизвѣстнаго, и въ другихъ второстепенныхъ источникахъ, въ ихъ связи съ указаніями, извлекаемыми изъ разсмотрѣнія естественныхъ условій Казанской мѣстности. Рецензентъ признаетъ, что выводы, полученные отъ Заринскимъ путемъ добросовѣстнаго изученія этихъ источниковъ, и наглядно изображенные на приложенномъ къ книгѣ планѣ Казани, имѣютъ немаловажное значеніе въ наукѣ. Если, относительно нѣкоторыхъ отдѣльныхъ пунктовъ татарской Казани, заключенія автора еще могутъ подлежать спору, то, въ общемъ очертаніи, представленный авторомъ планъ ея укрѣпленій, осады и штурма ея русскими въ 1552 году, можно, кажется, признать весьма близкимъ къ истинѣ.

Но отдавая должную справедливость положительной сторонѣ труда отъ Заринскаго, рецензентъ съ сожалѣніемъ замѣчаетъ, что авторъ напрасно не ограничился рѣшеніемъ одного вопроса о топографіи татарской Казани. Писцовая книга Невоструева, нѣсколькими, заключающимися въ ней данными касательно разныхъ сторонъ быта христіанской Казани, преимущественно быта духовенства, привлекла также его вниманіе, и, подъ вліяніемъ увлеченія этимъ матеріаломъ, онъ нашелъ умѣстнымъ сдѣлать отступле-

ніе отъ главнаго предмета своего изслѣдованія, вставивъ въ средину его двѣ главы, изъ которыхъ одна (III) трактуетъ объ административно-полицейскомъ, судебномъ и военномъ устройствѣ въ христіанской Казани, а другая (IV)—о разныхъ элементахъ ея населенія. Эти трактаты автора, разсматриваемые безъ отношенія ихъ къ прочимъ частямъ его труда, представляютъ нѣкоторый научный интересъ лишь по тѣмъ, впрочемъ, отрывочнымъ свѣдѣніямъ, которыя почерпнуты имъ изъ вышеназванной Писцовой Книги. Остальныя въ нихъ разсужденія автора объ указанныхъ сторонахъ быта Казани въ первое время господства надъ нею русскихъ не имѣютъ, по мнѣнію рецензента, особаго значенія для науки, такъ какъ они отличаются неполнотою, неопредѣленностію, а нерѣдко невѣрностію, и основываются во многихъ случаяхъ на позднѣйшихъ источникахъ, напримѣръ XVII столѣтія, вмѣсто имѣющихся на лицо современныхъ. Разсматриваемыя же въ связи съ прочими частями труда от. Заринскаго, эти главы не служатъ къ уясненію существенной его задачи, а между тѣмъ прерываютъ связь и нарушаютъ послѣдовательность въ изложеніи предмета.

Съ другой стороны увлеченію от. Заринскаго Писцовою Книгою Невоструева, бывшему причиною появленія въ трудѣ его сейчасъ отмѣченныхъ главъ, мы обязаны слѣдующими за тѣмъ превосходными главами V и VI. Эти главы, въ которыхъ, въ соединеніи со II главой, собственно и рѣшается авторомъ главный вопросъ его труда—вопросъ о топографіи татарской Казани и планъ осады ея русскими, вмѣстѣ съ тѣмъ представляютъ, съ большимъ умѣньемъ и любовію, описаніе Казани, какъ она была чрезъ 15 лѣтъ послѣ покоренія ея русскимп. Ни въ какомъ другомъ ученomъ трудѣ такъ ясно и отчетливо не представлены результаты жизни и дѣятельности русскаго населенія въ столицѣ прежняго татаро-магометанскаго царства въ теченіе перваго періода русскаго въ ней господства, какъ въ этихъ главахъ почтеннаго труда отца Заринскаго. Всякій, кто вздумаетъ заняться изученіемъ древностей Казани, не можетъ обойтись безъ содѣйствія и руководства, доставляемыхъ этою частію его изслѣдованія.

Въ заключительной (VII) главѣ, посвященной изображенію хода осады и взятія Казани въ 1552 г., сначала вѣрно опредѣляется значеніе этого событія въ исторіи русскаго развитія и излагаются ближайшія къ нему и подготовившія его обстоятельства и отношенія, и за тѣмъ авторъ, вооруженный основательнымъ знаніемъ то-

пографіи Казани, съ замѣчательною ясностію представляетъ дѣло, преимущественно съ технически военной точки зрѣнія; онъ рельефно выставляетъ главнѣйшіе моменты и фазы борьбы, закончившейся водруженіемъ христіанскаго знамени на развалинахъ столицы магометанскаго царства.

III.

Мурманскій и Терскій берега по Книжь Большаго Чертежа. Исслѣдованіе Е. К. Огородникова. СПб. 1869.

Прибрежья Ледовитаго и Бѣлаго Морей съ ихъ притоками, по Книжь Большаго Чертежа. Исслѣдованіе Е. К. Огородникова. СПб. 1877 г.

Постановляя свой приговоръ объ этихъ сочиненіяхъ, комисія имѣла передъ собою подробный разборъ ихъ, составленный, по вызову Академіи, доцентомъ Варшавскаго университета Н. П. Барсовымъ.

Въ нашей исторической литературѣ уже давно по достоинству оцѣнено значеніе Книги Большаго Чертежа, какъ одного изъ важнѣйшихъ памятниковъ древней русской географіи. Еще ея издатель 1792 г. старался показать, какой драгоценный источникъ составляетъ она для изслѣдователя минувшихъ судебъ нашего отечества, а со времени Татищева она сдѣлалась настольною книгою для каждаго историка Россіи. Но мысль о необходимости спеціальнаго изученія этого памятника подалъ впервые Неволинъ, внесшій въ 1851 г. въ Императорское Русское Географическое Общество предложеніе объ этомъ. Съ тѣхъ поръ Общество ставило задачу о разъясненіи Книги Большаго Чертежа въ числѣ другихъ важныхъ, предлагавшихся имъ вопросовъ. Но конкурсъ на эту задачу долгое время оставался открытымъ, такъ какъ являвшіяся на него отвѣтныя работы оказывались не вполне удовлетворяющими цѣли. Честь перваго опыта научно-критической разработки Книги Большаго Чертежа принадлежитъ г. Огородникову, который въ изысканіи о Мурманскомъ и Терскомъ берегахъ по этой книгѣ, изданномъ въ 1869 г., далъ весьма основательные отвѣты на вопросы о происхожденіи утраченнаго чертежа, его назначеніи и времени составленія. Извѣстно, съ какимъ сочувствіемъ сочиненіе г. Огородникова было принято въ средѣ Географическаго Общества, которое, основываясь на донесеніи особой комисіи и на рецензій г. Кропотова, увѣнчало этотъ трудъ золотою медалью. Уже тог-

да авторъ заявилъ о своемъ намѣреніи продолжать разработку Книги Большаго Чертежа, и новое его изслѣдованіе о Прибрежьяхъ Бѣлаго и Ледовитаго Морей составляетъ результатъ этихъ дальнѣйшихъ занятій.

Оба труда г. Огородникова построены по одному плану; въ томъ и въ другомъ употреблены одни и тѣ же критическіе приемы и одинаковый способъ изложенія; оба они привели автора къ одинаковымъ заключеніямъ по вопросу объ источникахъ и времени возникновенія Книги Большаго Чертежа.

Вслѣдствіе этого рецензентъ разсматриваетъ ихъ какъ одно цѣлое, при чемъ прежде всего останавливается на той части изслѣдованія г. Огородникова, которая служитъ какъ бы введеніемъ къ нему и содержитъ въ себѣ разъясненіе этнографическаго и географическаго положенія сѣвернаго поморья въ эпоху, предшествовавшую возникновенію Большаго Чертежа.

Передавъ въ краткихъ словахъ содержаніе этой части и представивъ автору возраженія противъ нѣкоторыхъ изъ выставленныхъ имъ здѣсь положеній, рецензентъ тѣмъ не менѣе признаетъ, что, за немногими исключеніями, она отличается обстоятельнымъ изложеніемъ предмета, которое показываетъ, что г. Огородниковъ близко ознакомился съ литературою затронутыхъ имъ вопросовъ, трудился съ большою осмотрительностью и чрезъ то уяснилъ многія изъ тѣхъ данныхъ, которыя должны быть приняты въ основаніе при критическомъ разборѣ Книги Большаго Чертежа. Такое вступленіе дѣйствительно подготавливаетъ читателя къ дальнѣйшему изученію положенія края, какимъ онъ представляется въ этомъ географическомъ памятникѣ, и конечно, не пройдетъ безслѣдно для будущихъ разработчиковъ русской исторической географіи. Въ особенную заслугу автора рецензентъ ставитъ то, что онъ, на основаніи историко-географическаго матеріала XVI—XVII столѣтій, почти вполне имъ исчерпаннаго, отмѣтилъ массу населенныхъ мѣстъ, которыя въ Книгѣ Большаго Чертежа вовсе не упоминаются, опредѣлилъ ихъ положеніе на современной картѣ края, сообщилъ о многихъ изъ нихъ разныя историческія подробности, и такимъ образомъ въ значительной мѣрѣ возстановилъ географію русскаго сѣвера въ предѣлахъ нынѣшнихъ Архангельской и Вологодской губерній за XVI и XVII столѣтія.

Обращаясь къ изслѣдованію о самомъ текстѣ Книги Большаго Чертежа, рецензентъ свидѣтельствуетъ, что и здѣсь авторъ воспользовался почти всѣмъ матеріаломъ, который можно найти въ

изданіяхъ историческихъ памятниковъ, и сверхъ того имѣлъ подъ рукою пособія, очень рѣдкія и не всѣмъ доступныя. На сколько критику удалось, при помощи бывшихъ въ его распоряженіи средствъ, провѣрить этотъ трудъ, вездѣ точность и добросовѣстность являются отличительными качествами изслѣдованія. Г. Огородниковъ не упустилъ изъ виду ни одного, даже самаго мелкаго указанія Книги Большаго Чертежа, и для cadaго даннаго онъ старался найти настоящее положеніе на современной картѣ. Дѣлая свои заключенія о той или другой мѣстности только послѣ тщательной провѣрки картографическихъ указаній, онъ не довольствуется сходствомъ и даже тождественностью именъ, но по возможности подкрѣпляетъ свои выводы свидѣтельствомъ другихъ историческихъ памятниковъ, современныхъ Книгѣ Большаго Чертежа. Наблюдательность и осторожность, съ которыми онъ разбираетъ темныя и сомнительныя данныя Книги, придаютъ особенный вѣсъ его критическимъ соображеніямъ.

При такихъ условіяхъ, многосложный трудъ г. Огородникова привелъ къ разнообразнымъ и весьма важнымъ результатамъ. Къ наиболѣе цѣннымъ изъ этихъ результатовъ рецензентъ относитъ, сверхъ почти точнаго приуроченія данныхъ Книги Большаго Чертежа къ нынѣшней картѣ страны, опыты автора, по большой части удачныя, исправить текстъ изслѣдованнаго имъ памятника и его предположенія относительно времени и способа его составленія. Г. Огородниковъ нашелъ въ немъ слѣды четырехъ редакцій, изъ которыхъ самая древняя относится къ XV вѣку. Вирочемъ свои выводы по вопросу о времени возникновенія и постепеннаго исправленія чертежа онъ считаетъ еще неокончательными, а доказанными только въ извѣстной степени, и совершенно справедливо замѣчаетъ, что могутъ представиться новые факты, способные измѣнить и дополнить эти выводы.

Въ заключеніе своей рецензій, г. Барсовъ признаетъ, что несмотря на нѣкоторыя недостатки и пробѣлы въ изслѣдованіяхъ г. Огородникова, — несмотря на то, что отъ изложенія его трудовъ можно было бы пожелать болѣе ясности и опредѣленности, эти труды поставили разработку одного изъ важнѣйшихъ нашихъ историческихъ памятниковъ на твердую почву и уяснили критическій методъ, который можетъ привести послѣдующихъ изслѣдователей къ положительнымъ результатамъ. Вслѣдствіе этого сочиненіе г. Огородникова онъ считаетъ весьма важнымъ приобретеніемъ для русской исторической науки.

IV.

Черноморье. Сборникъ изслѣдованій по исторической географіи Южной Россіи, написанный Ф. К. Бруномъ (1852—1877). Часть I. (Рукопись).

Историческая географія Южной Россіи всегда составляла любимыи предметъ занятій одесскаго ученаго, Ф. К. Бруна. Собранныи нынѣ статьи по этому предмету, напечатанныи имъ въ теченіе двадцати-пяти лѣтъ въ разныхъ повременныхъ изданіяхъ, онъ подвергъ нѣкоторыя изъ нихъ переработкѣ, соотвѣтственно измѣнившимся его взглядомъ на дѣло, и представилъ Академіи двѣнадцать такихъ статей, въ качествѣ рукописи, назначенной къ изданію въ видѣ первой части сборника подъ вышеприведеннымъ заглавіемъ.

Въ составъ этой части входятъ слѣдующія статьи: 1) Островъ Тирагетовъ и греко-латинская надпись, найденная въ селѣ Коротномъ, 2) Островъ Св. Еверія, 3) Нѣчто о Добруджѣ, 4) Островъ Певки, 5) Къ вопросу о древней топографіи Ираклійскаго полуострова, 6) Берегъ Чернаго Моря между Днѣпромъ и Днѣстромъ, по морскимъ картамъ XIV и XV столѣтій, 7) Слѣды древняго рѣчнаго пути изъ Днѣпра въ Азовское море, 8) Обмеленіе Азовскаго моря, 9) Донесеніе о поѣздкѣ къ устьямъ Буга и Днѣпра, 10) Судьбы мѣстности, занимаемой Одессою, 11) О поселеніяхъ итальянскихъ въ Газаріи и 12) О родствѣ Гетовъ съ Даками, сихъ послѣднихъ съ Славянами и Румыновъ съ Римлянами.

Рецензію этого сборника, по приглашенію Академіи, составилъ профессоръ В. Г. Васильевскій, который призналъ трудъ г. Бруна на столько важнымъ, что многія изъ его положеній провѣрилъ самостоятельнымъ пересмотромъ данныхъ, выработанныхъ наукою. Подробно разсмотрѣвъ каждую изъ статей Сборника, онъ заключаетъ свой отзывъ о нихъ слѣдующимъ общимъ выводомъ: «Несмотря на довольно строгую критику, которой мы должны были подвергнуть эти статьи, мы убѣждены въ томъ, что «Черноморье» Ф. К. Бруна, появившись въ томъ видѣ, какъ оно теперь представлено Академіи, составитъ драгоцѣнное приобрѣтеніе для русской ученой литературы. Академіи Наукъ, много разъ печатавшей на страницахъ своихъ изданій труды г. Бруна, хорошо извѣстна его дѣятельность, только отчасти представляемая собранными теперь двѣнадцатью статьями. Если бы Академія въ представленіи г. Бруномъ первой части его предполагаемаго сборника къ со-

исканію Уваровской преміи могла усмотрѣть удобный случай къ тому, чтобы вообще почтить многолѣтнюю, безкорыстную и полезную ученую дѣятельность соискателя, то было бы вполне прилично присудить ему высшую награду. По нашему мнѣнію, Академія, имѣя предъ своими глазами труды человѣка, почти цѣлую жизнь посвятившаго наукѣ, не можетъ ограничиться одною поощрительною наградою, развѣ только она усвоитъ ту точку зрѣнія, что ея обсужденію подлежитъ только представленная теперь первая часть Сборника, и что поощрительною наградою полезно будетъ побудить автора къ скорѣйшему изданію прочихъ его изслѣдованій.»

V.

Союзъ князей и нѣмецкая политика Екатерины II, Фридриха II и Иосифа II 1780—1790 и. Историческое изслѣдованіе А. Трачевскаго. СПб. 1877.

Это сочиненіе было, по просьбѣ Академіи, рассмотрѣно членомъ Археографической Комисіи Г. Ѳ. Штендманомъ, который въ своей рецензіи, указываетъ на достоинства и слабыя стороны труда г. Трачевскаго и опредѣляетъ значеніе этого изслѣдованія въ ряду другихъ ученыхъ работъ по тому же предмету.

Предсмертное созданіе Фридриха II, «Союзъ Князей» составляетъ одно изъ важнѣйшихъ событій въ новѣйшей исторіи Европы, такъ какъ имъ положено первое основаніе къ объединенію Германіи, завершаемому на нашихъ глазахъ. Хотя въ Нѣмецкой литературѣ уже имѣются нѣкоторые почтенные труды по этому предмету, однако многое въ исторіи «Союза Князей» остается недостаточно объясненнымъ, потому что иностраннымъ ученымъ оставались неизвѣстными русскіе архивные матеріалы. Между тѣмъ «Союзъ Князей» есть такое явленіе, которое не можетъ быть основательно изслѣдовано безъ пособія именно этихъ матеріаловъ, такъ какъ онъ былъ заключенъ въ пору самаго близкаго участія Россіи во внутреннихъ дѣлахъ Германіи.

Имѣя это въ виду, г. Трачевскій рѣшился пополнить такой пробѣлъ разработкою относящихся сюда матеріаловъ, хранящихся въ Московскомъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ.

Ближайшее ознакомленіе съ трудомъ г. Трачевскаго привело рецензента къ убѣжденію, что цѣль, которую авторъ себѣ поставилъ, выполнена имъ съ талантомъ и добросовѣстностью. Чита-

тель, знакомясь въ живомъ разсказѣ, съ однимъ изъ важнѣйшихъ фазисовъ исторіи Германіи, получаетъ возможность выяснить себѣ многія стороны русской политики въ ту эпоху.

Собственно изслѣдованію о Союзѣ Князей авторъ предпослалъ общее опредѣленіе историческаго значенія главнѣйшихъ политическихъ дѣятелей разсматриваемаго имъ времени, и за тѣмъ, въ особой вводной главѣ, разбираетъ отношенія Россіи къ Германіи, начиная съ древнѣйшихъ временъ до Екатерины II. Сдѣлать это онъ счелъ тѣмъ болѣе умѣстнымъ, что въ русской литературѣ до сихъ поръ не существуетъ цѣльнаго изложенія этого предмета. Эта глава, по отзыву рецензента, содержитъ въ себѣ много любопытнаго, но страдаетъ неполнотою и кое-гдѣ запутанностью сообщаемыхъ въ ней свѣдѣній, пропущенными частью по винѣ автора, невоспользовавшагося нѣкоторыми наличными матеріалами для ея обработки, частью отъ того, что многіе изъ документовъ, которые могли бы служить для его цѣли, въ особенности хранящіеся въ австрійскихъ архивахъ, остаются до сихъ поръ необнародованными.

Тѣ же самые недостатки г. Штендманъ находитъ и въ существенныхъ главахъ изслѣдованія г. Трачевскаго, содержащихъ въ себѣ изложеніе исторіи возникновенія Союза Князей и нѣмецкой политики Екатерины, Фридриха и Иосифа. Со строгостью ученаго критика, онъ предлагаетъ автору возраженія на нѣкоторыя изъ его положеній, выставляетъ на видъ сдѣланные имъ пропуски, указываетъ на тѣ печатныя пособія и архивные источники, которыми онъ не воспользовался. Въ особенности рецензентъ сожалѣетъ о томъ, что г. Трачевскій не прибѣгъ къ Государственному Архиву въ Петербургѣ, гдѣ могъ бы найти довольно много документовъ, относящихся къ предмету его изслѣдованія. Тѣмъ не менѣе г. Штендманъ признаетъ, что это изслѣдованіе въ значительной степени служитъ къ разъясненію одного изъ важнѣйшихъ событій новѣйшей исторіи. Комисія, присуждая этому сочиненію премію, приняла въ соображеніе ту часть труда г. Трачевскаго, которою обогащается новыми свѣдѣніями запасъ данныхъ для исторіи русской политики въ прошломъ столѣтіи.

По присужденіи Уваровскихъ наградъ, Академія Наукъ сочла своимъ долгомъ публично выразить признательность свою покровителемъ рецензентамъ, оказавшимъ ей содѣйствіе сообщеніемъ отзывовъ о конкурсныхъ сочиненіяхъ, и шестерымъ изъ этихъ критиковъ, а именно графу А. С. Уварову, Р. Ф. Гаусману,

В. И. Срезневскому, В. Г. Васильевскому, И. А. Бодуэну-де-Куртенэ и Г. Э. Штендману присудила по золотой Уваровской медали.

Независимо отъ большихъ и малыхъ наградъ графа Уварова Положеніемъ объ этихъ наградахъ установлена особая поощрительная премія, въ 500 руб., за удовлетворительное рѣшеніе задачъ, предлагаемыхъ Академіею по исторіи и древностямъ русскимъ.

На нынѣшній разъ Академія вновь обращаетъ вниманіе занимающихся русскою исторіею на вопросы, предложенные ею прежде и приглашаетъ доставить ей рѣшеніе слѣдующихъ задачъ:

1. Исторія древне-русскихъ княжествъ.
2. Историческія отношенія польскаго народа и государства къ русскому племени.
3. О составѣ западно-русскихъ, такъ называемыхъ литовскихъ лѣтописей.
4. Историко-литературное обозрѣніе печатныхъ полемическихъ сочиненій, статей и брошюръ, изданныхъ въ свѣтъ русскими въ сѣверо и юго-западномъ краяхъ Россіи съ конца XVI до начала XVIII столѣтій.
5. Коментарій на договоры кіевскихъ великихъ князей съ византійскими царями.
6. Исторія мореплаванія у славянскихъ народовъ до XIII вѣка. Сверхъ того Академія предлагаетъ слѣдующую новую задачу:

О языкѣ Балтійскихъ Славянъ.

Южное Балтійское поморье отъ Эльбы до Вислы, какъ страна въ которой и доселѣ въ разныхъ мѣстахъ остались слѣды когда-то господствовавшаго въ ней славянскаго народа, много разъ было предметомъ историческихъ и археологическихъ изслѣдованій и повѣствованій; но языкъ Славянъ, населявшихъ это поморье въ средніе вѣка, до сихъ поръ еще не былъ, въ полномъ своемъ объемѣ, подробно изученъ. Правда, о языкѣ Кашубовъ и восточныхъ Поморянъ, равно какъ о языкѣ Люнебургскихъ Долянъ и Горянъ существуютъ нѣкоторыя филологическія работы, но онѣ относятся исключительно къ языку новому, а средне-вѣковые говоры всего Балтійскаго поморья, между прочимъ и говоры Веле-

товъ и Оборитовъ, остаются неизслѣдованными. Между тѣмъ источниковъ для изслѣдованія этихъ говоровъ не мало. Это—лѣтописи, рассказы и записки, относящіяся къ исторіи Балтійскихъ Славянъ и географіи ихъ земли, грамоты разнаго рода, относящіяся къ разнымъ славянскимъ мѣстностямъ Балтійскаго поморья,—имена родовыхъ потомковъ Славянъ и названія разныхъ мѣстностей, доселѣ сохранившіяся,—славянскія слова, вошедшія въ нѣмецкіе говоры Балтійскаго поморья. Изъ этихъ источниковъ извлекаются: 1) въ очень значительномъ количествѣ нарицательныя слова, превратившіяся въ собственныя имена лицъ и мѣстностей, 2) нарицательныя слова, относящіяся къ быту народа, 3) нѣкоторыя сочетанія словъ. Изъ этихъ данныхъ могутъ быть выведены заключенія о фонетикѣ разныхъ говоровъ, о множествѣ коренныхъ созвучій и обликѣ образованія слова, частію о склоненіи, спряженіи и словосочетаніи. Все это должно быть выработано. Надобность въ собраніи и разработкѣ данныхъ о языкѣ Балтійскихъ Славянъ тѣмъ настоятельнѣе, что черезъ это не только освѣтится яснѣе народность и образованность этой замѣчательной отрасли славянскаго племени, но и откроется то, что можетъ быть приводимо изъ языка въ доказательство ближайшихъ отношеній къ нимъ Славянъ Русскихъ, въ чемъ уже не разъ встрѣчалась надобность.

Главная и наиболѣе тяжелая часть труда о языкѣ Балтійскихъ Славянъ заключается въ вѣрномъ и полномъ выборѣ данныхъ изъ источниковъ и постановка ихъ въ такомъ порядкѣ, чтобы ими можно было пользоваться съ наибольшимъ удобствомъ. Эта часть работы и предлагается какъ задача для соисканія поощрительной награды графа Уварова.

Въ отвѣтъ на эту задачу должны заключаться:

1) Перечень всѣхъ источниковъ, изъ которыхъ извлечены данныя въ повременномъ порядкѣ, съ обозначеніемъ изданій, по которымъ каждый изъ источниковъ былъ изучаеми.

2) Списки словъ и выраженій въ азбучномъ порядкѣ, съ указаніемъ источниковъ и съ буквальнымъ написаніемъ каждаго по подлиннику, именно:

Списокъ именъ личныхъ и родовыхъ, съ обозначеніемъ по источнику званія лицъ и мѣста ихъ жительства.

Списокъ именъ мѣстностей съ обозначеніемъ, на сколько возможно, положенія каждой мѣстности.

Списокъ нарицательныхъ словъ, съ обозначеніемъ ихъ значенія гдѣ можно, по источнику.

Особый списокъ сочетаній словъ, вошедшихъ въ предыдущіе списки.

Всѣ эти списки могутъ быть ограничены пространствомъ времени отъ VIII до XV вѣка такъ, что всѣ болѣе позднія показанія могутъ быть приведены только какъ объяснительныя дополненія къ словамъ, вошедшимъ въ списки. Алфавитный порядокъ въ спискахъ словъ и выраженій не можетъ быть сдѣланъ по подлиннымъ написаніямъ, потому что въ подлинникахъ одно и то же слово написано различно и болѣе или менѣе неправильно въ отношеніи къ выраженію звуковъ языка. Для этого надобно употребить какой нибудь одинъ однообразный способъ чтенія — всего лучше такой, который возстановлялъ бы звуки Балтійскаго нарѣчія, причѣмъ могла бы быть употреблена азбука старославянская или же латино-славянская въ томъ видѣ, какъ она теперь усвоена большею частію западныхъ славянъ. Само собою разумѣется, что желаніе сдѣлать чтеніе сколько возможно болѣе правильнымъ заставитъ автора быть осмотрительнымъ въ постановкѣ чтенія каждого слова и для этого пользоваться сравнительными приѣмами. Нужно будетъ сравнивать не только различныя написанія слова, но и различныя слова одинаковаго строя по образованію коренныхъ созвучій и ихъ сочетанію, а равно и слова тѣ же или похожія по образованію въ другихъ славянскихъ нарѣчіяхъ.

Срокъ присылки отвѣтовъ на вышеприведенныя задачи назначается двухлѣтній, т. е. къ 1 января 1880 года.

ОТЗЫВЪ О СОЧИНЕНІИ С. М. ШПИЛЕВСКАГО :

„ДРЕВНИЕ ГОРОДА И ДРУГІЕ БУЛГАРСКО-ТАТАРСКІЕ ПАМЯТНИКИ ВЪ
КАЗАНСКОЙ ГУБЕРНІИ“. КАЗАНЬ 1877.

Составленный почетнымъ членомъ Академіи графомъ А. С. Уваровымъ.

Назначеніе четвертаго археологическаго съѣзда въ Казани вызвало составленіе и изданіе сборника, котораго заглавіе выписано выше.

Сознаніе важнѣйшаго назначенія археологическихъ съѣздовъ — возбуждать къ дѣятельности мѣстныя силы и подвигать изученіе мѣстныхъ историко-археологическихъ вопросовъ, какъ говоритъ авторъ, побудило его приступить къ настоящему труду. Болѣе точное разъясненіе какъ цѣли и направленія своего труда, такъ и самаго способа обработки существующаго матеріала, авторъ высказываетъ въ своемъ воззрѣніи на вещественные остатки древности описываемаго имъ края. Давно занимаясь этнолого-историческими изслѣдованіями по Казанскому краю, С. М. Шпилевскій постоянно останавливался на вопросахъ о происхожденіи и древнемъ мѣстожителствѣ Казанскихъ иногородцевъ. Назначенный въ Казани четвертый археологическій съѣздъ направилъ его занятія къ специально-археологическому изслѣдованію вещественныхъ памятниковъ бывшихъ царствъ. Эти памятники, какъ сознается авторъ, при недостаткѣ памятниковъ письменности, имѣютъ особенное значеніе для исторіи Казанскаго края.

Изъ этихъ словъ видно, что разбираемое мною изслѣдованіе направлено на изученіе и разъясненіе не только письменныхъ, но вмѣстѣ и вещественныхъ памятниковъ, такъ что весь трудъ

С. М. Шпилевскаго распадается на три главныя части. Въ первомъ отдѣлѣ онъ разбираетъ, въ хронологическомъ порядкѣ, сказанія арабскихъ, персидскихъ и монголо-татарскихъ писателей, упоминающихъ о Камско-вожскихъ Булгарахъ; во второмъ разсматриваетъ сказанія о Булгарахъ и Булгарской землѣ по русскимъ лѣтописямъ; наконецъ, въ третьемъ отдѣлѣ, озаглавленномъ: «Древнія укрѣпленія и могилы, мѣста находокъ вещей и монетъ съ обзорѣніемъ найденныхъ предметовъ», авторъ прилагаетъ всѣ вышеупомянутыя письменныя свидѣтельства къ разъясненію сохранившихся доселѣ вещественныхъ памятниковъ древнихъ временъ въ Казанскомъ краѣ.

Вообще свѣдѣнія, собранныя авторомъ, доказываютъ глубокое и обширное знаніе всѣхъ источниковъ, относящихся до Булгарскаго народа. Онъ не только ознакомился со всѣмъ матеріаломъ, изданнымъ доселѣ по этому вопросу, но и критически разобралъ значеніе многихъ отдѣльныхъ памятниковъ. Понятно, что въ такомъ научномъ и обширномъ сводѣ всѣхъ источниковъ, который сдѣланъ С. М. Шпилевскимъ, всякій пропускъ или всякая недомолвка гораздо сильнѣе бьютъ въ глаза, чѣмъ у другаго автора, который не настолько овладѣлъ своимъ предметомъ.

На этомъ основаніи, какъ мнѣ кажется, нельзя, во первыхъ, не обратить вниманія на то, что письменныя свидѣтельства, приводимыя С. М. Шпилевскимъ, далеко ни обнимаютъ всего того періода времени, къ которому относятся вещественные памятники, описанные имъ въ третьемъ отдѣлѣ. Хотя авторъ и сгуживаетъ топографію находокъ границами почти одной только Казанской губерніи, однако приведенные имъ источники не въ состояніи разъяснить значеніе всѣхъ памятниковъ, найденныхъ даже и въ предѣлахъ этой губерніи. Самъ авторъ сознаетъ (стр. VII), относительно времени происхожденія различныхъ памятниковъ, что большинство земляныхъ укрѣпленій должно быть отнесено къ древнѣйшимъ временамъ Булгарскаго царства. Могильныя насыпи или могильные курганы, также по замѣчанію самаго автора, никакъ не могутъ принадлежать къ эпохѣ мусульманской. Тоже самое можетъ быть замѣчено и о многихъ другихъ памятникахъ, отрытыхъ въ Казанской губерніи. Не только каменные орудія, но и многія другія болѣе позднія издѣлія, окажутся произведеніями такихъ временъ, когда мусульманскій элементъ не былъ еще преобладающимъ въ Поволжскихъ странахъ. Между тѣмъ, включивъ въ заглавіе третьей части выраженіе: «и другіе булгарско-татарскіе памятники», С. М.

Шпилевскій, при полномъ обзорѣ всѣхъ находокъ, сдѣланныхъ доселѣ даже въ одной Казанской губерніи, такую фразу какъ-бы предрѣшаетъ уже вопросъ о народности и характерѣ, или стигѣ этихъ памятниковъ. Но принявъ за основаніе сказанія однихъ только восточныхъ писателей, С. М. Шпилевскій не можетъ намъ разъяснить состояніе Булгарскаго народа до самаго X вѣка. Только по поводу похода Кія, упоминаемаго въ русскихъ лѣтописяхъ, онъ касается до предшествующаго IX-го вѣка, но и тутъ не упоминаетъ о византійскихъ и другихъ источникахъ, которые отчасти освѣщаютъ именно тѣ времена, которыя предшествовали для Булгарскаго народа принятію ислама и которыя доселѣ еще остаются какъ бы неизслѣдованными. Между тѣмъ, эта древнѣйшая эпоха исторіи Булгарскаго народа тѣмъ болѣе для насъ любопытна, что въ тѣ времена преобладаніе ислама и мусульманской культуры не измѣнили еще народнаго быта Булгаръ и не изгладили своеобразныхъ чертъ ихъ первобытной народности.

Правда, византійскіе источники не сообщаютъ намъ подробныхъ свѣдѣній о первыхъ столѣтіяхъ существованія Камско-вожскаго Булгарскаго народа; но во всякомъ случаѣ только они одни пополняютъ отчасти тотъ пробѣлъ, который остается при пользованіи исключительно восточными писателями. Равнымъ образомъ, пробѣлъ этотъ пополняется при помощи вещественныхъ памятниковъ того же времени, объясняемыхъ опять таки византійскими или другими источниками вѣроятно также византійскаго происхожденія. Въ особенности любопытны свѣдѣнія византійскихъ писателей о древнѣйшихъ жилищахъ Булгарскаго народа. Вопросъ этотъ въ прямой связи съ одною изъ задачъ С. М. Шпилевскаго: опредѣлить границы, до которыхъ простиралось Булгарское царство. Такъ какъ границы этого царства во времена мусульманскаго вліянія вѣроятно совпадали съ болѣе древними границами Булгарскаго народа, то и указанія византійскихъ и древнѣйшихъ писателей неопѣненны для рѣшенія этой задачи. Къ нимъ должны быть присоединены, съ этою же цѣлью, и всѣ другія указанія, поясняющія торговыя сношенія Булгарскаго народа въ древнѣйшія времена, такъ какъ и они могутъ, при разъясненіи торговыхъ путей, указать отчасти и на самыя границы Булгарскихъ поселеній.

При Волгѣ, и по преимуществу при впадении въ нее Камы, находился, вѣроятно, главный центръ булгарскихъ поселеній, а границы земель, занятыхъ этимъ народомъ, простирались далеко на югъ, до самаго Кавказа и Каспійскаго моря. Съ указаніями на это визан-

тійскихъ писателей совпадаетъ и замѣтка Моисея Хоренскаго (кн. II, гл. VI) о распоряженіяхъ царя Вахармака: «Бахрмакъ спускается на пастбищныя мѣста близъ владѣній Шарая, называемыя древними Верхнимъ и Безлѣснымъ Басіаномъ; мѣста, которыя въ послѣдствіи были заселены переселенцами Вѣхѣндуръ Булгара Вѣнда, и по имени его названы Ванандомъ. Селенія (этихъ поселенцевъ) до сихъ поръ называются именами братьевъ и потомковъ его (Вѣнда)». На основаніи этого извѣстія, между прочими учеными, Нейманъ и Риттеръ допускаютъ, что Булгары съ ихъ предводителемъ Вундомъ при царѣ Вахармакѣ между 149 и 127 годахъ до Р. Х. поселились въ сѣверной части Арменіи. Въ подтвержденіе этой замѣтки Моисея Хоренскаго, у него же встрѣчается и другое еще извѣстіе, относящееся ко временамъ царя Армака I (гл. IX), т. е. между 127 и 114 годами до Р. Х.: «Въ дни его царствованія возникли большія смуты въ цѣпи великой горы Кавказской, въ землѣ Булгаровъ, изъ которыхъ многіе, отдѣлившись, пришли въ нашу землю и поселились въ низовьяхъ Коѣа, въ плодородныхъ и хлѣбородныхъ мѣстахъ, въ продолженіи долгаго времени». При этихъ двухъ извѣстіяхъ, Н. Эминъ, ученый знатокъ армянскаго языка, замѣчаетъ, что собственныя имена, встрѣчающіяся тутъ въ разсказѣ армянскаго историка, достойны особаго вниманія специалистовъ, занимающихся разъясненіемъ народности Булгаръ, такъ какъ, по его мнѣнію, въ именахъ Вѣхвѣдуръ, Букаръ, Вундъ или Вѣндъ, и Ванандъ не слышно духа армянскаго. Что касается приведенныхъ извѣстій Моисея Хоренскаго, то, если и усомниться въ буквальной точности его хронологическихъ указаній, то тѣмъ не менѣе нельзя отрицать и справедливости этихъ указаній въ извѣстномъ отношеніи. Дошедшія до армянскаго историка преданія о пребываніи Булгаръ у-самыхъ Кавказскихъ горъ во времена, предшествовавшія началу нашего лѣтосчисленія, весьма важны для опредѣленія южной границы, до которой простарились ихъ жилища, тѣмъ болѣе, что, какъ полагаетъ В. В. Григорьевъ, Булгары несомнѣнно извѣстны были Армянамъ въ пятомъ уже вѣкѣ по Р. Х., вслѣдствіе того, что жилища ихъ доходили до Кавказскихъ горъ, а часть Булгарскаго народа, подъ именемъ Хвалисовъ, кочевала у Каспійскаго моря. Всѣ эти свѣдѣнія армянскихъ источниковъ важны вообще не въ одномъ только топографическомъ отношеніи, но также и для поясненія торговыхъ сношеній, остатки коихъ такъ часто попадаются по всему теченію Волги до самаго дальняго сѣвера.

Вообще, упустивъ изъ виду всѣ византійскіе источники и начавъ свою исторію Булгарскихъ поселеній только съ X вѣка, С. М. Шпилевскій вмѣстѣ съ тѣмъ не затронулъ вопроса и о народности Булгарскаго племени, тогда какъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ онъ, по необходимости, долженъ былъ бы коснуться этого вопроса, хотя и мимоходомъ. Между тѣмъ обслѣдованіе вопроса о народности Булгаръ и о племенахъ, входившихъ въ составъ Камско-волжскаго Булгарскаго государства, могло бы ему способствовать къ разясненію многихъ изъ тѣхъ памятниковъ, которые онъ описываетъ. Даже позднѣйшее культурное развитіе Булгарскаго народа подъ вліяніемъ ислама не можетъ вполне быть разяснено безъ такого предварительнаго этнографическаго изслѣдованія. Поэтому отъ автора мы вправѣ были ожидать критическаго разбора различныхъ мнѣній, сложившихся о Булгарской народности. Полное разнорѣчіе, существующее доселѣ между этими мнѣніями, доказываетъ, до какой степени эти вопросы остаются еще и теперь не обслѣдованными. Между тѣмъ для автора, который поставилъ себѣ главною задачею вопросъ о происхожденіи и древнемъ мѣстожителствѣ инородцевъ Казанскаго края, необходимо было остановиться на такомъ этнографическомъ изслѣдованіи. При его глубокомъ знаніи края и всѣхъ его памятниковъ критическій разборъ мнѣній Венелина, Шафарика, Гильфердинга, Бестужева-Рюмина, Иричка и другихъ могъ бы разяснить и сказанія византійскихъ историковъ, и значеніе записи о первыхъ Булгарскихъ князьяхъ, внесенной въ наши хронографы.

Кромѣ свѣдѣній о первоначальномъ размѣщеніи Булгарскаго народа, сообщаемыхъ византійскими писателями, мы находимъ еще новыя указанія, дополняющія эти свѣдѣнія, въ тѣхъ находкахъ, которыя были доселѣ сдѣланы въ Приволжскихъ губерніяхъ. По тѣмъ и другимъ не только можно до извѣстной степени опредѣлить границы Булгарскаго царства до наплыва мусульманскаго вліянія въ X вѣкѣ, но и объяснить, какимъ образомъ эти границы вліяли на торговлю Булгаръ съ сосѣдними народами. Несомнѣнно, что внѣшняя торговля занесла къ Камскимъ и Волжскимъ Булгарамъ большую часть предметовъ, отрывааемыхъ въ Казанской и смежныхъ съ нею губерніяхъ. Выдѣлить изъ всѣхъ находокъ, сдѣланныхъ по Волгѣ и Камѣ, только тѣ, которыя сдѣланы были собственно въ Казанской губерніи, рѣшительно невозможно; даже изучать ихъ въ отдѣльности неудобно, такъ какъ всѣ онѣ шли изъ однихъ общихъ торговыхъ источниковъ. Мѣст-

ное производство, въ тѣ времена, было такъ незначительно, что не могло соперничать съ многочисленностію привознаго товара. Этотъ товаръ, выходявшій изъ азіятскихъ рынковъ, нашелъ себѣ въ Волгѣ, въ самой даже глубокой древности, удобный путь на сѣверъ. Извѣстно, на примѣръ, что по берегамъ Волги и Камы, и даже въ другихъ мѣстностяхъ Пермской губерніи (Записки Имп. Акад. Наукъ XXV, 1875) находимы были серебрянные сосуды, изъ которыхъ многіе принадлежатъ къ издѣліямъ греко-римскимъ (послѣднихъ временъ существованія класическаго искусства), византійскимъ, персидскимъ изъ временъ Сассанидовъ, варварскимъ, и наконецъ къ издѣліямъ арабскимъ и вообще восточнымъ (по невозможности съ достовѣрностію опредѣлить какъ землю, такъ и народъ, который ихъ производилъ). Такихъ сосудовъ Академикъ Стефани насчитываетъ до 24-хъ, причѣмъ замѣчаетъ, что древнѣйшіе изъ нихъ не восходятъ далѣе втораго вѣка до Р. Х. Тутъ слѣдуетъ припомнить свѣдѣнія, сообщенныя Моисеемъ Хоренскимъ. Такимъ образомъ, на основаніи вещественныхъ доказательствъ, мы видимъ, что уже въ концѣ класической древности, или точнѣе во второмъ вѣкѣ до Р. Х., торговля сношенія Пермскаго края съ востокомъ, вѣроятно, съ Закавказьемъ и Арменіею, и съ западомъ, шли, съ одной стороны, по Волгѣ и Камѣ, а съ другой — чрезъ Черное море къ Византіи. Сверхъ того, слова Моисея Хоренскаго объясняютъ намъ происхожденіе отпечатка армянскаго стиля на серебряномъ сосудѣ, найденномъ въ Перми (Köhler, Gessam. Schrift. VI, pag. 47, Taf. 7). Но изъ всѣхъ, доселѣ открытыхъ сосудовъ, въ особенности любопытны самыя древніе изъ нихъ, которые относятся ко второму вѣку до Р. Х. На нихъ даже видны слѣды того народа, который ими пользовался. Не говоря о дырахъ, просверленныхъ для привѣшиванія этихъ сосудовъ, я въ особенности обращаю вниманіе на начертаніе стоячей человѣческой фигуры, начертанное острымъ орудіемъ на серебряномъ блюдѣ, въ собраніи графа Г. С. Строганова. Эта фигура помѣщается на обронномъ изображеніи алтаря и змѣиной корзинки во внутренней части сосуда. Равно любопытны также изображенія рыбъ, начертанныхъ между протянутыми руками Менады, стоящей на колѣняхъ передъ алтаремъ. Подобныя же изображенія человѣческихъ фигуръ и животныхъ, сдѣланныя такою же варварскою рукою, встрѣчаются на другомъ серебряномъ блюдѣ изъ Перми, въ собраніи графа С. Г. Строганова, и на ковшѣ, хранящемся въ Эрмитажѣ. Нѣсколько инымъ способомъ, по замѣчанію Акад. Стефани, исполнены укра-

шенія, прибавленныя къ другому ковшу изъ Перми, найденному въ 1859 году (теперь въ Эрмитажѣ). Эти грубыя добавленія къ древнимъ сосудамъ во всякомъ случаѣ принадлежать къ первымъ художественнымъ попыткамъ обитателей какъ Пермскаго края, такъ и береговъ Камы. На народность этихъ произведеній варварскаго искусства указываетъ отчасти любопытное сходство между человѣческими фигурами, начертанными на этихъ серебряныхъ сосудахъ, и между фигурою, изображенною на каменной плитѣ, найденной К. И. Невоструевымъ въ Ананьинскомъ могильникѣ. Подобное сходство, конечно, не разрѣшаетъ вопроса, затронутаго С. М. Шпилевскимъ (стр. 275) въ замѣткѣ о сѣверо-восточной границѣ Булгарскаго царства; однако оно можетъ служить весьма любопытнымъ указаніемъ для уясненія вопроса, остающагося пока еще не разрѣшеннымъ никакими новыми фактами. Между тѣмъ, какъ уже замѣтилъ Савельевъ (стр. СIII), по географическому положенію Камско-вожской Булгаріи на рѣкахъ, текущихъ съ востока изъ отроговъ Уральскихъ горъ, и по указаніямъ арабскихъ писателей о сношеніяхъ Булгаръ съ Юграми, нельзя сомнѣваться, что торговля ихъ шла весьма далеко на сѣверъ. Конечно, также и границы жилищъ Камскихъ Булгаръ облегчали такія торговыя сношенія. На самой Камѣ, съ Булгаріею граничила Пермь, которую хорошо знали Скандинавскіе мореплаватели. Въ свѣдѣніяхъ объ ихъ походахъ у Скандинавскихъ писателей и даже въ скандинавскихъ сагахъ С. М. Шпилевскій могъ бы найти любопытныя подробности о той именно сѣверо-восточной границѣ Великой Булгаріи, которая остается еще неизслѣдованною, а между тѣмъ она простиралась почти до Урала, захватывая часть Вятской губерніи съ мѣстностію у Ананьинскаго могильника до Чертова городища, какъ замѣтилъ уже А. Ѳ. Лихачевъ. Свою замѣтку А. Ѳ. Лихачевъ основываетъ на сходствѣ стилиа булгарскихъ бронзовыхъ издѣлій съ пермскими и вятскими древностями. Такое сходство весьма любопытно и можетъ въ послѣдствіи, при болѣе подробныхъ изслѣдованіяхъ, разъяснить предѣлы Булгарской народности и Булгарскаго царства. Но конечно, теперь эти признаки стилиа такъ же недостаточно еще обслѣдованы, какъ и этнографическіе или антропологическіе признаки племенъ, населявшихъ въ тѣ времена Пермскую и Вятскую губерніи. Однако нельзя, какъ дѣлаетъ С. М. Шпилевскій (стр. 276), указывать на слѣды ислама, какъ на отличительный признакъ Булгарскаго царства, тѣмъ болѣе, что исламъ, по всему вѣроятію, укоренился по преимуществу

только въ центральныхъ странахъ Булгарской народности. Невозможно допустить, чтобы онъ распространился быстро и безпрепятственно до самыхъ отдаленныхъ предѣловъ Булгарскихъ поселеній, когда исторія показываетъ, съ какими препятствіями боролась даже сама христіанская вѣра прежде чѣмъ проникнуть во всѣ мѣстности извѣстной страны. Примѣромъ медленнаго распространенія ея можетъ служить Ростовское княжество. Если христіанство проникало въ языческія страны съ такими затрудненіями, то навѣрно и исламъ не дѣйствовалъ успѣшнѣе. И весьма вѣроятно, что даже тогда, когда въ главномъ центрѣ Булгарскаго царства укрѣпился исламъ, вліяніе его далеко не было распространено на всѣ земли булгарской народности. Въ сѣверо-восточныхъ окраинахъ, и бытъ, и издѣлія народа сохраняли еще прежнія своеобразныя черты. Издѣлія, по своему характеру, должны были здѣсь приближаться къ произведеніямъ смежной Біарміи богѣе, чѣмъ къ привознымъ предметамъ мусульманскимъ. Хотя С. М. Шпилевскій и признаетъ недостатокъ въ настоящее время положительныхъ данныхъ для разъясненія сѣверныхъ границъ государства Камско-вожскихъ Булгаръ, однако не слѣдуетъ упускать изъ виду соприкосновеніе Біарміи съ сѣверными странами Булгарской народности. Даже скандинавскія саги даютъ намъ кое-какія свѣдѣнія, весьма любопытныя по этому вопросу. Въ сагѣ о Рагнарѣ (Ragnari lodbrok), въ которой повѣствуется о происшествіяхъ VIII столѣтія (около 760 и 790 годовъ), одинъ изъ двухъ разговаривавшихъ воиновъ рассказываетъ, какимъ образомъ, сопровождая Біорка, онъ принималъ участіе въ битвѣ, происходившей въ странѣ Булгаръ. На ряду съ этимъ указаніемъ можно также упомянуть о разговорѣ, переданномъ въ сагѣ Св. Олафа, въ которомъ Ярославъ и Ингигерда упрощаютъ Олафа остаться у нихъ и принять на себя управленіе царствомъ Булгарскимъ. Сверхъ того, выраженія: *Vulgaria*, *Volgaria*, *Wlgarta*, *Wlgaria*, употребленныя въ разныхъ изводахъ той же саги, напоминаютъ замѣчаніе, сдѣланное Никфоромъ Григорасомъ о происхожденіи названія Болгаръ отъ имени рѣки Волги. При этомъ нельзя также не обратить вниманія на извѣстное соотношеніе между сказаніями скандинавскихъ сагъ и сосудами изъ серебра, найденными по берегамъ Камы и Волги. Эти находки, состоящія по преимуществу изъ серебряныхъ сосудовъ, напоминаютъ, что во всѣхъ сагахъ, въ которыхъ повѣствуется или о богатствахъ Біарміи или о сокровищахъ, похищенныхъ скандинавскими вителями, вездѣ говорится только объ однихъ со-

судахъ изъ серебра. Металъ этотъ какъ будто составляетъ отличительный призракъ всѣхъ издѣлій этихъ странъ. Даже слухъ, распространенный между Скандинавами, какъ видно изъ саги Торреръ Гунда, о курганахъ, состоящихъ изъ земли, смѣшанной съ серебромъ, подтверждаетъ то же самое преобладаніе издѣлій серебряныхъ надъ произведеніями изъ другихъ металовъ.

Переходя затѣмъ къ третьему отдѣлу труда С. М. Шпилевскаго, мы находимъ въ немъ описаніе всѣхъ укрѣпленій, могилъ, мѣстъ находенія вещей и монетъ. Вступленіемъ въ этотъ отдѣлъ служить библіографія всѣхъ описаній Болгарскаго городища. Затѣмъ идетъ описаніе сперва окружности древняго города, вала, рововъ, городской стѣны и пр., а потомъ уже описаніе зданій, бывшихъ въ самомъ городѣ. При этомъ авторъ приводитъ, съ замѣчательною полнотою, всѣ доселѣ извѣстныя описанія этихъ зданій и вмѣстѣ съ тѣмъ критически разбираетъ справедливость и точность сообщаемыхъ ими свѣдѣній относительно уцѣлѣвшихъ развалинъ. Послѣ вышшняго обзора, С. М. Шпилевскій приводитъ также и все то, что было написано о технической сторонѣ этихъ построекъ—о времени, стилѣ, матеріалахъ и даже о способѣ кладки всѣхъ болгарскихъ развалинъ. Изъ всѣхъ перечисленныхъ мѣбній самое основательное, повидимому, принадлежитъ Березину, который приписываетъ всѣ уцѣлѣвшія развалины мусульманской эпохѣ не древнѣе XIII вѣка.

Затѣмъ авторъ приводитъ свѣдѣнія о курганахъ, бывшихъ въ селѣ Болгарахъ, и о найденныхъ тамъ доселѣ надписяхъ. Въ замѣткѣ о курганахъ, насъ поражаетъ краткость сообщеній проф. Лесгафта о сдѣланныхъ имъ раскопкахъ. Не представляя никакого научнаго результата, эти свѣдѣнія возбуждаютъ только сожалѣніе, что проф. Лесгафтъ, разрывавшій въ 1869 году четыре, почти единственные на этой мѣстности, кургана, не составилъ отчета о своей раскопкѣ, соответствующаго требованіямъ современной науки. Въ его описаніи не упоминается о положеніи костяка, не описываются съ точностію найденные предметы (какое-то изображеніе, высѣченное изъ известняка (?); часть мѣднаго сосуда съ восточною надписью (?). Въ такомъ случаѣ было бы лучше совсѣмъ не приступать къ раскопкѣ и безъ того малочисленныхъ кургановъ.

Относительно надписей, какъ существовавшихъ при Петрѣ Великомъ, такъ и о доселѣ еще сохранившихся, С. М. Шпилевскій сообщаетъ самыя подробныя описанія, послѣ которыхъ остается только пожелать, чтобы къ обѣщанной второй части этого тру-

да онъ присоединилъ и самыя написи въ хронологическомъ порядкѣ.

Но прежде чѣмъ покончить съ описаніемъ Булгарской столицы, нельзя не посоветовать автору дополнить его трудъ собственными изслѣдованіями окрестныхъ мѣстностей около города. Согласившись съ мнѣніемъ, что описаніе Ибнъ-Фодлана (стр. 5) относится къ Болгарскому городищу, С. М. Шпилевскій долженъ былъ бы изслѣдовать, гдѣ находилась та гавань (Ага-Базаръ?) и тѣ мѣста, которыя упоминаются у арабскаго писателя. Можетъ быть, онъ открылъ бы и тѣ курганы, въ которыхъ погребались умершіе чужестранцы, и такимъ образомъ указалъ бы отличительные признаки настоящихъ могилъ древнихъ Руссовъ.

Въ концѣ статьи о Болгарскомъ городищѣ авторъ перечисляетъ и всѣ предметы древняго издѣлія, которые были находимы въ этой мѣстности. Но матеріалъ, которымъ пользуется авторъ, часто далеко не полонъ и представляетъ только сухой перечень найденныхъ предметовъ. Между тѣмъ авторъ, съ своей стороны, могъ бы значительно дополнить эти краткія свѣдѣнія, если бы воспользовался всѣми данными, которыя могутъ доставить нумизматическія находки. Въ особомъ отдѣлѣ, подъ заглавіемъ, «Нумизматическія доказанія о городѣ Булгарѣ», онъ начинаетъ свое перечисленіе съ монетъ X вѣка, упуская изъ виду болѣе древнія монеты римскія III и IV вѣка, о которыхъ упоминаетъ на страницѣ 298. Эти монеты не только любопытны, какъ несомнѣнно найденныя въ самомъ городѣ, но и въ особенности замѣчательны тѣмъ, что время ихъ чеканки совпадаетъ со временемъ, къ которому принадлежать и тѣ серебряные сосуды, о которыхъ я упоминалъ выше. Подобное разъясненіе нумизматическими фактами многихъ изъ Поволжскихъ находокъ слишкомъ важно для исторіи торговыхъ сношеній Булгарскаго народа, чтобы пройти незамѣченнымъ, а потому автору слѣдовало бы начать этими памятниками отдѣлъ нумизматическихъ данныхъ о городѣ Булгарѣ.

Послѣ описанія находокъ въ Болгарскомъ городищѣ, авторъ изслѣдуетъ также и остальные поселенія въ Казанской губерніи, разсматривая ихъ по теченію рѣкъ и поуѣздно. При этомъ онъ перечисляетъ городища, валы, курганы и вообще всѣ слѣды поселеній, находки монетъ и вещей, надгробные камни и пр., — словомъ перечисляетъ всѣ памятники, которые могутъ послужить къ археологическому разъясненію мѣстностей. Конечно, независимо отъ всѣхъ этихъ указаній, древнія урочища Казанской губерніи могутъ

разъясниться съ большею точностію только при помощи систематическихкиъ и вполне научныхъ раскопокъ.

Наконецъ, въ приложеніяхъ С. М. Шпилевскій помѣстилъ записку и рапортъ 1812 года Совѣту Казанскаго университета проф. Кондырева, въ которыхъ помѣщены любопытныя свѣдѣнія о древностяхъ Биларска. Затѣмъ онъ подробно разбираетъ известную Казанскую исторію неизвѣстнаго автора, и, сообразивъ всѣ различныя мнѣнія о предполагаемомъ авторѣ этой исторіи, указываетъ, изъ какихъ источниковъ заимствованы разныя сказанія въ этой исторіи, и что въ ней должно принадлежать священнику Глазатому. Въ особенности нѣкоторыя статьи несомнѣнно принадлежатъ неизвѣстному очевидцу осады Казани, между тѣмъ какъ происшествія до послѣдняго похода Іоанна IV заимствованы, безспорно, изъ нашихъ лѣтописей съ добавленіемъ нѣкоторыхъ самостоятельныхъ вставокъ. Остальныя три приложенія содержатъ: описаніе рукописной карты Казанской губерніи конца XVIII вѣка, интересной въ особенности по приложеннымъ видамъ Казанскихъ городовъ; описаніе Болгарскаго городища, сдѣланное въ прошломъ столѣтіи, и описаніе поѣздки автора въ село Булгары для предположенной раскопки кургановъ въ присутствіи членовъ съѣзда; оно заканчивается свѣдѣніями о находкѣ золотыхъ вещей на пашиѣ, 3-го іюля 1877 года.

Изъ разбора ученаго труда С. М. Шпилевскаго видно, что главная цѣль автора состояла въ полномъ обзорѣ памятниковъ, какъ письменныхъ, такъ и вещественныхъ, относящихся до Болгарскаго и Казанскаго царствъ въ предѣлахъ Казанской губерніи. При этомъ я указалъ, до какой степени подробно авторъ собралъ всѣ свидѣтельства восточныхъ писателей, подвергая каждое изъ нихъ самой тщательной критикѣ. Но отдавая полную справедливость его заслугамъ, я не могъ не выразить сожалѣнія, что, издавая такой обширный матеріалъ для исторіи Камско-вожскихъ Булгаръ, С. М. Шпилевскій не воспользовался византійскими источниками и не обратилъ вниманія на скандинавскихъ писателей и даже на сказанія скандинавскихъ сагъ. Начавъ свой трудъ съ писателей X вѣка, онъ упустилъ изъ виду всѣ предшествующія столѣтія существованія Камско-вожскихъ Булгаръ и этимъ самымъ уничтожилъ равновѣсіе между свѣдѣніями, сообщаемыми письменными источниками, и свѣдѣніями, доставляемыми вещественными памятниками хотя даже и одной Казанской губерніи. Одни начинаются только съ X вѣка, тогда какъ другіе достигаютъ до самой

глубокой древности, почти до первыхъ временъ появленія Бугарскаго народа. Притомъ настоящее значеніе самыхъ этихъ памятниковъ разъясняется только свѣдѣніями о той эпохѣ, которой авторъ не коснулся. Не смотря на этотъ пропускъ, собранный С. М. Шпилевскимъ матеріалъ для исторіи Бугарскаго народа составляетъ значительный вкладъ въ отечественную исторію, а потому я считаю своимъ долгомъ просить Академію Наукъ, чтобы она благосклонно отнеслась къ ученому труду С. М. Шпилевскаго и удостоила его меньшей Уваровской преміи.

ОТЗЫВЪ О СОЧИНЕНІИ ПРОТОІЕРЕЯ ПЛАТОНА ЗАРИНСКАГО

„ОЧЕРКИ ДРЕВНЕЙ КАЗАНИ ПРЕИМУЩЕСТВЕННО XVI ВѢКА,
КАЗАНЬ, 1877“

составленный ординарнымъ профессоромъ Казанскаго университета

Н. А. Фирсовымъ.

Трудъ протоіерея Заринскаго «Очерки древней Казани преимущественно XVI вѣка» своимъ содержаніемъ далеко не отвѣчаетъ заглавію, которое наводитъ на мысль, что авторъ намѣревался въ своемъ сочиненіи представить исторію Казани за XVI столѣтіе преимущественно, хотя въ сжатомъ видѣ, но съ разныхъ сторонъ. Мы напрасно бы стали искать въ разбираемомъ трудѣ такого историческаго обзора. Многіе вопросы, существенно связанные съ исторіей Казани XVI вѣка, какъ, на примѣръ, о государственномъ, общественномъ и религіозномъ бытѣ Казанскаго царства, о причинахъ борьбы его съ Московскимъ государствомъ, о Русской колонизаціи средняго Поволжья, объ образѣ дѣйствій Русскаго правительства по отношенію къ прежнимъ подданнымъ Казанскихъ царей, борьбѣ, которую Русскимъ приходилось вести, чтобы отстоять приобрѣтеніе Казани и Поволжья противъ многочисленныхъ враговъ, виѣшнихъ и внутреннихъ, и другіе вопросы, которые посильно рѣшаетъ г. Перетятковичъ въ своемъ сочиненіи «Поволжье въ XV и XVI вѣкахъ», вышедшемъ въ свѣтъ почти одновременно съ «Очерками Казани» отца Заринскаго, — въ послѣднемъ трудѣ или вовсе оставлены безъ отвѣта, или затронуты мимоходомъ, вскользь, поверхностно.

Несмотря на то, разсматриваемый трудъ прот. Заринскаго

заслуживаетъ полнаго вниманія. Дѣло въ томъ, что онъ не имѣлъ въ виду въ своемъ трудѣ изложить цѣльную и обстоятельную исторію Казани за XVI столѣтіе преимущественно, давъ ему наименованіе общеисторическаго значенія непонятно почему. Первоначальная задача, которую задалъ себѣ о. Заринскій, нагѣреваясь писать о древней Казани, состояла, какъ онъ самъ повѣствуетъ въ своемъ сочиненіи (стр. 204), въ томъ, чтобы изобразить въ истинномъ свѣтѣ ходъ осады Казани Русскими въ 1552 г. и Казанскаго взятія 2-го Октября этого года. Но такъ какъ для удовлетворительнаго разъясненія этого весьма важнаго событія, разъясненія особенно съ техническо-военной стороны дѣла, необходимо основательное знаніе топографіи татарской Казани, то онъ на этотъ послѣдній вопросъ, естественно, обратилъ прежде всего все свое вниманіе и ученую любознательность, съ тѣмъ, чтобы лучше рѣшить первый вопросъ, т. е. чтобы отчетливѣе разъяснить военныя событія Августа, Сентября и первыхъ двухъ дней Октября 1552 г., совершившіяся подъ Казанью и въ самой Казани. Этотъ вопросъ сталъ занимать автора, по его словамъ (стр. 6), еще въ началѣ 60-хъ годовъ, и желаніе рѣшить посылно его окончательно въ немъ окрѣпло, когда предварительный комитетъ IV Археологическаго Съѣзда, состоявшагося въ прошлое лѣто въ Казани, предложилъ между прочимъ для рѣшенія слѣдующій, тождественный съ предметомъ, занявшимъ вниманіе отца Заринскаго, вопросъ: «насколько возможно возстановить слѣдующія подробности топографіи города Казани во время осады ея войсками царя Іоанна IV: а) мѣсто, гдѣ находилась татарская крѣпость, б) предѣлы городскихъ татарскихъ поселеній, в) мѣсто, гдѣ стояли осаждающіе». Тогда авторъ разсматриваемаго труда поставилъ себѣ задачею, какъ онъ самъ пишетъ (стр. 3), «рѣшить эти вопросы прямо или косвенно, насколько это возможно сдѣлать на основаніи извѣстныхъ письменныхъ документовъ и тѣхъ немногихъ указаній, которыя представляетъ современная топографія Казани».

Такимъ образомъ, задача разбираемаго труда — специальный, чисто археологическій вопросъ, — вопросъ о топографіи татарской Казани въ послѣднюю эпоху борьбы ея съ Русскими и о планѣ военныхъ дѣйствій послѣднихъ противъ нея, закончившихся ея паденіемъ, и если затѣмъ протоіерей Заринскій въ своемъ сочиненіи далъ мѣсто нѣкоторымъ вопросамъ изъ области историко-юридической, то это съ его стороны было отступленіемъ отъ главной задачи труда, происшедшимъ подъ вліяніемъ случайнаго об-

стоятельства, отступленіемъ, польза котораго для принятой имъ на себя задачи, какъ увидимъ далѣе, сомнительна.

Полагаю, нѣтъ надобности распространяться о важности подобнаго рода вопросовъ для русской науки. Важность вопроса о топографіи столицы бывшаго Казанскаго царства сознавалась въ нашей ученой литературѣ давно, и было нѣсколько попытокъ составить планъ татарской Казани и осады ея войсками Русскаго царя въ 1552 г., о чемъ подробно говорится какъ въ сочиненіи отца Заринскаго, такъ и въ одновременно съ нимъ вышедшемъ въ свѣтъ изслѣдованіи профессора С. М. Шпилевскаго «Древніе города и болгарско-татарскіе памятники въ Казанской губерніи», гдѣ вопросъ о топографіи древней Казани подвергнутъ также внимательному и основательному изслѣдованію. Но эти попытки не имѣли прочнаго успѣха, встрѣчая препятствія отчасти въ невѣрныхъ пріемахъ и путяхъ изслѣдованія дѣла, которыми слѣдовали люди, бравшіеся за него, и отчасти, и главное притомъ, въ трудностяхъ, которыя представлялись недостаткомъ или темнотою данныхъ, необходимыхъ для рѣшенія задачи. Отъ татарской Казани, вслѣдствіе дѣйствія времени, губительныхъ пожаровъ и другихъ причинъ, не осталось никакихъ сооружений, которыя могли бы служить къ уясненію вопроса, и если осталось кое-что въ этомъ родѣ, то въ чрезвычайно ничтожномъ количествѣ и притомъ въ крайне заброшенномъ или измѣненномъ видѣ, такъ что для распознаванія таковыхъ потребны становились особыя опытность, наблюдательность и терпѣніе; самыя физическія условія Казанской мѣстности значительно измѣнились въ теченіе трехъ вѣковъ слишкомъ послѣ подчиненія Казани Русской власти; нѣкоторыя возвышенности, овраги, озера, не говоря о лѣсахъ, примыкавшихъ къ самому городу, исчезли, хотя несомнѣнно они существовали не только въ татарскую эпоху, но и гораздо позже. Рѣки Казанка и Булакъ, игравшія видную роль въ исторіи борьбы татарской Казани съ Русскими, значительно измѣнились и въ направленіи своего теченія, и въ количествѣ содержимой въ нихъ воды. Отъ Татаръ, влстителей Казани, потомки ихъ не сохранили относительно ея топографіи, такъ же какъ и исторіи, ничего, кромѣ противорѣчивыхъ и баснословныхъ преданій. Недостатокъ указаннаго рода источниковъ къ уразумѣнію топографіи татарской Казани, повидимому, долженъ былъ бы восполниться русскими источниками; дѣйствительно, о послѣднемъ времени самостоятельнаго существованія ея оставили свои сказанія современники изъ Русскихъ, которые, по

всему видно, могли передать о ней точныя свѣдѣнія. Князь Курбскій, описавшій въ своей, извѣстной, исторіи Ивана Грознаго и послѣднюю борьбу Русскихъ съ Казанью, былъ не только очевидцемъ, но и весьма замѣтнымъ дѣятелемъ этой борьбы. Составитель Царственной книги, если самъ не былъ очевидцемъ и дѣятелемъ этой борьбы, то имѣлъ подъ руками, при составленіи своего труда, записки о ней, писанныя очевидцами и притомъ весьма близко знакомыми съ обстоятельствами, къ ней относящимися. То же нужно сказать объ извѣстной «Казанской исторіи», которую нѣкоторые приписываютъ священнику Глазатому, и составитель которой, несомнѣнно, пользовался письменнымъ рассказомъ о Казани очевидца, вошедшимъ въ составъ этой исторіи. Но между замѣтками этихъ очевидцевъ о Казани, какъ извѣстномъ населенномъ и укрѣпленномъ пунктѣ, разсѣянными среди подробностей историческаго повѣствованія, находили противорѣчія. Согласовать эти, оказывающіяся въ большинствѣ случаевъ мнимыми, противорѣчія въ наблюденіяхъ очевидцевъ, согласовать путемъ строгой критики не особенно у насъ старались, какъ вообще не особенное стараніе прилагали къ изученію древней географіи Русскихъ земель и топографіи древнихъ городовъ. Вообще, вопросъ о топографіи татарской Казани и отсюда о планѣ осады и занятія ея штурмомъ Русскими въ 1552 году до самаго послѣдняго времени находился въ такомъ положеніи, что не только не были точно опредѣлены многіе отдѣльные пункты мѣстности, которую занимала столица Казанскаго царства, но не установленъ былъ твердый взглядъ на общій планъ расположенія ея укрѣпленій, не выяснено было, въ какомъ направленіи шли стѣны и другія укрѣпленія, сооруженныя Татарами для своего главнаго города, которыя приходилось брать нашимъ предкамъ при совершеніи одного изъ величайшихъ подвиговъ Русскаго народа; не выяснено было, заключалось ли Казанское городское населеніе только въ районѣ линіи укрѣпленій, или оно переходило за черту ея, или, другими словами, не выяснено было, какъ велика была площадь, занятая городскимъ населеніемъ Казани.

Протоіерей Заринскій, несмотря на такое положеніе въ наукѣ сказаннаго вопроса, не остановился предъ труднымъ дѣломъ разъясненія его. Какой же онъ въ этомъ случаѣ избралъ путь и къ какимъ пришелъ результатамъ? На первую половину поставленнаго сейчасъ вопроса отвѣчаетъ самъ авторъ: въ первой главѣ своего труда (стр. 5) онъ выражаетъ, повидимому, убѣжденіе, что

стоитъ только возстановить планъ русской Казани въ началѣ второй половины XVI столѣтія, то можно почти достовѣрно опредѣлить планъ татарской Казани, по крайней мѣрѣ составить весьма близкое понятіе о ея предѣлахъ. Такое свое убѣжденіе онъ основываетъ на томъ соображеніи, что Русскіе, взявши Казань, вскорѣ встрѣтили столь сильныя препятствія къ удержанію ея за собою вслѣдствіе возстаній подданныхъ прежнихъ Казанскихъ царей, что «по необходимости должны были держаться оборонительнаго положенія, а потому должны были воспользоваться, какъ прежде и Татары, выгодами Казанской мѣстности и ограничить городъ тѣмъ же пространствомъ, какое занимала татарская Казань, какъ крѣпость, и никакимъ образомъ не расширять стѣнъ, чтобы не увеличивать линіи защиты». Затѣмъ авторъ съ радостію говоритъ, что желанію его возстановить планъ русской Казани въ началѣ второй половины XVI столѣтія «пришлось осуществиться самымъ неожиданнымъ образомъ», благодаря тому, что онъ имѣлъ возможность воспользоваться обширнымъ извлеченіемъ изъ казанскихъ писцовыхъ книгъ, сдѣланнымъ покойнымъ Невоструевымъ и доставленнымъ послѣ его смерти въ Казанскую духовную академію (затѣмъ напечатаннымъ въ 1877 году), — выражая въ концѣ сожалѣніе, что эта писцовая книга подверглась значительной порчѣ.

Такой путь къ рѣшенію вопроса о топографіи татарской Казани нельзя признать надежнымъ: невѣроятно, чтобы Русскіе, взявъ городъ приступомъ и почти уничтоживъ его, стали возстановлять его, держась татарскаго плана. Писцовая книга, взятая отцемъ Заринскимъ за руководство для изображенія Казани послѣ лѣтъ 15-ти русскаго господства надъ нею, говоритъ о противномъ: Русскіе въ прежней столицѣ Татарскаго царства дѣятельно и прочно завели московскіе порядки, вліявшіе на измѣненіе плана города и очертаніе его укрѣпленій. Самъ авторъ въ своемъ трудѣ (стр. 169 и 182) приводитъ офіціальное извѣстіе, что линія укрѣпленій Казани вскорѣ послѣ занятія ея Русскими расширена, по распоряженію правительства, значительно противъ той, какая имѣлась въ Татарской столицѣ въ 1552 г. Наконецъ соображеніе, по которому авторъ полагалъ избрать вышеуказанный путь къ рѣшенію занимающаго его вопроса, не воплѣнъ вѣрно: невѣрно то, что Казань, сдѣлавшись Русскимъ городомъ, должна была стать въ исключительно оборонительное положеніе именно вслѣдствіе возстаній инородцевъ и потому держаться линіи защиты, избрѣтенной казанцами; напротивъ, въ большинствѣ случаевъ возста-

вашіе противъ русской власти, утвердившейся въ Казани, не столько наступательно дѣйствовали противъ нея, сколько оборонялись противъ войскъ, ходившихъ изъ этого города для приведенія ихъ къ покорности новой власти. Не было случая серьезной опасности для Казани со стороны возстававшихъ инородцевъ, и русская Казань, сохраняя, поддерживая и развивая на всякій случай всякіе способы обороны противъ внезапныхъ нападеній враговъ, была исходнымъ пунктомъ движенія болѣе наступательнаго, чѣмъ пассивно-оборонительнаго. Вообще, еслибы авторъ въ рѣшеніи взятаго имъ вопроса о топографіи татарской Казани пошелъ исключительно по этому пути, то онъ, конечно, явился бы послѣдователемъ Каница, котораго самъ опровергаетъ, т. е. вмѣсто топографіи татарской Казани представилъ бы намъ топографію этой мѣстности, какъ она представлялась послѣ пятнадцати лѣтъ Русскаго господства надъ нею.

Но къ счастью, высказавъ старую теорію рѣшенія вопроса, отецъ Заринскій на дѣлѣ ей не послѣдовалъ, что впрочемъ было и невозможно, такъ какъ Невоструевская писцовая книга, на основаніи которой онъ полагалъ возстановить топографію русской Казани въ началѣ второй половины XVI столѣтія, не заключаетъ въ себѣ необходимыхъ данныхъ для того по причинѣ ея неполноты; на дѣлѣ избралъ онъ другой, болѣе вѣрный путь къ разъясненію взятаго имъ вопроса. Не переставая придавать весьма важное значеніе вышеназванной писцовой книгѣ и внимательно ее изучивъ, онъ въ то же время, при изслѣдованіи вопроса о топографіи Казани татарской и русской, не даетъ этому матеріалу преобладающаго значенія и, вмѣстѣ съ данными объ этомъ предметѣ, находящимися въ немъ, тщательно разсматриваетъ соотвѣтствующія извѣстія, заключающіяся въ исторіи князя Курбскаго, Царственной книгѣ, въ «Казанской исторіи» неизвѣстнаго сочинителя и въ другихъ, второстепенныхъ источникахъ, а также указанія, даваемыя естественными условіями Казанской мѣстности, и уже на основаніи этого разнообразнаго матеріала, добросовѣстно изученнаго имъ, дѣлаетъ выводы относительно топографіи татарской Казани и плана осады ея Русскими. Думаю, такое отношеніе къ дѣлу, заявленное отцомъ Заринскимъ, не можетъ не быть признано вполне соотвѣтствующимъ научнымъ требованіямъ, которыя современная наука возлагаетъ на изслѣдователей спорныхъ и сложныхъ вопросовъ, подобныхъ взятому авторомъ. Полагаю, что результаты, которые добыты имъ такимъ путемъ и

выражены между прочимъ въ приложенномъ къ труду планѣ Казани, весьма не мало важное имѣютъ значеніе въ научномъ отношеніи. Если относительно нѣкоторыхъ отдѣльныхъ пунктовъ татарской Казани заключенія и выводы, сдѣланныя авторомъ, могутъ еще быть оспариваемы, то въ общемъ очертаніи планъ ея укрѣпленій, осады и штурма ея Русскими войсками въ 1552 году, какъ онъ представленъ авторомъ въ его трудѣ, нельзя не признать весьма близкимъ къ истинѣ и даже совершенно вѣрнымъ ей. Непонятно одно только: почему авторъ въ приложенномъ къ труду его «планѣ современной Казани, съ показаніемъ на немъ направленія Татарской крѣпостной стѣны и расположенія Русской арміи при осадѣ Казани въ 1552 г.», современную Казань изобразилъ въ гораздо меньшемъ видѣ, чѣмъ она есть, опустивъ не только предмѣстья и слободы, числящіяся въ составѣ города, но и многія улицы и кварталы въ самомъ главномъ мѣстѣ его развитія. Равнымъ образомъ, тѣ выводы, къ которымъ приходитъ прот. Заринскій въ своемъ изслѣдованіи,—что въ татарской Казани не было особаго укрѣпленнаго мѣста, соответствующаго Русскому кремлю, а была общая для всего города линія укрѣпленій и, кромѣ того, въ предѣлахъ ея, въ извѣстномъ мѣстѣ, а именно въ сѣверо-западномъ углу нынѣшней казанской крѣпости, находился укрѣпленный дворецъ ханскій, и что городское населеніе татарской Казани жило не только въ предѣлахъ линіи укрѣпленій ея, а переходило за нее, распространяясь по Забулачью,—нужно считать прочными научными приобрѣтеніями.

Но авторъ не ограничился въ своемъ трудѣ рѣшеніемъ одного вопроса о топографіи татарской Казани. Писцовая книга Невоструева нѣсколькими, заключающимися въ ней, данными касательно разныхъ сторонъ быта христіанской Казани, преимущественно быта духовенства, привлекла также его вниманіе, и, подъ вліяніемъ увлеченія этимъ матеріаломъ, онъ нашелъ умѣстнымъ сдѣлать отступленіе отъ главнаго предмета своего изслѣдованія, вставивъ въ средину его двѣ главы, изъ коихъ одна (III) трактуетъ объ административно-полицейскомъ, судебномъ и военномъ устройствѣ въ христіанской Казани, а другая (IV) — о разныхъ элементахъ ея населенія. Эти трактаты автора, разсматриваемые безъ отношенія ихъ къ прочимъ частямъ его труда, представляютъ нѣкоторый научный интересъ лишь по тѣмъ, впрочемъ отрывочнымъ, свѣдѣніямъ, которыя почерпнуты изъ вышеназванной писцовой книги. Остальныя въ нихъ разсужденія автора

объ указанныхъ сторонахъ быта Казани въ первое время господства надъ нею Русскихъ не имѣютъ, по моему мнѣнію, особаго значенія для науки, такъ какъ отличаются неполнотою, неопредѣленностію и нерѣдко невѣрностію и основываются во многихъ случаяхъ на позднѣйшихъ источникахъ, напримѣръ XVII столѣтія, вмѣсто имѣющихся на лицо современныхъ. Разсматриваемыя же въ связи съ прочими частями труда отца Заринскаго, эти главы не служатъ къ уясненію существенной задачи, а между тѣмъ прерываютъ связь и нарушаютъ послѣдовательность въ изложеніи предмета.

Съ другой стороны, увлеченію прот. Заринскаго писцовою книгою Невоструева, бывшему причиною появленія въ трудѣ его сейчасъ отмѣченныхъ главъ, мы обязаны слѣдующими за тѣмъ превосходными главами V и VI. Эти главы, въ которыхъ, въ соединеніи со II главой, собственно и рѣшается авторомъ главный вопросъ его труда — вопросъ о топографіи татарской Казани и планъ осады ея Русскими, вмѣстѣ съ тѣмъ представляютъ съ большимъ умѣньемъ и любовію сдѣланное на основаніи писцовой книги и многихъ другихъ близкихъ источниковъ, а также на основаніи весьма старательнаго изученія вещественныхъ остатковъ казанской старины, описаніе Казани, какъ она была спустя 15 лѣтъ послѣ покоренія ея Русскими. Ни въ какомъ другомъ ученѣ трудѣ такъ ясно и отчетливо не представлены результаты жизни и дѣятельности русскаго населенія въ столицѣ прежняго татаро-магометанскаго царства въ теченіе перваго періода русскаго въ ней господства, какъ въ этихъ главахъ почтеннаго труда отца Заринскаго. Думаю, всякій, кто вздумаетъ заняться изученіемъ древностей Казани, не можетъ обойтись безъ содѣйствія и руководства, доставляемыхъ этою частію его изслѣдованія.

VII и послѣдняя глава разбираемаго труда посвящена изображенію хода осады и взятія Казани въ 1552 году Русскими войсками. Здѣсь, сначала вѣрно опредѣливъ значеніе этого событія въ исторіи Русскаго развитія и обозначивъ ближайшія къ нему и подготовившія его обстоятельства и отношенія, авторъ, вооруженный прочнымъ знаніемъ топографіи Казани, съ замѣчательною ясностію представляетъ дѣло; держась при изложеніи этого предмета преимущественно техническо-военной точки зрѣнія, онъ рельефно выставляетъ главнѣйшіе моменты и фазы борьбы, закончившейся водруженіемъ Христіанскаго знамени на развалинахъ столицы магометанскаго царства.

На основаніи всего вышеизложеннаго я прихожу къ тому общему заключенію, что трудъ о. Заринскаго по своимъ научнымъ достоинствамъ удовлетворяетъ тѣмъ требованіямъ, которыя поставлены для ищущихъ награды графа Уварова Положеніемъ о нихъ. Съ своей стороны я полагаю бы, что авторъ за этотъ трудъ заслуживаетъ меньшей награды въ 500 руб. Позволяю себѣ выразить при этомъ убѣжденіе, что, если Академія Наукъ раздѣлитъ это мое мнѣніе, то полученною наградою протоіерей Заринскій воспользуется какъ средствомъ для продолженія своей ученой дѣятельности по исторіи и древностямъ Казани.

РАЗБОРЪ СОЧИНЕНІЙ Е. ОГОРОДНИКОВА:

„МУРМАНСКІЙ И ТЕРСКІЙ БЕРЕГА ПО КНИГѢ БОЛЬШАГО ЧЕРТЕЖА“.
СПБ. 1869, и „ПРИБРЕЖЬЯ ЛЕДОВИТАГО И ВЪЛАГО МОРЕЙ ПО КНИГѢ
БОЛЬШАГО ЧЕРТЕЖА“. СПБ. 1877 Г.

Составилъ **Н. П. Барсовъ.**

Исслѣдованія г. Огородникова посвящены существеннѣйшимъ задачамъ, которыя представляются при критическихъ изысканіяхъ Книги Большаго Чертежа, одного изъ важнѣйшихъ памятниковъ русской исторической географіи. Какъ извѣстно, Книга Большаго Чертежа дошла до насъ въ двухъ редакціяхъ: первая относится къ 1627 году, когда, по указу царя и великаго князя Михаила Ѳеодоровича былъ сысканъ въ Разрядѣ старый Чертежъ всему Московскому государству; но какъ «тотъ чертежъ былъ ветхъ, и впредь на немъ урочищъ смотрѣть было не можно», то въ Разрядѣ состоялось распоряженіе: «примѣряясь къ тому старому чертежу въ то же мѣру сдѣлать новый чертежъ всему Московскому государству, по всѣмъ окрестнымъ государствамъ», дополнить его вновь составленнымъ по имѣвшимся въ Разрядѣ даннымъ чертежомъ городамъ рязанскимъ, сѣверскимъ и польскимъ (степнымъ), тремъ дорогамъ (шлякамъ) отъ Ливенъ до Перекопу, и т. д., и вмѣстѣ съ тѣмъ всѣ чертежныя подписи урочищъ внести въ особую книгу, и «въ книгѣ не въ чертежѣ зная мѣрѣ верстамъ положить по прежнему, какъ была мѣра верстамъ знаменъ въ старомъ чертежѣ положена».

Самый Чертежъ затерянъ, — по крайней мѣрѣ до сей поры остается неизвѣстнымъ; но возникшее въ 1627 году описаніе его,

которое и составляетъ первую редакцію Книги Большаго Чертежа дошло до насъ въ нѣсколькихъ спискахъ. Полстолѣтіе спустя, въ 1680 г., при царѣ Ѳеодорѣ Алексѣевичѣ, Чертежь былъ возобновленъ и дополненъ новыми топографическими данными. Отъ этой второй редакціи сохранилось также только одно описаніе.

Этотъ важный историко-географическій памятникъ очень рано обратилъ на себя вниманіе изслѣдователей русской старины. Ранѣе всего сдѣлалась извѣстною вторая редакція, открытая и изданная Новиковымъ въ 1773 году, въ его «Вивлюонкѣ» и отдѣльно, подъ заглавіемъ: «Древняя Россійская Идрографія». Что касается первой редакціи, то она была издана въ 1792 г. въ Петербургѣ, съ предисловіемъ неизвѣстнаго автора, въ которомъ угадывали И. И. Болтина. За тѣмъ, въ 1838 году, было сдѣлано второе ея изданіе Д. И. Языковымъ, который почелъ нелишнимъ свести обѣ редакціи (1627 и 1680 гг.) въ одинъ текстъ. Слѣдующее затѣмъ и послѣднее изданіе принадлежитъ г. Спасскому, который дополнилъ его объяснительными примѣчаніями.

По назначенію своему, Большой Чертежь былъ не болѣе, какъ маршрутная карта, съ показаніемъ населенныхъ мѣстъ и живыхъ урочищъ, лежащихъ по тому или другому шляку (дорогѣ), иповерстныхъ разстояній между ними. Но этимъ еще не опредѣляется вполне его значеніе, какъ источника древней исторической географіи Россіи. Не говоря уже о томъ, что Книга Большаго Чертежа сама по себѣ составляетъ важный памятникъ не только правительственной дѣятельности, но и вообще исторіи русскаго образованія, она, будучи предназначена служить для справокъ одному изъ важнѣйшихъ правительственныхъ учрежденій, указываетъ мѣстности, имѣвшія для него интересъ въ административномъ и стратегическомъ отношеніяхъ, и сообщаетъ драгоцѣнныя свѣдѣнія о сосѣднихъ земляхъ, преимущественно на восточномъ и южномъ порубежьяхъ. Этого однако недостаточно. Книга Большаго Чертежа поражаетъ насъ богатствомъ гидрографическихъ, или, вообще говоря, хорографическихъ указаній, и указаній на такъ называемыя живыя урочища: рѣки, ручьи, лѣса, болота. На это были, конечно, свои причины. Между прочимъ, сколько можно судить по Книгѣ, такого рода данныя имѣли особенную важность для составителей Чертежа: они составляли основную сѣть карты, замѣняя въ ней градусную сѣть нынѣшнихъ картъ, и служили опорными пунктами для опредѣленія положенія населенныхъ мѣстъ. Кромѣ того, въ странѣ, отличающейся богатствомъ рѣчныхъ системъ, обиліемъ лѣсовъ

и болотъ, хорографическія условія имѣли сами по себѣ важное практическое значеніе: рѣки служили главными путями сообщенія между населенными мѣстами; лѣса и болота вліяли на направеніе сухопутныхъ дорогъ. Все это побуждало правительство имѣть возможно точныя хорографическія свѣдѣнія о своихъ областяхъ и наносить ихъ на Чертежъ съ особенною тщательностью.

Сверхъ того, Книга Большаго Чертежа объясняетъ очень многія данныя изъ древней исторической географіи, которыя безъ нея и доселѣ оставались бы темными. Въ нашей исторической наукѣ уже давно оцѣнили по достоинству важное значеніе Книги Большаго Чертежа. Еще издатель ея 1792 года старался показать, какое дорогое приобрѣтеніе она составляетъ для отечественной исторіи. Со времени Татищева, она сдѣлалась необходимою книгою для каждаго историка Россіи. Но первый, кто подалъ мысль о необходимости спеціальнаго изученія и разработки этого памятника, былъ Надеждинъ, которому принадлежить первый опытъ научной разработки русской исторической географіи. Въ 1851 году онъ внесъ предложеніе объ этомъ на обсужденіе этнографическаго отдѣленія Императорскаго Русскаго Географическаго Общества, не задолго предъ тѣмъ основаннаго. Предложеніе, поддержанное К. А. Неволинымъ, было принято сочувственно Обществомъ, которое съ тѣхъ поръ ставило задачу о разъясненіи Книги Большаго Чертежа на равнѣ съ задачами изданія и изученія Писцовыхъ Книгъ Московскаго государства. Въ началѣ 1852 года, Общество объявило вопросъ объ изслѣдованіи Книги Большаго Чертежа задачею на конкурсъ, формулировавъ ее слѣдующимъ образомъ: «*возстановить* по такъ называемой Книгѣ Большаго Чертежа древнюю географическую карту Россіи и сопредѣльныхъ съ нею странъ, для которой книга эта въ свое время служила текстомъ». Въ подробномъ изложеніи требованій, которыя должны были имѣть въ виду изслѣдователи Книги, между прочимъ выражалось желаніе, чтобы по возможности было изслѣдовано происхожденіе и судьба самаго подлинника Большаго Чертежа и указано на источники, какіе могли служить для его составленія.

Какъ видно изъ обстоятельнаго изложенія всего этого дѣла въ «Обозрѣніи трудовъ Имп. Русск. Геогр. Общества по исторической географіи» А. И. Артемьева, конкурсъ оставался открытымъ въ продолженіе семи лѣтъ, но вызвалъ только двѣ работы—В. А. Преображенскаго (изъ Твери) и Г. С. Куклинскаго (изъ Бѣлостока)—

и обѣ были признаны не вполне разрѣшающими задачу. Тѣмъ не менѣ Отдѣленіе обратило вниманіе на трудъ г. Куклинскаго и назначило для разсмотрѣнія его особую комисію. Хотя комисія и признала полезнымъ издать этотъ трудъ, несмотря на его незаконченность, да кстати же издать и самую Книгу Большаго Чертежа, такъ какъ изданіе Спасскаго, не вполне удовлетворительное, составляло уже и тогда библиографическую рѣдкость, однако, къ сожалѣнію, дѣло было отложено, затянулось и заглохло, и конкурсъ закрылся, не давши никакихъ прямыхъ результатовъ.

Но за то были косвенные результаты, и результаты весьма важные. При разсмотрѣніи первыхъ опытовъ разработки Книги Большаго Чертежа и при обсужденіи средствъ къ успѣшному разрѣшенію уже поставленныхъ задачъ, въ Этнографическомъ Отдѣленіи мало по малу выработалась мысль о необходимости критическаго изслѣдованія этого памятника. Какъ видно изъ указаннаго выше «Обозрѣнія» г. Артемьева, благодаря рефератамъ и заявленіямъ членовъ Общества А. А. Куника, Н. В. Калачова, В. И. Ламанскаго, Д. А. Кропотова и др., оказалось, что для надлежащаго объясненія его и для возстановленія самого утраченнаго Чертежа, нужно предварительно опредѣлить, когда, какъ и на основаніи какихъ источниковъ и матеріаловъ возникъ Чертежъ, а эта задача обуславливаетъ необходимость изслѣдовать и провѣрить Книгу Большаго Чертежа на основаніи другихъ современныхъ ей историко-географическихъ памятниковъ. Въ такомъ направленіи было тогда же заявлено нѣсколько работъ со стороны нѣкоторыхъ членовъ Общества; но честь перваго опыта научной критической разработки Книги Большаго Чертежа выпала на долю г. Огородникова, который, въ 1869 году, издалъ весьма важное изслѣдованіе по этому предмету: «Мурманскій и Терскій берега по Книгѣ Большаго Чертежа».

Въ этомъ трудѣ почтенный изслѣдователь поставилъ себѣ тѣ именно задачи, какія занимали Отдѣленіе Этнографіи. «Важное само по себѣ значеніе Книги Большаго Чертежа, какъ описанія маршрутной карты XVI и XVII столѣтій,—говоритъ онъ въ вступленіи къ своему изслѣдованію (стр. 5),—не можетъ быть достаточно оцѣнено *безъ сравненія съ тѣмъ*, что историческая географія можетъ указать современнаго Чертежу въ поясненіе его текста». Только такимъ путемъ можно будетъ отыскать указанія, необходимыя для исправленія текста, для возстановленія самого Чертежа, и—главное—для опредѣленія связи, въ которой находится текстъ Чертежа съ наши-

ми старинными географическими познаніями». Такое изслѣдованіе привело автора къ убѣжденію, что «состояніе источниковъ, необходимыхъ для объясненія Книги Большаго Чертежа далеко еще не достигло удовлетворительной разработки, и что поэтому нельзя говорить объ историческомъ значеніи Чертежа, какъ о вопросѣ почти рѣшенномъ, и едва ли не правильнѣе текстъ Чертежа, дошедшій до насъ въ различныхъ спискахъ, признать такую географическую хроникой, къ которой не приискано еще хронологическаго указателя, и въ которой первоначальный слой географическихъ указаній (можетъ быть, очень краткихъ) закрытъ для насъ многочисленными поправками и дополненіями, и представляетъ нѣсколько хронологическихъ ступеней, нѣсколько редакцій, дополняющихъ одна другую, или, пожалуй, *нѣсколько описаній Чертежа, въ разное время имѣвшихъ значеніе маршрутныхъ картъ*» (ст. 9). Вопросъ о времени составленія Чертежа, вызывавшій разнорѣчивыя мнѣнія, авторъ считаетъ нерѣшеннымъ, какимъ онъ и останется до тѣхъ поръ, пока «подъ разнообразными и разновременными вставками и измѣненіями не будетъ открытъ въ Кн. Большаго Чертежа первоначальный или, по крайней мѣрѣ, древнѣйшій слой географическаго очерка русской земли». При неполнотѣ источниковъ эта задача не можетъ еще считаться своевременною для всей Книги, но опытъ такой работы не невозможенъ по нѣкоторымъ отдѣльнымъ частямъ.

Обстоятельный трудъ г. Огородникова далъ на поставленные такимъ образомъ вопросы весьма солидные отвѣты, и, по всей справедливости, долженъ быть признанъ важнымъ вкладомъ въ небогатую еще литературу русской исторической географіи. Извѣстно, съ какимъ сочувствіемъ онъ былъ принятъ въ средѣ Географическаго Общества, которое, основываясь на отзывѣ особой комиссіи, назначенной для его разсмотрѣнія, и на рецензіи дѣйств. члена Д. А. Кропотова ¹⁾, увѣнчало его золотою медалью. Уже тогда г. Огородниковъ заявилъ о своемъ намѣреніи продолжать разработку Книги Большаго Чертежа, и представленное имъ теперь новое изслѣдованіе о бережьяхъ Бѣлаго и Ледовитаго морей составляетъ результатъ этихъ дальнѣйшихъ изысканій.

Оба труда г. Огородникова построены по одинаковому плану:

1) Въ отчетѣ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества за 1868.

и въ томъ, и въ другомъ употреблены одинаковые критическіе приемы и способъ изложенія, и если въ этомъ послѣднемъ отношеніи второй представляетъ нѣкоторыя отличія, которыя будутъ указаны ниже, то это зависѣло отчасти отъ свойства матеріаловъ, и во всякомъ случаѣ не есть что либо существенное; наконецъ и то, и другое изслѣдованія привели автора къ одинаковымъ заключеніямъ по вопросу объ источникахъ и времени возникновенія Книги Большаго Чертежа. Слѣдовательно мы имѣемъ полное право разсматривать оба труда г. Огородникова какъ цѣльное изслѣдованіе, и въ своемъ обзорѣ соединить изложеніе содержанія ихъ по существу вопросовъ, затрогиваемыхъ авторомъ, не стѣснясь, такъ сказать, брошюровкой.

Изслѣдованія г. Огородникова обнимаютъ обширную полупустынную окраину Руси отъ р. Таза, на западѣ, до устья р. Печоры, на востокѣ, со включеніемъ системъ рѣкъ, вливающихся въ моря Ледовитое и Бѣлое, и представляютъ такимъ образомъ историко-географическую картину почти всей сѣверной покатости. Этотъ отдаленный край имѣетъ особый интересъ для русской исторической науки. Составляя окраину области, первоначально заселенной финскими племенами, онъ очень поздно сдѣлался ареною русской колонизаціи, которая впервые начала проникать сюда, уже окончательно восторжествовъ въ Поволжьѣ, когда въ предѣлахъ Ростово-суздальскаго княженія едва-ли не совершенно была истреблена финская народность (въ XII в.). Въ эпоху составленія Чертежа дѣло колонизаціи было далеко еще не окончено. Ея ходъ засвидѣтельствованъ многочисленными современными историческими памятниками, правительственными грамотами, актами монастырей и частныхъ лицъ, сказаніями и т. д. Рука объ руку съ колонизаціоннымъ движеніемъ и съ утвержденіемъ правительственной власти надъ этимъ краемъ, шло ознакомленіе съ его географіей, собирались свѣдѣнія, изъ которыхъ, между прочимъ, могъ возникнуть матеріалъ для составленія Чертежа, такъ что, въ виду этого одного обстоятельства, изслѣдователю Книга Большаго Чертежа, по отношенію къ разсматриваемому краю, необходимо предварительно уяснить себѣ его этнографическое и географическое положеніе въ эпоху, предшествовавшую возникновенію этого памятника.

Въ трудахъ г. Огородникова мы находимъ такое именно введеніе къ изслѣдованію о сѣверномъ поморьѣ по Книгѣ Большаго Чертежа. Изысканіямъ о Мурманскомъ и Терскомъ берегахъ авторъ

предпосылаетъ свѣдѣнія о первоначальномъ населеніи края, Лопи и Корелахъ, и о постепенномъ распространеніи въ ней русскаго вліянія и народности. Переходя за тѣмъ далѣе на востокъ, къ берегамъ Корельскому (за частью котораго до р. Нюхчи авторъ удерживаетъ однако названіе Лопскаго; въ историческомъ смыслѣ), къ областямъ рр. Онеги, Двины, Мезени, Печоры, онъ сообщаетъ въ особой главѣ подробныя и обстоятельныя свѣдѣнія о заселявшихъ когда-то этотъ край финскихъ племенахъ: Ямѣ, Югрѣ, Печерѣ, Самоѣдахъ, Перми, Суми и Корелахъ (Прибер. стр. 3—67).

Наиболѣе интереса представляютъ замѣчанія автора о Лопи въ первомъ выпускѣ его труда. Оставляя въ сторонѣ то немногое, что онъ говоритъ, ссылаясь на мнѣнія Карамзина и Лерберга о времени подчиненія Лопи гѣсной и дикой Новгороду, и въ чемъ нельзя не замѣтить нѣкоторой неясности и противорѣчія (ср. стр. 14, 16, 23), мы находимъ въ разысканіяхъ г. Огородникова точное опредѣленіе области, которая первоначально, задолго до XV вѣка, была занята Лопью. Она заключала въ себѣ побережья Ледовитаго и Бѣлаго морей отъ залива Варенгскаго до Выга-рѣки, при чемъ крайнія на югѣ ея разселенія заходили въ южную часть Финляндіи, въ Олоонецкую губернію на Онежское побережье и въ С. Петербургскую губернію къ берегамъ Ладожскаго озера (стр. 22—23, 33). Пользуясь подробными указаніями монастырскихъ актовъ и другихъ памятниковъ, авторъ представилъ подробную картину размѣщенія Лопарей въ области, обнимаемой его изслѣдованіемъ, преимущественно въ XVI ст. и частью въ XVII ст. (стр. 30—32).

Лопь очень рано подверглась давленію съ юга сосѣднихъ, болѣе сильныхъ племенъ, Кореловъ и особенно Руси, которыя мало по малу оттѣснили ее на сѣверъ. Въ изложеніи хода корельской колонизаціи авторъ слѣдуетъ Кастрену, который, на основаніи изустныхъ преданій и письменныхъ памятниковъ, полагаетъ, что она началась значительно поздно, и что въ древнѣйшее время ей прѣшествовали военные набѣги не ради приобрѣтенія новыхъ мѣстъ для поселеній, а ради добычи. Сродство въ языкѣ Кореловъ, отъ мѣстностей, лежащихъ въ нынѣшнемъ Кемскомъ уѣздѣ, до р. Торнео, доказываетъ, по мнѣнію Кастрена, что Корелы передвигались изъ южной части Кемскаго уѣзда по направленію къ берегамъ Торнео, а не на сѣверъ, къ Лопскому поморью, т. е. по направленію, по которому они всегда совершали свои торговыя путешествія, составлявшія, быть можетъ, обновленную форму ихъ прежнихъ

набѣговъ, странствованій и переходовъ вовнутрь Финской земли (стр. 18—19). Что касается колонизаціоннаго движенія Кореловъ на сѣверъ, то первыя историческія указанія на пребываніе ихъ у береговъ Бѣлаго моря относятся къ XV вѣку, когда въ Новгородскихъ грамотахъ и въ житіи Соловецкихъ чудотворцевъ упоминаются «Корельскіе люди» и «Корельскія дѣти» Тѣмъ не менѣе, по замѣчанію г. Огородникова, изъ этого не слѣдуетъ еще заключать, что они были коренными обитателями края даже на такъ называемомъ Корельскомъ берегу, гдѣ они только поглотили аборигеновъ Лопарей, а тѣмъ болѣе на Терскомъ берегу, гдѣ они встрѣчаются не дагѣ р. Варзухи, и при томъ рѣдко разбросанными поселеньями (стр. 34—35). Начало русской колонизаціи среди Лопарей г. Огородниковъ видитъ еще въ X вѣкѣ, въ ихъ зависимыхъ отношеніяхъ отъ Новгорода, которыя ограничивались однако по отношенію къ Лопарямъ Терскимъ и Кольскимъ сборомъ дани, между тѣмъ какъ относительно Лопи въ теперешней южной части Кемскаго уѣзда не встрѣчается никакихъ историческихъ свидѣтельствъ. Причину этого авторъ приписываетъ отчасти тому обстоятельству, что эта область, служившая путемъ Корельской колонизаціи, освободилась отъ внутренней неурядицы позже другихъ, уже подъ властью Московскаго государства, которое въ свою очередь, на первыхъ порахъ господства въ предѣлахъ этой области, должно было выдержать продолжительную борьбу со Шведами.

Ходъ этой борьбы и за тѣмъ распространеніе русскихъ колоній, шедшихъ рядомъ съ христіанствомъ (25—30), изложены почтеннымъ изслѣдователемъ весьма обстоятельно, на основаніи изданныхъ документальныхъ источниковъ и трудовъ Досифея (описаніе Соловецкаго монастыря), гг. Ключевскаго и Молчанова. Этимъ введеніемъ авторъ уяснилъ многія изъ тѣхъ данныхъ, которыя должны быть приняты въ основаніе при критическомъ разборѣ Книги Большаго Чертежа, и дѣйствительно подготавливаетъ читателя къ дальнѣйшему изслѣдованію положенія края, какъ оно открывается въ этомъ географическомъ памятникѣ.

Къ сожалѣнію, нельзя сказать того же объ аналогическомъ введеніи къ его изслѣдованію о прибрежьяхъ морей Ледовитаго и Бѣлаго. Авторъ посвятилъ его главнымъ образомъ обзору и критической провѣркѣ древнѣйшихъ географическихъ свѣдѣній о сѣверо-востокѣ Европейской Россіи (въ предѣлахъ Архангельской и Вологодской губерній), которыя, говоритъ онъ, «въ качествѣ относитель-

ныхъ или непосредственныхъ источниковъ для объясненія Книги Большаго Чертежа, имѣютъ разнообразное значеніе». Но для самого автора осталось, кажется, неяснымъ, въ чемъ именно могло бы заключаться значеніе этихъ давнихъ свѣдѣній, главнымъ образомъ *этнографическихъ*, для объясненія маршрутной карты Московскаго государства, имѣющей чисто *топографическій* характеръ. Въ ряду такихъ свѣдѣній, онъ справедливо указываетъ на данныя, которыя можно извлечь изъ теперешней географической номенклатуры русскаго сѣверо-востока, но вмѣстѣ съ тѣмъ самъ же долженъ сознаться, что нѣкоторая часть ихъ такого свойства, что не имѣетъ прямого отношенія къ объясненію Кн. Большаго Чертежа (стр. 4). Главною задачею введенія авторъ поставилъ разсмотрѣть географическое размѣщеніе чудскихъ племенъ, какъ оно является въ извѣстнѣхъ начальной лѣтописи и какъ оно уяснено теперь въ русской исторической географіи, и пришелъ къ тому заключенію, что въ нехъ нельзя искать точности, и его нельзя признать удовлетворительнымъ ни въ географическомъ, ни въ хронологическомъ смыслѣ. Онъ отказывается отъ задачи подробно выяснить это размѣщеніе—задачи, которая завела бы его за предѣлы изслѣдованія; но общій обзоръ свѣдѣній о каждомъ изъ нихъ онъ считаетъ «тѣмъ болѣе умѣстнымъ, что историческія свѣдѣнія о чудскихъ племенахъ, обитавшихъ на сѣверо-востокѣ, являясь отдѣльно по каждому племени, подъ влияніемъ различныхъ взглядовъ и толкованій, лишены одного существеннаго условія, *взаимной исторической связи*, которая, несмотря на скудность древнихъ свѣдѣній, одна только въ состояніи хотя приблизительно установить какую-либо хронологическую связь размѣщенія племенъ при вступленіи ихъ въ ясный историческій періодъ обитанія на сѣверо-востокѣ» (стр. 11). Признаемся, что такое формулированье задачи авторомъ мы не можемъ не считать нѣсколько темнымъ; во всякомъ случаѣ, поставивъ ее такимъ образомъ, онъ отдался отъ главнаго предмета своего изслѣдованія, ибо долженъ былъ ограничиться сводомъ и разборомъ извѣстій о древнѣйшемъ географическомъ положеніи Ями, Югры, Печеры, Самоѣдовъ, Перми, Суми, Кореловъ, безъ всякаго отношенія къ ходу русской колонизаціи въ областяхъ этихъ племенъ и къ тѣмъ письменнымъ историческимъ памятникамъ, которыхъ появленіе съ нимъ связано, и которые должны служить матеріаломъ для критическаго изученія Книги Большаго Чертежа.

Сама по себѣ, и эта часть труда г. Огородникова отличается тѣми же достоинствами добросовѣстной и осмотрительной работы,

ислѣдованіе. Вопросы о происхожденіи и знаніи собирательнаго имени въ древней Руси для племенъ, онъ касается мимоходомъ и считаетъ несомнѣннымъ. Относительно первоначальныхъ жилищъ Ями или Юговъ, самое сильнаго и дѣятельнаго изъ финскихъ племенъ, въ исторіи русскаго сѣвера, авторъ держится мнѣнія, установленнаго въ наукѣ послѣ извѣстнаго изслѣдованія академика П. П. Семенова, и отводитъ его первоначальнымъ обиталищамъ мѣсто на южномъ Заволочьи, начиная отъ Ладожскаго озера до р. Смысли (Вологодской губерніи); здѣсь появленіемъ русскихъ оно было раздѣлено на двое: главная масса Ями потянулась къ западу (въ теперешнюю Финляндію), а остальная часть ихъ подвинулась еще ближе къ Перми, по ту сторону Сѣверной Двины, въ Сольвычегодскій и Яренскій уѣзды, гдѣ Ями, можетъ быть, слилась съ Пермскими и Русскими: все это раздвоеніе, замѣчаетъ г. Огородниковъ, не могло случиться при Несторѣ, извѣстіе котораго объ этомъ племени, записанное въ XI в., относится ко временамъ, по отношенію къ нему, прошедшимъ, и можетъ быть приурочено только къ той Ями, преданіе о которой академикъ Шегренъ нашель на правомъ берегу Двины, въ окрестностяхъ Котласа и западнѣе (14—15). Лѣтописныя и документальныя свидѣтельства XII в. о Ями авторъ относитъ къ части этого племени около Онежскаго озера, въ юго-западномъ Заволочьи, и въ разборѣ ихъ слѣдуетъ точно также Шегрену. Оставляя въ сторонѣ Ями въ Финляндіи, онъ приводитъ, какъ доказательство возможности ямскихъ поселеній на южномъ берегу Финскаго залива, извѣстіе Новгородской лѣтописи о нападеніи Ями на Водь, по р. Лугѣ, въ 1149 году (стр. 18).—Большую самостоятельность отличается изслѣдованіе о Югрѣ, гдѣ авторъ основательно опровергаетъ теорію г. Европеуса, утверждающаго, что весь сѣверъ восточно-европейской равнины былъ первоначально занятъ угорскимъ или югорскимъ племенемъ, совершенно отличнымъ отъ финскаго или чудскаго, и не сомнѣвается въ тождественности Югровъ съ Чудью: «она доказывается по замѣчательной г. Огородникова», современными изслѣдованіями, и сохранившись въ географическихъ названіяхъ донинѣ, чѣмъ древнѣе, тѣмъ болѣе представляется несомнѣнною» (25). Онъ признаетъ, что Югорскія поселенія находились первоначально и по южную сторону Урала, и что здѣсь именно узнали ихъ Новгородцы. «Указанія Нестора въ 1096 году (въ извѣстномъ разсказѣ о Гюргѣ Роговичѣ)», говоритъ онъ, «очевидно относятся только къ тѣмъ

Юграмъ, которые жили по сю сторону Урала, въ сосѣдствѣ съ Самоѣдью; что касается вообще Югрии, находившейся въ предѣлахъ нынѣшней азіатской Россіи, то непосредственное знакомство съ нею русскихъ конечно началось позднѣе XI в.» (стр. 23). Въ подтвержденіе мнѣнія о Югорскихъ разселеніяхъ по сю сторону Урала, г. Огородниковъ приводитъ новыя доказательства изъ старинной карты Себастьяна Мюнстера 1544 г., въ коей на правомъ берегу безыменной рѣки (по видимому Печеры) показаны Югры (Juhri), и изъ Чертежа Ремезова, приложеннаго, какъ и карта Мюнстера, къ путешествію академика Миддендорфа, и послужившаго основаніемъ извѣстной картѣ Витзена, гдѣ между рѣкою Обью и Печерой показана «Остяцка земля - Обдора (стр. 29); но признано, что племенное названіе «Остяки» — позднѣйшаго происхожденія, и что теперешніе Остяки, вмѣстѣ съ родственными имъ Самоѣдами и Вогулами, составляли когда-то именно извѣстную въ нашей лѣтописи Югру. Тѣмъ не менѣе болѣе точное опредѣленіе югорской области по сю сторону Урала авторъ находитъ невозможнымъ, такъ какъ даже извѣстія XII вѣка, сохранившіяся относительно Югровъ въ лѣтописи, весьма неопредѣленны. ¹⁾ Походъ Новгородцевъ на Югровъ въ 1193 полагаетъ г. Огородниковъ былъ совершенъ за Уралъ (25); между тѣмъ первое положительное извѣстіе о походѣ за Уралъ, на Обь рѣку, по Новгородскимъ лѣтописямъ относится только ко второй половинѣ XIV вѣка (1364). — Переходя за тѣмъ къ Печерѣ, г. Огородниковъ высказываетъ мнѣніе, которое однако требуетъ еще доказательства, что это собственное имя заимствовано отъ рѣки того же названія, и что въ начальной лѣтописи имъ обозначается обширная область, въ предѣлы которой входили земли восточной половины Мезенскаго уѣзда, Архангельскаго уѣзда, а также земли Яренскаго, Устьсысольскаго и Сольвычегодскаго уѣздовъ Вологодской губерніи (стр. 31), и которая была занята собственно Печерою (т. е. Зырянами) и Самоѣдами; русскіе въ XI вѣкѣ не различали еще этихъ племенъ ясно другъ отъ друга (стр. 40), и есть мнѣніе, которое г. Огородниковъ также признаетъ весьма правдоподобнымъ, что и въ XII вѣкѣ названіе Печеры продолжало рас-

¹⁾ Сводя добытые имъ выводы о положеніи инородцевъ въ эпоху начальной лѣтописи, авторъ говоритъ о Югрѣ (стр. 58), что по крайней мѣрѣ съ X вѣка они жили въ самомъ сѣверо-восточномъ углу Арханг. губ., въ сосѣдствѣ съ Самоѣдами.

пространяться на Самоѣдовъ. Ближайшія указанія на заселеніе Печеры представляются въ статьѣ о Самоѣдахъ, гдѣ авторъ, слѣдуя мнѣнію Регули, признаетъ раздѣльною чертою между этими двумя племенами р. Усу, притокъ Печеры. Въ этнографическомъ отношеніи, г. Огородниковъ признаетъ, по установившемуся въ наукѣ мнѣнію, лѣтописную Печеру сѣвѣрною частью Зырянъ, которые нѣсколько южнѣе назывались Пермью. Приводя, только ради полноты указаній, предположеніе Эйхвальда о происхожденіи Зырянъ съ береговъ Каспійскаго моря, отъ смѣшенія Комановъ и Сиряковъ, и о переселеніи части ихъ въ сѣвѣрную Россію, авторъ обѣщаетъ коснуться этого вопроса подробнѣе, когда, при изслѣдованіи Большаго Чертежа, онъ приблизится къ побережьямъ Каспійскаго моря. Въ изслѣдованіи о Самоѣдахъ, г. Огородниковъ опредѣляетъ область, которая, по правамъ давности, принадлежала этому племени (долина р. Усы и Печеры, къ сѣверу отъ слиянія съ нею). Говоря о переселеніи его въ эту область, онъ вдается въ подробное изложеніе обстоятельствъ, сопровождавшихъ его, и борьбы пришлецовъ съ племенемъ аборигеновъ (Сыртъ—э). Приведа далѣе вкратцѣ рядъ извѣстій изъ лѣтописныхъ и документальныхъ источниковъ о Самоѣдахъ съ исхода XIV до половины XVI ст., авторъ объясняетъ происхожденіе ихъ названія, признавая его финскимъ: такимъ именемъ Лопари называли занятія ими земли (Самоянда, Самоедна), а русскіе сдѣлали изъ этого слова Самоядъ или Самоѣды, считая иногда Лопарей и Самоѣдовъ за одно племя (стр. 43). Таково же содержаніе и остальныхъ статей о Перми, Суми и Корелахъ. Къ первой изъ нихъ авторъ, указавъ на сродство лѣтописной Перми съ теперешними Зырянскими и упомянувъ о связи этого племени съ скандинавскимъ сѣверо-западомъ, останавливается на вопросѣ о баснословной Біарміи, именемъ которой обозначались прежде Пермь и Корела вмѣстѣ, и которая исчезла, или скорѣе скрылась подъ названіемъ Заволоцкой Чуди, и на объясненіи происхожденія имени Перми, причемъ руководствуется мнѣніями П. С. Савельева и Шегрена (47). Что касается Суми и Кореловъ, то въ изслѣдованіи о «Прибережьяхъ» онъ представляетъ только дополненія къ тому, что было имъ сказано въ изслѣдованіи о «Мурманскомъ и Терскомъ берегахъ». Въ этомъ послѣднемъ онъ ограничивается тѣмъ, что называетъ Сумь одною изъ вѣтвей обширнаго Лопарскаго племени, здѣсь же входитъ въ болѣе подробное разъясненіе, и придаетъ этому племенному назва-

нію (Saome, Samo, Suomaа) болѣе широкое значеніе. По его мнѣнію, это было *народное* названіе обширнаго племени, очень рано сдѣлавшагося извѣстнымъ у сосѣдей подъ именемъ Финновъ, а позднѣе, у Шведовъ съ XII в., въ русскихъ историческихъ источникахъ съ исхода XIV-го, подъ именемъ Лопарей и Лопи. Разборъ древнѣйшихъ свидѣтельствъ объ этомъ племени приводитъ автора къ заключенію, что «когда-то Сумская область занимала обширное пространство отъ Ботническаго залива до Бѣлаго моря и имѣла въ древнемъ этнографическомъ мірѣ сѣверо-востока большое значеніе. Авторъ полагаетъ, что предѣлы Сумской области могли быть еще обширнѣе, что едва ли не слѣдуетъ видѣть Сумь въ тѣхъ бродячихъ Финнахъ - рыболовахъ, которые въ X вѣкѣ, по указанію Отера, встрѣчались, по лѣвому берегу Двины на поморья (слѣдовательно между Онегою и Двиною), а такъ какъ земли, нынѣ обитаемыя Мезенскими Самоѣдами, у Лопарей называются Самоянда, то, если и не считать Лопарей и Самоѣдовъ за единоплеменниковъ, можно однако думать, что нѣкогда земли Самоѣдовъ были заняты племенемъ Сумью (стр. 49—50). Переходя къ послѣднему въ «Сводѣ» племени, къ Корелямъ, г. Огородниковъ представляетъ въ общихъ чертахъ судьбу Кореловъ съ VIII по XIV вѣкѣ, «въ длинный періодъ, говоря его словами, передвиженія ихъ съ запада (отъ Ботническаго залива) на востокъ (до Бѣлаго моря), и обратно», и старается опредѣлить ихъ историческое значеніе, т. е. отношенія къ племенамъ, съ которыми ихъ сводила судьба. Онъ руководствуется здѣсь главнымъ образомъ изслѣдованіями Лерберга и Кастрена, и не сообщаетъ ничего новаго; но справедливость требуетъ сказать, что страницы о Кореляхъ написаны очень неудовлетворительно и запутанно, и составляютъ едва ли не самое слабое мѣсто во всемъ трудѣ.

Этнографическую часть своихъ изслѣдованій г. Огородниковъ заканчиваетъ любопытнымъ объясненіемъ значенія лѣтописной «Заволоцкой Чуди». По его мнѣнію, «такъ называемая Заволоцкая Чудь положительно не составляла (среди извѣстныхъ по лѣтописи финскихъ племенъ) отдѣльнаго самобытнаго племени, и потому естественно, что чисто *географическое названіе* не можетъ быть примѣняемо опредѣлительно ни къ одному изъ названныхъ племенъ, и для такой этнографической особи, какова Заволоцкая Чудь, нельзя отыскать и мѣста среди прочихъ чудскихъ племенъ. Какъ простой географическій терминъ, названіе Заволочье имѣетъ въ разные періоды различное по пространству

географическое значеніе» (стр. 57). — Это мнѣніе было бы вполне неоспоримо, если бы не одно обстоятельство, мало обращавшее на себя вниманіе, что географическій терминъ *Заволоцкая Чудь* (въ такой именно формѣ сочетанія этихъ двухъ словъ) только однажды употребленъ въ начальной лѣтописи, именно въ перечнѣ племенъ, подчиненныхъ Руси; а затѣмъ, сколько намъ извѣстно, ни въ лѣтописи начальной и ея продолженіяхъ, ни даже въ другихъ историческихъ памятникахъ, онъ болѣе не встрѣчается. Не можетъ ли это обстоятельство подавать поводъ искать какого-либо другаго объясненія ему, принимать его не какъ обще-употребительный географическій или этнографическій терминъ съ тѣмъ или другимъ значеніемъ, а только, какъ выраженіе, которымъ лѣтописецъ почелъ удобнымъ воспользоваться при перечисленіи племенъ, переходя къ племенамъ, жившимъ, по его свѣдѣніямъ, въ Заволочьи? Что касается объясненія г. Огородниковымъ древняго значенія Заволочья, то его нельзя не признать вполне справедливымъ.

Мы передали по возможности въ короткихъ словахъ содержаніе, или вѣрнѣе, проспектъ вступительной части труда г. Огородникова. Мы надѣемся остаться безпристрастными, если скажемъ, что, за небольшими исключеніями, она отличается обстоятельнымъ изложеніемъ, которое показываетъ, что авторъ близко ознакомился съ литературою затронутыхъ имъ вопросовъ, и конечно она не пройдетъ безслѣдно для будущихъ изыскателей русской исторической географіи ¹⁾; но общія свѣдѣнія объ историко-этнографическомъ значеніи сѣверо-востока Европейской Россіи, по крайнему

¹⁾ Правда, собранныя г. Овсянниковымъ «Свѣдѣнія» имѣютъ характеръ компіляціи; но въ этомъ слѣдуетъ винить не столько его, сколько современное состояніе русской исторической географіи нашего сѣвера. Изысканія Лерберга и особенно знаменитыхъ финологовъ, Кастрена и Шегрена, освѣтили его древнѣйшую этнографію и географію, благодаря тому, что они выдвинули новый рядъ источниковъ, на которые до нихъ почти совсѣмъ не обращали вниманія, именно данныя, которыя можетъ извлечь критика изъ географической номенклатуры, археологическихъ остатковъ и народныхъ преданій. Послѣ нихъ дѣло подвинулось мало, и послѣдующіе изыскатели древнѣйшей исторіи сѣвера довольствуются такъ или иначе добытыми ими результатами. Но они, конечно, не исчерпали того, что могутъ дать эти источники, для самостоятельной разработки которыхъ необходимо предварительное изученіе финскаго міра со стороны историко-этнографической и филологической. Но для такого изученія теперь нѣтъ почти никакихъ средствъ, и учрежденіе кафедръ финскихъ нарѣчій хотя бы въ одномъ

нашему разумѣнію, слишкомъ мало вяжутся съ главнымъ предметомъ изысканій г. Огородникова, и въ изслѣдованіи о сѣверныхъ бережьяхъ стоятъ какъ-то особнякомъ.

Неполнота и неточность свѣдѣній о сѣверо-востокѣ нынѣшней Россіи, оставшихся намъ въ Новгородскихъ источникахъ,—таковъ единственный общій выводъ г. Огородникова изъ его изысканій, имѣющій важность въ вопросѣ о редакціи Книги Большаго Чертежа. Причину такого характера Новгородскихъ извѣстій авторъ объясняетъ отношеніями Великаго Новгорода къ Заволочью. Обзоръ гѣописныхъ извѣстій о нихъ (стр. 60—62) приводитъ его къ заключенію, «что Новгородцы, преслѣдуя свои промышленныя цѣли, уже въ XI вѣкѣ сдѣлались грозою этого отдаленнаго края; но нѣтъ основанія утверждать, чтобы даже и въ XIII в. они были полными обладателями сѣверо-востока, хотя упорно называли Пермь, Печеру и Югру своими волостями. Можно даже сказать, что чѣмъ ближе къ XIV вѣку, тѣмъ завоевательное призваніе Новгородцевъ въ этомъ краѣ имѣло менѣе значенія. Это зависѣло отъ многихъ причинъ и прежде всего отъ причинъ внутреннихъ, состоявшихъ въ несостоятельности «господина Великаго Новгорода», который зачастую подчинялся разнымъ вліяніямъ» (стр. 62). Подтверженіе такого мнѣнія г. Огородниковъ находитъ въ такихъ фактахъ, какъ основаніе независимой отъ Новгорода Вятки въ XII вѣкѣ и рядъ разбойническихъ походовъ молодцовъ-ушкуйниковъ съ холопами-сбоями (62—63). По отношенію къ сѣверо-восточнымъ иноподпамъ, Новгородцы не заходили далѣе промышленныхъ и торговыхъ побужденій; они являлись среди нихъ, какъ собиратели

изъ русскихъ университетовъ слѣдуетъ признать настоятельно необходимою для успѣховъ русской исторической науки. Можно полагать, что даже послѣ трудовъ помянутыхъ ученыхъ, сводъ всѣхъ иноязычныхъ географическихъ названій русскаго сѣвера и изъ современной географической номенклатуры, и изъ историческихъ памятниковъ, и строго научное филологическое объясненіе ихъ происхожденія и значенія, дали бы древней этнографіи края болѣе прочныя основы, чѣмъ тѣ, на которыхъ она строится теперь по необходимости. На этотъ вопросъ вообще о филологическомъ разъясненіи географическихъ именъ уже давно было обращено вниманіе академикомъ Я. К. Гротомъ (въ замѣткѣ о топографическихъ названіяхъ вообще, въ Журн. Мин. Нар. Просв. 1867 г. Апрѣль). Трудъ въ родѣ извѣстнаго слово-толкователя Эдвина Адалса или въ родѣ изслѣдованія Буттмана (*Die deutschen Ortsnamen mit besonderer Berücksichtigung der ursprünglich wendischen in der Mittelmark und Niederlausitz v. Al. Buttmann, Professor. Berlin. 1856*), былъ бы весьма желаннымъ вкладомъ въ русскую историческую науку.

даней и порабитители, а не какъ мирные колонизаторы, которые въ благоденствіи пнородцевъ могли находить свои высшіе, и матеріальныя и духовныя интересы. «Даже распространеніе христіанства, за немногими исключеніями, болѣе можно приписать Ростову, нежели Новгороду» (стр. 63). Вслѣдствіе этихъ причинъ, заключаетъ авторъ, «отъ всей ихъ дѣятельности, въ продолженіе болѣе чѣмъ четырехъ вѣковъ, немного могло достаться на долю историческихъ требованій (?); — и дѣйствительно, историческія свѣдѣнія, добытыя Новгородцами, или по крайней мѣрѣ сохранившіяся до насъ, очень скудны для древней эпохи историко-географическаго вѣдѣнія» (ibid). Географія края уясняется только съ утвержденіемъ въ немъ Московской власти.

Такія замѣчанія имѣютъ свою долю справедливости, но едва-ли ихъ можно распространять на всѣ Новгородскія владѣнія по бережьямъ Ледовитаго и Бѣлаго морей. Несомнѣнно, что еще въ Новгородскій періодъ Двинская область, по преимуществу называвшаяся Заволочьемъ, заселенная главнымъ образомъ Новгородскими выходцами и стоявшая въ политической зависимости отъ Новгорода, была по своему времени достаточно извѣстна Новгородскимъ властямъ въ экономическомъ и статистическо-географическомъ отношеніяхъ. Извѣстная грамота князя Святослава Ольговича 1137 года даетъ понятіе, какія положительныя свѣдѣнія имѣлись въ Новгородѣ объ этомъ краѣ, столь важномъ для благосостоянія метрополіи, еще въ XII вѣкѣ. Но, имѣя такое свидѣтельство изъ XII вѣка; какъ отрицать возможность подобнаго же рода официальныхъ памятниковъ и въ послѣдующихъ вѣкахъ? Вообще мы имѣемъ очень мало памятниковъ официальной письменности эпохи Новгородскаго самоуправленія; но можно-ли, основываясь на этомъ, утверждать, что сохранилось только то, что было? Вѣрнѣе, что большая часть утратилась для насъ, а между ними могли быть и такіе памятники, по которымъ можно было бы судить о знакомствѣ Новгородцевъ съ географіей Заволочья.

Весьма жаль, что г. Огородниковъ вовсе упустилъ изъ виду Новгородскія грамоты, купчія и др. XIV—XV в., напечатанныя въ актахъ юридическихъ Археографической Комисіи: онѣ сами по себѣ очень важны для изслѣдованія топографіи Двинскаго края. Но кромѣ того, изъ нихъ видно, какъ Новгородскіе Заволочане цѣнили поземельную собственность въ Двинской области, и мы увѣрены, что, въ виду ихъ, онъ смягчилъ бы нѣсколько свой при-

говоръ «о неопредѣленныхъ признакахъ географическаго знанія, которыми отличается знакомство Новгородцевъ съ краемъ» (стр. 64). Г. Огородниковъ совершенно справедливо говоритъ, что XIV вѣкъ географическими свѣдѣніями богаче предшествовавшихъ; но едва ли можно согласиться безусловно съ нимъ въ томъ, что въ этомъ отношеніи являются однако уже слѣды дѣятельности не Новгорода, а Москвы. Онъ поддерживаетъ это мнѣніе, ссылаясь на грамоту, данную на Двину великимъ княземъ Иваномъ Калитой, и на извѣстную Двинскую судную грамоту в. кн. Василія Дмитріевича, 1399 года. Можно однако думать, что драгоцѣнныя географическія данныя, не только въ этой послѣдней грамотѣ, но даже и въ болѣе важной въ историко-географическомъ отношеніи извѣстной грамотѣ 1471 года, собраны впервые не Московскою, а Новгородскою администраціею.

Даже о болѣе отдаленныхъ на сѣверо-востокѣ владѣніяхъ къ Новгородѣ должны были имѣть болѣе обстоятельныя свѣдѣнія чѣмъ предполагаетъ г. Огородниковъ. Посылка данниковъ въ Печерскій, Пермскій и другіе края совершалась болѣе или менѣе правильно; при этомъ хотя приблизительно надо было знать, съ кого и сколько даней слѣдовало взыскивать; если извѣстное «Закамское серебро», котораго потребовалъ отъ Новгородцевъ в. кн. Иванъ Калита, составляло правительственный доходъ Новгорода Великаго, то размѣры его были болѣе или менѣе извѣстны не только въ Новгородѣ, но и въ Москвѣ. Съ другой стороны, торговый и промышленный духъ заводилъ Новгородцевъ въ эти пустыни, помимо правительственныхъ надобностей, и, конечно, никто не станетъ отрицать, что прямой интересъ купца — хорошо ознакомиться съ потребностями и средствами края, а промышленнику — съ его производительными силами. Предупреждая ихъ и прокладывая новыя дороги, а иногда слѣдомъ за ними, уже по извѣстнымъ путямъ, шли ушкуйники, и кто поручится, что лѣтописи сохранили память о всѣхъ такихъ удалыхъ предпріятіяхъ, которыя такъ много должны были содѣйствовать распространенію именно въ Новгородѣ географическихъ свѣдѣній объ этихъ отдаленныхъ мѣстахъ?

Такимъ образомъ мнѣніе г. Огородникова о характерѣ знакомства Новгородцевъ съ сѣверо-востокомъ можно принять только съ ограниченіями. Тѣмъ не менѣе безспорно, что дошедшій до насъ историко-географическій матеріалъ относительно сѣверной покатоности становится болѣе обильнымъ въ эпоху Московскаго государства. Отъ XVI и XVII вѣковъ до насъ дошло множество

актовъ и грамотъ, духовныхъ, жалованныхъ, уставныхъ, несудимыхъ и др., въ которыхъ встрѣчаются обширныя географическія указанія объ этомъ краѣ; еще богаче матеріалъ въ памятникахъ, относящихся къ исторіи распространенія на сѣверѣ Россіи монастырей. Г. Огородниковъ воспользовался всѣми этими памятниками при изслѣдованіи текста Чертежа; но къ сожалѣнію, не сдѣлалъ имъ предварительно особаго обзора, что было бы особенно важно для ясности и опредѣленности его изысканій.

Дѣло въ томъ, что почтенный изслѣдователь собралъ почти весь историко-географическій матеріалъ изъ памятниковъ XVI—XVII столѣтій и обработалъ его весьма подробно и обстоятельно. Слѣдуя шагъ за шагомъ тексту Книги Большаго Чертежа, по рѣчнымъ системамъ, онъ, на основаніи этого матеріала, отмѣтилъ массу населенныхъ мѣстъ края, которыхъ Книга вовсе не упоминаетъ, волостей, городковъ, селеній и—особенно монастырей, опредѣлилъ старательно ихъ положеніе на теперешней картѣ, и сообщилъ о многихъ даже мелочныя историческія подробности; такъ напр. относительно монастырей, онъ привелъ данныя объ ихъ основаніи, указавъ, откуда вышли ихъ основатели, о ихъ доходахъ, о времени ихъ закрытія, или о теперешнемъ положеніи ихъ. Такимъ образомъ изслѣдованіе о прибрежьяхъ морей Бѣлаго и Ледовитаго возстановляетъ географію русскаго сѣвера (въ предѣлахъ нынѣшнихъ Архангельской и Вологодской губ.) XVI—XVII вѣковъ,—обстоятельство, которое увеличиваетъ его цѣнность и дѣлаетъ знакомство съ нимъ обязательнымъ для каждаго занимающагося исторіей этого края; но съ другой стороны, всѣхъ этихъ данныхъ, за весьма немногими исключеніями, въ Книгѣ Большаго Чертежа нѣтъ, и авторъ очевидно былъ поставленъ въ затрудненіе, какъ связать добытый имъ матеріалъ изъ другихъ памятниковъ съ содержаніемъ Книги, какъ отыскать въ немъ основаніе для сколько нибудь положительныхъ выводовъ и соображеній о главныхъ, поставленныхъ имъ вопросахъ относительно источниковъ и редакціи этого края. Пробѣлы, оставляемые Книгою въ сравненіи съ данными, представляемыми современными ей памятниками, онъ считаетъ очевидно пропусками, сдѣланными случайно, или по крайней мѣрѣ по случайнымъ и частнымъ причинамъ, и старается разъяснить эти причины. Такъ напр. объ извѣстномъ Сійскомъ монастырѣ онъ говоритъ: «судя по значенію этого монастыря и по вниманію къ нему Московскихъ князей, нельзя думать, чтобы онъ былъ пропущенъ въ текстѣ Чертежа по какому ни-

будь недосмотру, а вѣроятнѣе потому, что въ теченіе 70 лѣтъ со времени основанія онъ неоднократно былъ уничтожаемъ пожарами, и, наконецъ, находился нѣсколько въ сторонѣ отъ берега Двины; по этой же причинѣ не вошли въ Книгу Большаго Чертежа и нѣкоторые другіе довольно значительные монастыри, находившіеся въ сторонѣ отъ главныхъ маршрутныхъ линій, принятыхъ въ Чертежѣ (стр. 128). Точно также и Маркушевскій монастырь, пользовавшійся въ свое время большимъ значеніемъ, если не внесенъ, по мнѣнію автора, въ Книгу Большаго Чертежа, то развѣ только потому, что онъ находился вдали отъ главныхъ путей (стр. 152). Относительно Спасо-Суморина (Тотемскаго Преображенскаго, что въ Тотъмѣ) дано другое объясненіе: по спискамъ, онъ показанъ при рр. Песей Деньгѣ и Ковдѣ, въ одной верстѣ отъ Тотьмы. «Названная здѣсь р. Песья Деньга, говоритъ гг. Огородниковъ, упоминается въ Книгѣ Большаго Чертежа (папа въ Сухону рѣку Песья Деньга). Думать можно, что она внесена въ Чертежъ ранѣе устройства монастыря (до 1553 года); иначе, казалось бы, не могъ быть пропущенъ самый монастырь» (стр. 170) Всѣ такіе и подобныя критическія соображенія, конечно, имѣли бы значеніе, если бы въ Чертежѣ были опущены только эти монастыри, и если бы въ немъ находились указанія на другіе; тогда можно было бы считать такіе опущенія вольными или невольными пропусками, и искать для нихъ болѣе или менѣе вѣроятныхъ объясненій. Но въ Книгѣ вообще очень мало указаній на населенныя мѣста въ краѣ, составляющемъ предметъ изслѣдованія гг. Огородниковъ. На всемъ огромномъ пространствѣ отъ устья р. Тенуя до р. Печеры, т. е. на Мурманскомъ, Терскомъ и Корельскомъ берегахъ, въ обширныхъ бассейнахъ Онеги, Двины, Мезени и Печеры насчитывается, включая сюда города, погосты, монастыри, и даже корабельныя становища, не болѣе 58 мѣстностей, изъ которыхъ двадцать приходятся на рѣку Сухону и Югъ. Ясно, что пробѣлы, которые оказались въ Книгѣ Большаго Чертежа при сравненіи ея географическаго матеріала съ матеріаломъ, представляемымъ современными ей памятниками (XV—XVII в.), должны имѣть какую нибудь болѣе общую причину, можетъ быть въ самомъ планѣ, по которому составлялся Чертежъ. Самъ г. Огородниковъ долженъ былъ замѣтить такую особенность этого памятника: если не ошибаюсь, онъ ограничивается указаніемъ причинъ предполагаемыхъ имъ пропусковъ только относительно трехъ вышеприведенныхъ монастырей; а огромную массу другихъ дополнительныхъ указаній о населенныхъ мѣстахъ онъ приводитъ

безъ всякихъ оговорокъ относительно возможной связи ихъ съ Чертежомъ. Они, конечно, пополняютъ географическую картину сѣверной покатости, но нисколько не способствуютъ разъясненію вопросовъ объ источникахъ, на основаніи которыхъ онъ могъ возникнуть, и о редакціяхъ, которымъ онъ подвергался. Въ этомъ отношеніи они являются въ изслѣдованіи о прибрежьяхъ съ характеромъ вставокъ и пришивокъ и даже затемняютъ дѣло, тѣмъ больше, что между ними приведено очень много извѣстій о монастыряхъ и пустыняхъ, которые возникли уже послѣ второй извѣстной намъ редакціи Чертежа, или время основанія которыхъ совершенно неизвѣстно, такъ что въ нихъ нельзя уже предполагать никакой связи съ Книгою Большаго Чертежа. Таковы, напр., пустыни Предтеченская, построенная въ 1654 г., Макарьевская (1667), Дѣдовско-Троицкая (1670), Дружининская или Зосимо Савватѣевская, Уздренская, Голубенская, и проч. Между тѣмъ этотъ богатый матеріалъ могъ бы послужить къ освѣщенію, хотя и не непосредственно-большему, вопросовъ, касающихся Книги Большаго Чертежа, ибо онъ заключаетъ въ себѣ положительныя данныя о ходѣ русской колонизаціи на сѣверо-востокѣ, продолжавшемся еще въ Московскій періодъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ даетъ основанія для соображеній относительно послѣдовательнаго распространенія географическихъ знаній на Руси объ этомъ краѣ, а слѣдовательно и о томъ, какъ накоплялся матеріалъ, изъ котораго составилаь Книга Большаго Чертежа.

Въ самомъ дѣлѣ, русское колонизаціонное движеніе на сѣверъ совершалось на виду правительственныхъ властей и учреждений, подъ ихъ надзоромъ и при ихъ содѣйствіи, особенно со времени утвержденія власти Москвы. «Пустыя займища, которыя не были ни за кѣмъ, ни въ грамотахъ ни въ какихъ», закрѣплялись съ разными привилегіями и льготами за новыми владѣльцами, были-ли то частныя лица, или, что случалось чаще, монастыри. Эти послѣдніе, съ своей стороны, пользовались пожалованьемъ для привлеченія населенія, для увеличенія рабочихъ силъ на дѣвственной почвѣ. Особенно знаменательна для исторіи культуры этого края дѣятельность монастырей. Г. Огородниковъ справедливо указываетъ на важное значеніе ихъ, какъ проводниковъ христіанства и расадниковъ христіанскихъ повятей и нравственности (стр. 66); но столь же важно значеніе ихъ, какъ проводниковъ русской колонизаціи и устроителей края въ экономическомъ отношеніи, — значеніе, выясненное въ изслѣдованіяхъ Ешевскаго и К. Н. Бесту-

жева - Рюмина. Вокругъ каждаго изъ нихъ группировалось русское пришлое населеніе, на тѣхъ или другихъ условіяхъ связанное съ нимъ, и основаніе новаго монастыря, новой пустыни, составляло новый шагъ русской колонизаціи края. Это поступательное движеніе ея можно было-бы разъяснить на основаніи богатаго матеріала, собраннаго г. Огородниковымъ, и — позволяемъ сказать себѣ — затраченнаго имъ несовсѣмъ производительно на дополненіе Большаго Чертежа, по плану, принятому составителями его описанія. Предварительный обзоръ, по возможности въ хронологическомъ порядкѣ, актовъ и грамотъ различнаго рода, которые г. Огородниковъ имѣлъ постоянно въ виду при изслѣдованіи Книги Большаго Чертежа, и критическое разъясненіе заключающихся въ нихъ данныхъ по вопросу о заселеніи края составили бы, по нашему мнѣнію, лучшее введеніе къ его изслѣдованію о прибрежьяхъ Ледовитаго и Бѣлаго морей». Напомнимъ г. Огородникову, что онъ самъ сказалъ въ изслѣдованіи о Мурманскомъ и Терскомъ берегахъ (стр. 36): «Одно краткое *обозрѣніе историко-географическаго свидѣтельства*, современныхъ Большому Чертежу и его описанію, можетъ дать понятіе о той связи, въ которой находится Чертежъ съ указаніями лѣтописей и актовъ». Но такого именно обозрѣнія онъ не сдѣлалъ во второй части своего труда.

Переходимъ теперь къ обзору изслѣдованія самаго текста Книги Большаго Чертежа. Здѣсь г. Огородниковъ воспользовался, за немногими исключениями, всѣмъ извѣстнымъ матеріаломъ, который можно найти въ изданныхъ историческихъ памятникахъ и имѣлъ подъ рукою пособія очень рѣдкія и не всѣмъ доступныя. Для повѣрки и дополненія Книги Большаго Чертежа по изданію Спасскаго (1846 г.) онъ имѣлъ списокъ ея (времени царя Алексѣя Михайловича), принадлежащій Русскому Географическому Обществу, и заимствовавъ изъ него варианты. Въ числѣ пособій указаны имъ между прочимъ провинціальныя періодическія изданія, о распространеніи и даже сбереженіи которыхъ вообще такъ мало заботятся. Что касается картъ, то кромѣ картъ Шуберта и Оппермана, г. Огородниковъ пользовался атласомъ Пядышева и атласомъ Центральнаго Статистическаго Комитета, составленнымъ въ началѣ нынѣшняго столѣтія и, какъ видно, очень подробнымъ. Всѣ эти пособія дали г. Огородникову возможность блистательно исполнить предпринятый имъ трудъ объясненія Книги Большаго Чертежа, въ очерченныхъ имъ пока предѣлахъ, и нельзя не пожелать ему съ такимъ же успѣхомъ довести его до конца.

Сколько можно было при тѣхъ средствахъ, которыя имѣлись у насъ подъ рукою, провѣрить этотъ по истинѣ замѣчательный трудъ, вездѣ точность и добросовѣстность, доводимыя иногда до крайней мелочности надо признать его существенными качествами. Г. Огородниковъ не отступаетъ въ своемъ изслѣдованіи отъ порядка изложенія, принятаго въ Книгѣ Большаго Чертежа, и ведетъ его, слѣдуя за текстомъ, по рѣчнымъ системамъ отъ р. Тенуя до Печерскаго устья. При обзорѣ рѣкъ и ихъ притоковъ онъ принялъ за правило слѣдовать вверхъ по теченію ихъ, что не всегда однако согласно съ текстомъ Книги Большаго Чертежа, напр. въ описаніи Двинскаго бассейна, и нѣсколько затрудняетъ читателя. Изслѣдователь не опустилъ ни одного даже самаго мелкаго указанія Книги, и для каждаго онъ старается найти настоящее положеніе на современной картѣ, при чемъ сличаетъ соответствующія показанія всѣхъ имѣвшихся у него подъ рукою специальныхъ картъ и между собою, и со списками населенныхъ мѣстъ, изданными Центральнымъ Комитетомъ, не забывая и свѣдѣній, разбѣянныхъ въ трудахъ другихъ изслѣдователей и описателей края (гр. Э. П. Литке, Рейнке, Максимова, Молчанова и т. д.). Дѣлая свои заключенія о положеніи той или другой мѣстности только послѣ тщательной провѣрки картографическихъ указаній, г. Огородниковъ не довольствуется сходствомъ и даже тождественностью названій, но по возможности подкрѣпляетъ свои выводы свѣдѣтельствами и указаніями другихъ историческихъ памятниковъ, современныхъ Книгѣ Большаго Чертежа. При разборѣ темныхъ или сомнительныхъ данныхъ Книги, изслѣдователь обнаруживаетъ большую наблюдательность и осторожность, что даетъ особенный вѣсъ его критическимъ соображеніямъ.

При такихъ условіяхъ, многосложный трудъ г. Огородникова привелъ его къ разнообразнымъ и весьма важнымъ результатамъ, которые мы постараемся изложить здѣсь по возможности кратко. Самымъ важнымъ изъ нихъ слѣдуетъ, конечно, считать почти полное приуроченіе данныхъ Книги Большаго Чертежа къ современной картѣ русскаго сѣвера, нанесеніе на нее, за немногими исключеніями, всѣхъ упоминаемыхъ въ Книгѣ мѣстностей. Такая карта приложена почтеннымъ изслѣдователемъ къ его труду о Мурманскомъ и Терскомъ берегамъ; къ побережьямъ морей Бѣлаго и Ледовитаго карта также составлена, но пока еще не издана ¹⁾.

1) Было бы желательно, что бы г. Огородниковъ нашелъ возможнымъ

Строго научные приемы дали г. Огородникову возможность определить настоящее положеніе многихъ мѣстностей, до того весьма темныхъ, таковы: рр. *Неядема* (теп. Навдема, Неутомъ - іюки), которую г. Спасскій объяснялъ рѣчкой Недомеркой въ Лапландіи (Мурманск. и Терск. бер. стр. 44); *Утома* (45—46) *Дема* и *Воэма* (теп. Ревденга и Воряема, 45), притоки Кольской губы (морской проливы, ниже града Колы стр. 64—65); *Лумба* (71); рр. *Коллжма*, *Нюлча* и др. (между Сумою и Онегою, ср. Прибрежья, стр. 85); погостъ Пречистой Богородицы на устьи р. Онеги, котораго тождество съ волостью Усть-Онегою — теп. у. г. Онегою, доказана свидѣтельствами историческихъ памятниковъ; *Великая Слобода* на р. Вагѣ (144—145), которая указана въ Слободско-Воскресенскомъ приходѣ; притоки Вычегды (... Съ правыя стороны Вычегды, отъ верьху 200 верстъ озеро Кадомо и т. д. 195—197), и т. д. Очень немного такихъ мѣстностей, которыя авторъ былъ принужденъ оставить безъ объясненій, или относительно которыхъ ему пришлось ограничиться догадками, болѣе или менѣе произвольными, или по крайней мѣрѣ требующими болѣе твердыхъ основаній. Таковы его объясненія притоковъ пограничной р. Тенуя (Мурм. и Терск. бер. 42—43) *Навденскаю* погоста (45), *Наволоса Поджа* (46) *Волотова юродица* (50—51), двухъ Печенскихъ монастырей (54—57), горы противъ Ковды отъ Соловецкаго монастыря (Прибр. 71), р. *Каменки*, которую г. Огородниковъ причисляетъ къ теп. р. Кегѣ (98), *Тулумьева острова* (155), праваго притока Мезени *Пезы*, не объясненной и Лербергомъ (210) и др.

При такомъ внимательномъ объясненіи данныхъ Книги Большаго Чертежа, сами собою должны были выступить на видъ всѣ неточности и ошибочныя указанія, вкравшіяся или въ оригинальный текстъ, при самомъ составленіи его, по недостаточности и неполнотѣ источниковъ, или въ списки, по недосмотру переписчиковъ. Г. Огородниковъ весьма внимательно прослѣдилъ и отмѣтилъ такія мѣста и сдѣлалъ попытки исправить текстъ, — попытки, которыя въ большей части случаевъ надо признать удовлетворительными; это составляетъ, по нашему мнѣнію, второй важный результатъ его изслѣдованій. Самый крайній сѣверо-западъ раз-

дать этой картѣ двѣ редакціи. Одна изъ нихъ могла бы быть картою для изслѣдованія г. Огородникова, со включеніемъ въ нее всѣхъ вообще определенныхъ имъ мѣстностей XV—XVII вѣковъ; другая карта могла бы ограничиться только данными, представляемыми Книгою Б. Ч.

сматриваемой имъ области, пространство отъ средняго теченія рѣки Таны до Танскаго залива, и весь полуостровъ такъ называемой Шведской Лапландіи, лежащій между заливами Танскимъ и Варенгскимъ, характеризуется неопредѣленностью указаній Книги Большаго Чертежа, которая, по мнѣнію автора, объясняется тѣмъ, что вся эта мѣстность находилась, въ эпоху составленія Чертежа, внѣ русскихъ владѣній; «этимъ же объясняется неполное описаніе по Книгѣ Большаго Чертежа рѣки Тенуя, такъ-какъ устье ея. а равно и истокъ, находились въ предѣлахъ Норвегіи; по той же причинѣ впаденіе Тенуя означено по Книгѣ прямо въ море, такъ какъ русскіе тогда могли не знать о существованіи залива Танскаго. Оттого же зависитъ и неопредѣленность дальнѣйшихъ указаній Книги до р. Неядемы, такъ-какъ описаніе этого пространства между р. Тенуемъ и Навдемой, минуя Шведскую Лапландію, должно было идти не по естественной, а по искусственной границѣ (стр. 41—42). Для р. *Ситовки*, такъ поименованной въ Книгѣ, г. Огородниковъ находитъ болѣе правильно чтеніе: *Мотовка*, къ которому повели его обширныя соображенія не только современныхъ картографическихъ указаній, но и свидѣтельство Герберштейна и актовъ XVI—XVII в. (стр. 57—62). При описаніи рѣчекъ, впадающихъ въ Кольскую проливу (т. е. губу), къ востоку отъ Колы, неясный самъ по себѣ текстъ Книги (отъ словъ: «а ниже града Колы 40 верстъ впаде.... рѣчка Ваенга Верхняя» и пр. до словъ: «а отъ Кольской морской проливы отъ усть Зеленцовъ на морѣ два острова», онъ полагаетъ необходимымъ дополнить такую редакціей: «отъ Тювы до губы Зеленецкой, а въ нее впадаетъ рч. Зеленецкая (вытекающая изъ озера Зеленцы. А противъ губы Зеленецкой на морѣ два острова — Кукшинъ и Даръ-Зеленцовъ (стр. 64—65). Вслѣдъ за тѣмъ пополненъ очевидный пропускъ въ Книгѣ названія рѣчки (между устьями рр. Теребири и Оленницы) названіемъ *Ермиши*; въ описаніи *Кандагаской губы* подмѣченъ также небольшой пропускъ между р. Порвей и Кукуевымъ монастыремъ (75). Въ изслѣдованіи о прибрежьяхъ морей Ледовитаго и Бѣлаго, г. Огородниковъ весьма удачно объяснилъ, почему часть теперешней русской Лапландіи, на востокъ отъ рѣки Колы, въ соединеніи съ р. Навою, названа въ Книгѣ островомъ (69). Указанія Книги на рр. Чумзу и Сюзу, которыя она полагаетъ къ западу отъ р. Кеми, г. Огородниковъ признаетъ положительною ошибкою. «Въ этомъ мѣстѣ Кн. Большаго Чертежа, говоритъ онъ (стр. 73—74)—явный пропускъ того, что слѣдовало

бы поставить, и неправильная вставка того, что принадлежит другому пространству». Онъ пополняетъ пропускъ рѣками Ковдалакшею и Понгамою, а рѣки Чумзу и Сюму переноситъ на Лѣтній берегъ, приурочивая ихъ къ рр. Чухъ и Сюзъ (Сюзьмѣ), которыя также находятся въ Книгѣ Большаго Чертежа (97). Сравнивъ описаніе Книги части Лѣтняго берега къ востоку отъ рр. Тянбицы и Кянды съ географическими картами, авторъ признаетъ болѣе правильнымъ тотъ изъ двухъ вариантовъ текста, который извлеченъ изъ рукописнаго списка Русскаго Географическаго Общества (94); точно также онъ предпочитаетъ вариантъ этого списка тексту въ описаніи г. Брусенца (174—175). Положеніе праваго притока р. Юга, Пушмы, указанное въ Книгѣ между городками Кичменскимъ и Сосновцемъ ¹⁾ г. Огородниковъ почитаетъ правильнымъ; такъ какъ внизъ по теченію рѣки Юга отъ Кичменскаго городка, на всѣхъ картахъ показана р. Юнтала, близъ устья которой стоитъ городокъ Сосновець, а за Юнталой, въ довольно значительномъ разстояніи, показана, по той же правой сторонѣ р. Юга, р. Пушма, а противъ нея на лѣвомъ берегу Юга городъ Осиновець. Слѣдовательно, если и правильно будетъ сказать по Кн. Большаго Чертежа о положеніи р. Пушмы, то не между Кичменскимъ и Сосновцемъ, а между Сосновцомъ и Осиновцомъ; но и тогда по Книгѣ въ сущности правильнѣе было бы сказать: «въ Югъ пала рѣка Пушма противъ Осиновца» (стр. 192). Въ Книгѣ Большаго Чертежа показаны разстоянія въ верстахъ между географическими пунктами и длина теченія рѣкъ; и относительно этихъ данныхъ г. Огородниковъ представляетъ свои замѣчанія, тщательно отмѣчая и выясняя встрѣчающіяся неточности. Онъ приходитъ по вопросу объ измѣреніяхъ въ разбираемомъ памятникѣ къ такому общему заключенію, что измѣреніе въ верстахъ, принятое въ Книгѣ Большаго Чертежа большею частью *близко къ истинному*. Но едва ли, замѣчаетъ онъ, было бы правильно, судя по приведеннымъ даннымъ, относящимся къ двумъ губерніямъ, заключать объ остальной Россіи, тѣмъ болѣе, что при оцѣнкѣ способовъ измѣренія, принятыхъ въ Книгѣ Большаго Чертежа, придется имѣть въ виду и разновременные періоды ея дополненія и исправленія, которыя покуда нельзя считать опредѣленными (стр. 244). Основываясь на статьѣ Буткова о старинныхъ русскихъ мѣрахъ,

1) У г. Огородникова ошибочно противъ текста Книги между Кичменскою и Юсмовью (стр. 192).

г. Огородниковъ полагаетъ, что измѣреніе могло быть неодинаково въ разное время и въ различныхъ мѣстахъ. При этомъ условіи разъясненіе вопроса о мѣрахъ, употребленныхъ въ Книгѣ можетъ быть примѣнено и къ уясненію различныхъ періодовъ составленія; но все это можетъ быть изложено только при изученіи текста на всемъ его пространствѣ (стр. 245). Замѣтимъ однако, что, по крайней мѣрѣ въ XVII вѣкѣ, вездѣ въ памятникахъ является семсотъ-саженная верста (въ нѣмецкой милѣ пять верстѣ), и что эту единицу объясняется большая часть показаній Книги Большаго Чертежа. — Неточности, которыя въ ней встрѣчаются, могутъ имѣть, конечно, многообразныя причины; но изъ нихъ пока одна только можетъ быть принята безъ оговорокъ — недостаточность свѣдѣній составителей Чертежа, столь естественная относительно отдаленнаго сѣвернаго края.

Особенно любопытны выводы, сдѣланные г. Огородниковымъ по вопросу о времени составленія Большаго Чертежа. Несомнѣнно, что картографическій матеріалъ, нанесенный на Большой Чертежъ и оттуда перешедшій въ текстъ его описанія, сложился неодновременно, и что Чертежъ нѣсколько разъ измѣнялся и дополнялся. Г. Огородниковъ нашелъ въ немъ слѣды четырехъ редакцій, такъ что весь географическій матеріалъ, представляемый Книгою Большаго Чертежа, можетъ быть, по времени происхожденія, распредѣленъ на четыре группы. Самая древняя редакція относится къ XV вѣку; ей принадлежатъ свѣдѣнія о пространствѣ между рѣкою Тенуемъ и Навдемою, внесенныя въ описаніе Чертежа съ особенною неопредѣленностью въ показаніяхъ, даже относительно Навдемы (извѣстной уже съ 1596 г.), и съ такою сбивчивостью, какой далѣе, въ описаніи Лопской земли, не встрѣчается: основываясь на этомъ, можно предположить, что эта часть описанія Чертежа составляетъ отрывокъ самаго древняго, первоначальнаго текста. Плаваніе дьяка Истомина въ Датскую землю и походъ русскихъ въ Каянскую землю въ 1496 г. поддерживаютъ такое предположеніе. Можетъ быть, вслѣдствіе этихъ событій предѣлы нашихъ владѣній въ Лопской землѣ *первое* расширились до береговъ Тенуя, какъ это указывается Книгою Большаго Чертежа. Такимъ образомъ, при составленіи перваго Чертежа, уже въ концѣ XV в., были матеріалы, относившіеся къ описанію береговъ Тенуя съ притоками. Свѣдѣнія эти естественно оставались въ текстѣ Чертежа безъ исправленія, потому что уже въ концѣ XVI вѣка эти мѣста находились за предѣлами русскихъ владѣній; они не исключались изъ

Книги Большаго Чертежа, можетъ быть, и потому, что враждебныя отношенія Шведовъ къ Россіи продолжались не только въ XVI, но и въ XVII столѣтіи (Мурм. и Терск. бер. 83). Къ этому же времени (т. е. къ XV вѣку) относится первоначальный текстъ Чертежа по бережьямъ Ледовитаго и Бѣлаго морей; но для этого пространства онъ могъ возникнуть только послѣ паденія Новгорода, когда Московская власть могла безпрепятственно дѣйствовать на устройство края и приступить къ такой мѣрѣ, какъ составленіе Чертежа, и послѣ закрѣпленія Приуральской части его за Москвою, вслѣдствіе извѣстныхъ Московскихъ походовъ 1499 и 1501 годовъ за Уралъ. Признавая писцовыя книги непосредственнымъ источникомъ Чертежа, и основываясь на томъ, что самыя древнія писцовыя книги бывшихъ Новгородскихъ земель, составленныя велико-княжескими писцами (Вотской и Обонежской пятинъ), относятся къ концу XV в. (1496 и 1499 г.), г. Огородниковъ признаетъ 1496 годъ самымъ отдаленнымъ пунктомъ, когда подъ рукою правительства могли быть впервые точныя матеріалы для составленія Чертежа. Что касается пространства, лежавшаго къ востоку, за предѣлами бывшихъ Новгородскихъ пятинъ, то текстъ Чертежа долженъ былъ возникнуть гораздо позднѣе, едва ли даже въ началѣ XVI вѣка (239). Основаніями къ такому предположенію г. Огородникова послужило то соображеніе, что для этого края писцовыхъ книгъ не было, такъ что Чертежъ долженъ былъ составляться на основаніи правительственныхъ грамотъ; между тѣмъ въ Чертежѣ слишкомъ мало населенныхъ мѣстъ, свѣдѣнія о которыхъ можно было бы извлечь изъ такого рода источниковъ до конца XV в.; такихъ мѣстъ насчитывается только одиннадцать. Кромѣ того, изъ описанія похода Московскихъ воеводъ за Уралъ въ 1499, видно, что они шли *на мноія рѣки*, которыя, очевидно, тогда были неизвѣстны въ Москвѣ, и въ которыхъ надо видѣть Мезень и Печеру со притоками; между тѣмъ въ Книгѣ Большаго Чертежа рѣки Мезень и Печера, хотя и не со всѣми своими притоками, упоминаются. Изъ этого съ правдоподобіемъ можно заключить, что текстъ Чертежа, по отношенію къ этому пространству, едва ли могъ явиться даже въ началѣ XVI вѣка. «Употребленіе, продолжаетъ г. Огородниковъ, въ Кн. Большаго Чертежа русскихъ названій для рѣки Выми и ея притоковъ (Большая Птица, Малая Птица, Тетеря), въ такомъ краѣ, который издревле былъ занятъ инородцами, по моему мнѣнію, даетъ право предполагать.

что эти названія—позднѣйшія и притомъ не народныя, такъ какъ на мѣстѣ о нихъ не сохранилось памяти» (239).

Вторую редакцію г. Огородниковъ относитъ ко времени между 1532 и 1590 годами, сводя къ ней тѣ, впрочемъ очень немногія, географическія данныя Кн. Большому Чертежу о населенныхъ мѣстахъ, которыя могли войти въ Чертежъ только въ продолженіи этого періода. Третья редакція могла явиться въ началѣ XVII вѣка и состояла въ исправленіи Чертежа и его пополненіи новыми подробностями на основаніи писцовыхъ книгъ Лопскихъ (1608—1611 гг.) относительно Мурманскаго и Терскаго береговъ, а для остальнаго пространства на основаніи писцовыхъ книгъ 1608, 1613 и 1622 годовъ, о которыхъ упоминается въ разныхъ актахъ. На конецъ, четвертое и послѣднее исправленіе Чертежа было, какъ извѣстно, сдѣлано при царѣ Ѳедорѣ Алексѣевичѣ. Относительно Мурманскаго берега, для этого исправленія могла послужить грамота царя Алексѣя Михайловича 1675 г., какъ позднѣйшая, которою г. Огородниковъ воспользовался въ своемъ изслѣдованіи (Мурм. и Терск. бер. 86). Что касается прибрежій морей Бѣлаго и Ледовитаго, то для новой редакціи Чертежа могли дать основанія переписныя книги 1678 и 1679 годовъ, о которыхъ впрочемъ извѣстно пока только по одному упоминанію (стр. 242).

Къ такимъ выводамъ пришелъ г. Огородниковъ во вопросу о времени возникновенія и исправленія Чертежа. Онъ самъ не считаетъ ихъ еще окончательными, хотя и признаетъ ихъ въ извѣстной степени доказанными. «На остальномъ пространства Россіи, въ объемѣ Кн. Большаго Чертежа, говоритъ онъ (*ibid*), конечно могутъ представиться новые факты, относящіеся къ вопросу о повременности образованія текста ея, которые могутъ измѣнить и дополнить сдѣланные выводы». Соглашаясь вполне съ почтеннымъ изслѣдователемъ, считаемъ однако необходимымъ замѣтить: основывая свои критическія главнымъ образомъ на данныхъ Книги Большому Чертежу, касающихся исключительно населенныхъ мѣстъ, дѣйствительно-ли онъ стоялъ на настоящей почвѣ? Не болѣе ли уяснились бы вопросы о времени и способахъ возникновенія Чертежа, если бы принять въ соображеніе, что, по матеріалу своему, Чертежъ болѣе гидрографическая, чѣмъ топографическая карта, и если бы больше обратить вниманія на то, когда могли быть внесены въ Чертежъ показанныя въ немъ рѣки и рѣчки, часто весьма значительныя? Но этотъ вопросъ можетъ быть разработанъ только

при точномъ историко-географическомъ опредѣленіи хода русской колонизаціи въ этомъ краѣ и тѣсно связаннаго съ нею пространства на Руси географическихъ свѣдѣній о нашемъ сѣверѣ.

Что касается непосредственныхъ источниковъ Большаго Чертежа, то авторъ, не касаясь специально этого вопроса и оставляя его пока открытымъ, признаетъ, что такими источниками могли служить грамоты и писцовыя книги. Къ сожалѣнію, онъ не высказалъ, или не имѣлъ повода высказать, своего мнѣнія о «Чертежахъ и рубежахъ волостямъ, спискахъ дорогъ, спискахъ городовъ съ путями и волостями, что къ городамъ тѣмъ тянется», и о другихъ географическихъ памятникахъ, о которыхъ положительно извѣстно, что они существовали въ XVI в.

Этимъ мы оканчиваемъ обзоръ трудовъ г. Огородникова, которые составляютъ такое важное пріобрѣтеніе для русской исторической науки. Г. Огородниковъ поставилъ ими разработку одного изъ важнѣйшихъ историческихъ памятниковъ на твердую почву и уяснилъ критическій методъ, который можетъ привести изслѣдователей къ положительнымъ результатамъ и выводамъ при его изученіи. Мы указали нѣкоторые недостатки и пробѣлы въ изысканіяхъ г. Огородникова; можно было бы отыскать въ нихъ еще нѣсколько, хотя и не столь важныхъ, промаховъ и описокъ¹⁾; можно было бы пожелать въ слогѣ и изложеніи болѣе ясности и опредѣленности, но при всемъ томъ мы имѣемъ полное право сказать, что дѣйствительно русской исторической наукѣ не доставало подобнаго труда, и что трудъ г. Огородникова отвѣчаетъ современнымъ пребываніямъ науки и критики.

¹⁾ Такъ напр. о Колмогарахъ авторъ говоритъ, что названіе ихъ впервые встрѣчаются въ Двинской грамотѣ в. кн. Ивана II 1355 — 59, а оно встрѣчается раньше, въ грамотѣ Калиты 1328 — 40 гг. — «Постоянная осѣдлость Елецы, говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ (Прибр. 129), выясняется къ концу XIII в., именно къ 1294 г., именно къ княженію *Семена Ивановича Гордаго* (?) и т. д. На 155 стр. Тулупьевъ островъ показанъ *выше* устья Вычегды на Двинѣ. а, по Книгѣ Большому Чертежу его надо искать *ниже*, и нѣк. др.

РАЗБОРЪ СОЧИНЕНІЯ Ф. К. БРУНА:

**„ЧЕРНОМОРЬЕ, СВОРНИКЪ ИЗСЛѢДОВАНІЙ ПО ИСТОРИЧЕСКОЙ ГЕОГРА-
ФІИ ЮЖНОЙ РОССІИ. ЧАСТЬ I“ (РУКОПИСЬ).**

Составилъ профессоръ С.-Петербургскаго Университета **В. Г. Васильев-
скій.**

Южно-русскія области, прилегающія къ Черному Морю, представляютъ наиболѣе привлекательное поле для разысканій того рода, къ какому принадлежатъ труды Одесскаго профессора, Ф. К. Бруна. Многочисленные остатки древности и многообразные слѣды свидѣтельствуютъ о томъ, что здѣсь нѣкогда кипѣла бодрая и радостная жизнь Греческаго народа, процвѣтала Еллинская гражданственность съ ея высоко-художественнымъ творчествомъ.— Здѣсь находятся развалины городовъ, описанныхъ Геродотомъ и Страбономъ и отчасти еще неполнѣ обследованныхъ; здѣсь должны быть отыскиваемы объясненія къ наиболѣе почитаемымъ сочиненіямъ древнихъ классическихъ авторовъ. — Все, что осталось здѣсь отъ Еллинскаго періода, дорого и свято для всего человѣчества. Отъ того эти мѣста издавна привлекаютъ пытливыхъ и путешественниковъ всего образованнаго міра... Было бы постыдно для русской науки и для русской образованности, еслибы она осталась слѣпа къ тому, что находится предъ глазами, опустила бы возможность сдѣлать свой вкладъ въ общую сокровищ-

ницу, не счѣла бы стать въ болѣе живыя и самостоятельныя отношенія къ изученію классическаго міра...

Не чужды общечеловѣческаго интереса и тѣ событія, которыя совершались въ южной Россіи въ переходное время отъ древняго міра къ новому. Здѣсь долго жили Готы, прошли Гунны, господствовали Хазары, кочевали Печенѣги и Половцы, не миновали этихъ странъ и Мадьяры. Только одному народу русскому суждено было сдѣлаться въ нихъ владыкою и господиномъ. Именно здѣсь, на Черномъ морѣ и въ Черноморскихъ странахъ — заявилъ онъ впервые міру о своемъ имени и своемъ призваніи. — Не смотря на временное торжество кочевниковъ, въ Арабскихъ извѣстіяхъ и на средневѣковыхъ картахъ — мы еще долго встрѣчаемъ названія мѣстностей, напоминающія Русь и Варяговъ, названія, которыхъ мы иногда не въ состояніи объяснить и приурочить. Во всякомъ случаѣ, здѣсь находятся важные задачи русской исторіи, разрѣшенія которыхъ слѣдуетъ ожидать именно отъ сравнительныхъ историческо-географическихъ изслѣдованій.—

Въ то время, когда Нѣмецкая Ганза едва начинала складываться и прокладывать себѣ дорогу къ торговому преобладанію на Балтійскомъ морѣ, предприимчивые граждане Итальянскихъ городскихъ республикъ покрыли своими торговыми колоніями и факторіями берега Чернаго и Азовскаго морей. Въ XIII-мъ столѣтіи, со времени господства Генуэзцевъ и Венеціанцевъ, для Черноморья началось возрожденіе, напомнившее блистательную эпоху его первоначальной исторіи. — Татарскія и Турецкія времена опять изгладили здѣсь многое, что могло бы одинаково интересовать и образованнаго жителя современной намъ Генуи и русскаго любознательнаго человѣка.

Никто не можетъ сказать, чтобы русская наука осталась глухою и невнимательною къ тѣмъ запросамъ, которые къ ней предъявлялись самымъ положеніемъ вещей. Уже въ 1794-мъ году академикъ Палласъ открылъ и описалъ развалины обонхъ Херсонисовъ и вообще проложилъ прочный путь къ изслѣдованіямъ на Ираклійскомъ полуостровѣ. Нѣсколько позднѣе французъ Рейльи (Reilly), оставившаго весьма интересное описаніе путешествія въ Крымъ и по берегамъ Чернаго моря (вышло въ 1806 мѣ году), посѣтили Тавриду Парротъ и Энгельгардтъ и описали свои наблюденія; за тѣмъ слѣдуютъ Броневскій, авторъ «Обозрѣнія южнаго берега Крыма» (1823 г.), которое не утратило своего интереса и послѣ того, какъ появился «Крымскій Сборникъ» Академика Кеппена, ка-

питальный трудъ, сдѣлавшійся настольною книгою для всѣхъ, занимающихся исторіею Тавриды, или нуждающихся въ какихъ-либо справкахъ, ея касающихся. Отмѣтимъ далѣе, опуская многое другое, «Путешествіе по Тавридѣ *Муравьева Апостола*», совершенное въ 1820-мъ году и описанное въ книгѣ, появившейся въ 1823-мъ году. Это было настоящее ученое путешествіе, которому предшествовало глубокое изученіе древнихъ классическихъ писателей и основательное знакомство съ новыми сочиненіями, объясняющими извѣстія древнихъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и прошлую исторію страны. Извѣстно, что книга *Муравьева Апостола*, написанная въ высшей степени живо, умно и занимательно, начинается поэтическимъ изображеніемъ древней Ольвій, мѣстоположеніе которой при нынѣшнемъ селѣ Парутинѣ впервые было точно указано нашимъ путешественникомъ. — Не забудемъ полковника *Стемпковскаго*, «*Изслѣдованія*» котораго «о мѣстоположеніи древнихъ греческихъ поселеній на берегахъ Понта Евксинскаго между Тирасомъ и Борисфеномъ», отличаются, по мимо твердаго и полнаго знакомства съ классиками, необыкновенною ясностію и трезвостію мысли, и прекраснымъ изложеніемъ, которое кажется даже удивительнымъ, когда вспомнишь годъ, подписанный въ низу заглавнаго листа (С.-П.-бургъ, 1826). *Стемпковский*, котораго можно назвать основателемъ Керченскаго музея, въ тоже время есть родоначальникъ Одесскаго общества исторіи и древностей; по крайней мѣрѣ онъ первый громко высказалъ мысль о необходимости основанія на югѣ Россіи ученыхъ обществъ для собиранія, сохраненія и изслѣдованія древности. Много лѣтъ прошло, пока эта мысль осуществилась. Наконецъ въ 1844-мъ году, пятый годъ существованія общества, вышелъ первый томъ «Записокъ Одесскаго общества исторіи и древностей». Здѣсь на первомъ мѣстѣ стояла обширная статья: «Геродотова Скиѳія, объясненная чрезъ сличеніе съ мѣстностями», подписанная именемъ, достопамятнымъ въ лѣтописяхъ русской науки и особенно той ея отрасли, къ которой относятся послѣдующіе труды Ф. К. Бруна. Здѣсь же была напечатана и другая статья *Надеждина*: «о мѣстоположеніи древняго города Пересѣчина, принадлежавшаго народу Угличамъ»; она показала, что на ряду съ изученіемъ греческой древности, есть и другія специально-русскія задачи въ исторической географіи южнаго края. — На Византійскія и Генуэзскія древности въ Крыму уже обращали вниманіе *Броневскій*, *Муравьевъ Апостолъ* и *Кеппенъ*. Потомъ нигдѣ не опускали ихъ изъ виду французы: *Дюбуа-де Монперѣ* (*Dubois-de*

Montpéreux), путешествіе котораго вокругъ Кавказа — и въ Крыму ¹⁾, вышло въ 1839 — 1843 годахъ, и въ двухъ послѣднихъ частяхъ, касающихся собственно Тавриды, во многомъ слѣдуетъ указаніямъ Палласа и Муравьева-Апостола; и Nommaire de Hell ²⁾, уступающій своему предшественнику въ талантъ и званіяхъ историческихъ, но тоже оказавшій услуги распространенію и поддержкѣ общаго интереса къ прошлымъ судьбамъ Крыма и южной Россіи. Изданный de Hell'омъ живописный и историческій атласъ, хотя и не можетъ равняться съ великолѣпнымъ, роскошнымъ атласомъ Дюбуа, но представляетъ и до сихъ поръ полезное пособіе для изученія средневѣковой картографіи. Если мы назовемъ нѣмца Нейманна (Neumann, die Völker des südlichen Russlands, 1847 и die Hellenen im Skythenlande, Berlin, 1855), иностранцевъ, служившихъ и писавшихъ въ южной Россіи — Дюбрюкса и Бларамберга, а затѣмъ упомянемъ о неоконченномъ сочиненіи графа Уварова «Изслѣднія о древностяхъ южной Россіи», появившемся въ 1851 году, то будемъ имѣть на лицѣ почти всѣхъ предшественниковъ Ф. К. Бруна. Въ одно время съ нимъ начали трудиться П. В. Беккеръ, наиболѣе точный и строгій изслѣдователь вопросовъ, касающихся топографіи береговыхъ странъ Понта Евксинскаго въ Еллинскій періодъ, проф. Мурзакевичъ и особенно Юргевичъ, занимавшіеся, между прочимъ средневѣковыми генуэзскими колоніями и оставшимися отъ нихъ памятниками, покойный П. М. Леонтьевъ, производившій изслѣдованія на мѣстѣ древняго Танаиса и т. д.

Въ 1853 г., въ 3-мъ томѣ Зап. Одесск. общества, появилась первая статья Ф. К. Бруна, и съ тѣхъ поръ онъ оставался наиболѣе усерднымъ и постояннымъ вкладчикомъ этого изданія, въ настоящее время считающаго уже десять томовъ. Онъ помѣщалъ также свои труды во французской одесской газетѣ («Journal d'Odessa») и въ разныхъ мѣстныхъ погодныхъ изданіяхъ; а затѣмъ изслѣдованія его стали появляться на страницахъ академическихъ изданій, въ Бюллетеняхъ, Мемуарахъ и Ученыхъ запискахъ. Одною изъ отличительныхъ чертъ ученой дѣятельности Ф. К. Бруна была его многосторон-

¹⁾ Dubois de Montpéreux, Voyage autour de Caucase et chez les Tscherkesses et les Abkhases, en Colchide, en Géorgie, en Arménie et en Crimée. 6. TT. Paris 1839—1843.

²⁾ Nommaire de Hell, Les steppes de la mer Caspienne, le Caucase, la Crimée et la Russie meridionale. Voyage pittoresque, historique et scientifique. — Strasb. 1843—1845.

ность въ изслѣдованіи судебъ любимаго края. Онъ не ограничивался классическою древностію или генуэзскими колоніями, но интересовался тѣмъ и другимъ, а также и вопросами первоначальной русской исторіи. Онъ изучалъ Геродота и написалъ важное сочиненіе о Геродотовой Скиѣи, онъ много занимался Страбономъ, но не были ему чужды и уставы итальянскихъ торговыхъ факторій въ средневѣковой Газаріи, а также Византійскія и Арабскія извѣстія о Руссахъ, Печенѣгахъ и Половцахъ. На ряду съ Геродотомъ и Страбономъ, Ф. К. Брунъ усердно изучалъ Константина Багрянороднаго, Едриси и средневѣковые итальянскіе портуланы. Статьи Ф. К. Бруна всегда носили въ себѣ самихъ доказательства самаго добросовѣстнаго отношенія къ предмету, и прежде всего самой обширной начитанности въ источникахъ и пособіяхъ всякаго рода. Если въ нихъ замѣчались какія недостатки, то эти недостатки происходили не отъ поверхностнаго изученія, не отъ скудости свѣдѣній, а скорѣе отъ ихъ разнообразія и обилія, отъ нѣкотораго злоупотребленія собственнымъ богатствомъ.. Давно желательно было видѣть полное собраніе ученыхъ трудовъ Ф. К. Бруна, такъ какъ безъ нихъ нельзя, какъ говорится, шагу сдѣлать въ изслѣдованіяхъ, соприкасающихся съ историческою географіею южно-русскаго края, а между тѣмъ они оставались разбѣянными въ разныхъ, иногда мало доступныхъ, изданіяхъ. Сборникъ, представленный въ настоящее время Академіи Наукъ, носитъ на заглавномъ листѣ нѣкоторыя признаки того, что почтенный ученый скоро намѣренъ удовлетворить заявленнымъ въ печати ожиданіямъ. Въ немъ заключается двѣнадцать статей, надъ которыми стоитъ надписаніе, что это есть *первая часть* Черноморья.

Призванные лестнымъ порученіемъ Академіи Наукъ высказать свое мнѣніе о содержаніи первой части Сборника, озаглавленнаго «Черноморье», мы полагаемъ, что обязанность наша только тогда будетъ исполнена, если мы дадимъ отчетъ о каждой изъ двѣнадцати статей сборника. Этимъ мы надѣемся доказать свое глубокое уваженіе къ ученой дѣятельности Ф. К. Бруна, тѣмъ болѣе, что общія ученія достоинства его трудовъ давно признаны всѣми компетентными судьями, между прочимъ и самою Академіею Наукъ. Приступая къ обзору, который мы постараемся сдѣлать какъ можно болѣе краткимъ, мы должны сдѣлать только ту предварительную оговорку, что мы считаемъ слишкомъ труднымъ и даже излишнимъ при обсужденіи каждой статьи возвращаться къ положенію вопроса, современному съ ея первымъ появленіемъ, но откровенно

пользуемся и позднѣе приобрѣтенными, но намъ извѣстными данными науки.

Первая статья носитъ заглавіе «*Островъ Тирагетовъ и греко-латинская надпись, найденная въ селѣ Коротномъ*».

Тиритская надпись, найденная на берегахъ Днѣстра въ селѣ Коротномъ, теперь уже сдѣлалась общимъ достояніемъ науки, такъ какъ она издана не только въ Берлинскомъ Сборникѣ латинскихъ надписей, но печатается даже въ такого рода школьныхъ пособіяхъ, какъ *Fontes juris romani* Брунса. Первыми ея толкователями были одесскіе ученые Беккеръ и Ф. К. Брунъ. Послѣдній сообщилъ наиболѣе подробный отчетъ о мѣстности и обстоятельствахъ открытія документа, весьма важнаго для исторіи римскаго господства по обѣимъ сторонамъ Дуная. Моммсенъ, уже послѣ изданія надписи, ознакомившійся со статьею одесскаго ученаго, воспользовался ея сообщеніями въ *Supplementa* къ соотвѣтствующему тому Берлинскаго изданія, находящагося подъ его редакціей. Теперь Ф. К. Брунъ въ свою очередь приводитъ какъ первоначальныя объясненія къ надписи, сдѣланныя Моммсеномъ, такъ и дополнительныя его замѣчанія, вызванныя сообщеніями самого Ф. К. Бруна. Сверхъ того въ статьѣ Ф. К. Бруна, которая, кстати сказать составила изъ двухъ прежнихъ статей, подвергшихся при этомъ неизбѣжной переработкѣ, снова обсуждается вопросъ о мѣстоположеніи Тираса, Офіусы и острова Тирагетовъ. Мы видимъ, что, въ слѣдствіе замѣчаній Моммсена, Ф. К. Брунъ отказался отъ своего прежняго мнѣнія, что городъ Тирась во времена имперіи перенесенъ былъ на лѣвую сторону Днѣстра, именно туда, гдѣ теперь лежитъ село Коротное; оказалось, что мѣсто нахождения надписи не можетъ служить основаніемъ для такого предположенія, противорѣчущаго всѣмъ болѣе авторитетнымъ свидѣтельствамъ, по которымъ мѣстоположеніе Тираса опредѣляется близъ нынѣшняго Аккермана. Теперь Ф. К. Брунъ наоборотъ полагаетъ, что между Днѣстромъ и лиманомъ Кучурганскимъ, гдѣ лежитъ и село Коротное, находился островъ Тирагетовъ, упоминаемый у Плинія, что здѣсь же находилась и древняя Офіуса, изъ которой жители только послѣ перешли на правый берегъ Днѣстра, гдѣ основали новый городъ, первоначально названный также Офіусою, и только во времена римскаго господства переименованный въ Тирась. Признаемся, что и новая теорія Ф. К. Бруна кажется намъ слишкомъ сложною и менѣе правдоподобною, чѣмъ взглядъ его друга и на этотъ разъ противника П. Беккера. Если новая Офіуса стала называться Ти-

расомъ только послѣ присоединенія къ римской имперіи, т. е. послѣ 54-го года по Р. Х., то какъ объяснить слова Помпонія Мелы, писавшаго нѣсколькими годами ранѣе половины 1-го вѣка по Р. Х.: *Tyra surgit in Neuris: qua exit sui nominis oppidum attingit?* Не говоримъ уже о Геродотовыхъ Тиритахъ, которые свое имя, пожалуй, могли получить и не отъ города, а отъ рѣки Тираса.

Вторая статья относится къ русской исторіи и занимается островомъ Св. Еверія. Тождество острова Еверія съ Березанью было уже признано Карамзинымъ и Лербергомъ. Ф. К. Брунъ взялъ на себя обязанность подкрѣпить простую и, нужно сказать, вполне естественную догадку своихъ предшественниковъ доказательствами ученаго характера. Точкою отправленія его довольно сложной аргументаціи служитъ названіе, подъ которымъ островъ Еверія является въ томъ именно памятникѣ агиографической литературы, который объясняетъ намъ происхожденіе и самаго общепринятаго наименованія, именно—въ житіи Херсонскихъ мучениковъ. Въ русской редакціи этого житія, какъ она читается въ Четьи-Минеевѣ Дмитрія Ростовскаго, повѣствуется, что одинъ изъ современныхъ Константину Великому Херсонскихъ святителей, именно *Еверій*, кончилъ свою жизнь на пути изъ своей епархіи въ Царьградъ — на островъ *Аасъ*... Послѣдовательный рядъ ученыхъ соображеній, развиваемыхъ въ статьѣ Ф. К. Бруна, долженъ привести насъ къ убѣжденію, что островъ *Аасъ*, переименованный въ островъ Еверія въ честь умершаго на немъ епископа, не могъ быть никакимъ другимъ, какъ только Березанью, какъ только островомъ, находящимся *при устьяхъ* рѣки Днѣпра. Сущность дѣла въ томъ, что названіе *Аасъ*, по мнѣнію Ф. К. Бруна, почти тождественно съ однимъ изъ наименованій самаго Днѣпра, подъ которымъ эта рѣка была извѣстна почти во все продолженіе среднихъ вѣковъ. Наименованіе это есть «Озу» или «Узу», а доказательства, что оно было довольно обычно, суть слѣдующія: 1) Ф. К. Брунъ полагаетъ, что *Озо-лима*, которая упоминается въ Алексіадѣ Анны Комнены, есть нечто иное, какъ Днѣпровскій лиманъ, слѣдовательно первая половина слова «Озо» будетъ означать рѣку Днѣпръ; 2) у Моисея Херсонскаго Дунай называется *Іозу*; по мнѣнію проф. Бруна, Дунай здѣсь смѣшанъ съ Днѣпромъ и мы должны названіе *Іозу* возвратити по принадлежности сему послѣднему; 3) на Итальянскихъ картахъ XV столѣтія Днѣпръ называется *logo* и *lusen*; первую букву слѣдуетъ принимать за членъ и писать l'Ozo и l'Usen; помимо сходства съ именемъ *Озолимы*, Ф. К. Брунъ признаетъ здѣсь родство съ та-

тарскимъ словомъ «юзенъ», что означаетъ вообще рѣку; 4) даже въ *Ателькузу*, древнемъ мѣстожителствѣ Венгровъ по Константину Багрянородному, отыскиваемомъ обыкновенно въ южной Россіи, проф. Брунъ, посредствомъ нѣкоторыхъ поправокъ въ чтеніи в греческомъ написаніи слова, открываетъ наименованіе двухъ рѣкъ: Атель—Этель или Итиль и Узú, при чемъ послѣдняя половина слова прямо указывала бы на Днѣпръ. Впрочемъ, слѣдуетъ прибавить, что Ф. К. Брунъ и самъ не считаетъ этотъ свой аргументъ свободнымъ отъ всякихъ сомнѣній; 5) *Оксъ*, упоминаемый у поздняго византійскаго писателя Тцетцеса (жилъ въ XII вѣкѣ), долженъ собственно означать Днѣпръ, такъ какъ Тцетцесъ говоритъ въ данномъ мѣстѣ, повидимому, объ европейскихъ рѣкахъ; 6) наконецъ, *Юзанъ* въ отвѣтномъ письмѣ Хазарскаго кагана къ рабби-Хиздаю еще съ бóльшимъ правомъ можетъ быть отнесено къ рѣкѣ Днѣпру, чѣмъ къ Волгѣ.

Все это обиліе учености, весьма цѣнное само по себѣ, пришлось бы считать напрасно и непроизводительно расточаемымъ, если бы оно всегда приводило къ такимъ выводамъ, какой дагѣе слѣдуетъ у Ф. К. Бруна. «Если Днѣпръ назывался Узú, то названіе рѣки легко *можно* перейти на островъ, лежащій при устьѣ Днѣпра». Такой способъ заключенія никогда не будетъ пользоваться большимъ кредитомъ въ ученой критикѣ. Намъ нужны положительныя доказательства, что это не только могло быть, но и на самомъ дѣлѣ было. Правда, Ф. К. Брунъ приводитъ еще одно сопоставленіе. Въ донесеніи Адашева къ царю Ивану Грозному говорится объ Очаковѣ и *Азибекѣ*. Но хотя бы подъ Азибекомъ и слѣдовало разумѣть островъ Березань, однако, по собственному сознанію Ф. К. Бруна, имя Азибекъ весьма поздняго происхожденія и напоминаетъ *Ази-ирея* или Хаджи-гирея, основателя Крымскаго ханства.

Воротимся всетаки къ названію острова *Аісомъ*, и къ названію Днѣпра «Озу» или «Узу». Оказывается, что самая исходная точка всего разсужденія была весьма сомнительна. Правда, еще Шлецеръ отзывался благосклонно о томъ источникѣ, въ которомъ проф. Брунъ прочиталъ наименованіе Еверіева острова *Аісомъ*; но знаменитый критикъ могъ сравнивать русскую редакцію житія Херсонскихъ мучениковъ только съ наиболѣе краткою редакціею онаго, помѣщенною въ *Acta sanctorum* Балландистовъ. Теперь мы должны признать существованіе еще гораздо лучшихъ источниковъ, и на основаніи ихъ отвергнуть самое чтеніе *Аісъ*, какъ совершенно ошибочное и невѣрное. Въ греческомъ пространномъ житіи Херсон-

скихъ мучениковъ, издавномъ, конечно, послѣ перваго появленія статьи Ф. К. Бруна въ печати, островъ называется не *Аіссъ*, а *Алосъ* ("Αλος) или *Алсъ*. Въ Запискахъ одесскаго общества исторіи и древностей, гдѣ любопытный и важный памятникъ былъ впервые напечатанъ, мы не находимъ никакого точнаго указанія на рукопись или сборникъ, изъ котораго была заимствована присланная изъ Москвы (покойнымъ Невоструевымъ) копія. Но все-таки можно утверждать, не боясь ошибки, что греческій текстъ житія былъ выписанъ изъ знаменитой *Минеи XI вѣка*, украшенной миниатюрами, подобными тѣмъ, какія находятся въ Ватиканскомъ менологіѣ Василія, и вообще составляющей одно изъ лучшихъ сокровищъ Московской синодальной библіотеки. Если это такъ, то мы сами имѣли случай ознакомиться съ этимъ кодексомъ, и можемъ засвидѣтельствовать, что данное мѣсто дѣйствительно читается такъ: «Ὁς (= Ἀλέτριος) μῆτε τὴν Χερσῶνα καταλαβὼν, ἐναντίων ἀνέμων πρὸς αἶς ἐν τινὶ νήσῳ ἄλος ὠνομασμένῃ καὶ τοῖς μέρεσι τοῦ Δάναπρος ποταμοῦ προσκειμένη, καταίρει»... Однако, это еще не все. Намъ давно удивляло, что лица, занимавшіеся вопросомъ о Св. Еееріи до Ф. К. Бруна и послѣ него, не обращали никакого вниманія на другую редакцію житія Херсонскихъ мучениковъ, находящуюся въ рукописи, также древней, какъ и сборникъ Синодальной библіотеки, но по всѣмъ признакамъ даже болѣе близкую къ первоначальному полному житію, чѣмъ редакція греческой Синодальной минеи, содержащей вообще только сокращенныя житія. Мы разумѣемъ ту редакцію, которая находится въ извѣстномъ Супрасльскомъ сборникѣ, издавномъ много времени тому назадъ трудами Миклошича. Въ житіи Херсонскихъ мучениковъ мы здѣсь читаемъ: «Еееріи... приврженъ бысть въ островъ нарицаемъчи *Алосъ* въ странахъ рѣки Дънапра». Изученіе взаимнаго отношенія между разными редакціями житія, къ числу которыхъ нужно еще отнести находящуюся въ старой печатной Венеціанской греческой Минеѣ, вообще было бы не лишнимъ, но, конечно, здѣсь не мѣсто этимъ заниматься. Отмѣтимъ только, что по объѣмъ древнѣйшимъ редакціямъ Еееріи умираетъ, прибитый бурей къ извѣстному острову, не на возвратномъ пути послѣ путешествія въ Царьградъ, а при первомъ путешествіи въ Херсонъ, никогда не выдавъ своей епархіи. Относительно его преемника Капитона, существуетъ еще большее разногласіе.

Какъ бы то ни было, островъ въ странахъ рѣки Днѣпра, на которомъ умеръ Св. Ееерій, назывался первоначально не *Аіссъ*, а

Алсоъ или еще того вѣриѣ *Алсоъ* (какъ въ Супрасльской рукописи). Теперь посмотримъ, дѣйствительно ли Дѣвиръ носилъ въ продолженіи среднихъ вѣковъ названіе Озу или Узу. При рѣшеніи этого вопроса, намъ прежде всего представляется *Озолимна* Анны Комнены. По нашему убѣжденію, достаточно со вниманіемъ прочитать весь рассказъ Анны Комнены о столкновеніи между Печенѣгами, разбившими императора Алексѣя около Прѣславы (неподалеку отъ Шумлы), и между Половцами, послѣдившими къ нимъ на помощь, но потомъ разсорившимися, чтобы убѣдиться, что мѣсто дѣйствія находится на южной сторонѣ Дуная, и что, слѣдовательно, *Озолимна*, при которой спаслись Печенѣги, всего скорѣе можетъ быть отыскиваема при устьяхъ Дуная, въ Добруджѣ. Тогда не нужно будетъ предполагать «Ста холмовъ» Алексіады въ другомъ мѣстѣ, чѣмъ они полагаются Кедринимъ. Названный византійскій писатель, по собственному сознанію Ф. К. Бруна, очевидно указываетъ на существованіе «Ста холмовъ» между Дунаемъ и Балканами; тѣмъ не менѣе, Ф. К. Брунъ думаетъ, что мѣстность, именуемая «Сто холмовъ» у Анны Комнены, и находящаяся ниже *Озолимны*, есть не что иное, какъ «Сто могилъ» при развалинахъ древней Ольвіи. Что же касается *Юзу* Моисея Хоренскаго, то, во-первыхъ, теперь уже можно считать общепризнанною истинною, что армянская географія, носящая имя этого знаменитаго историческаго писателя, на самомъ дѣлѣ гораздо позднѣе его и относится ни какъ уже не ранѣе, какъ къ VII вѣку по Р. Х.; а во-вторыхъ, какъ мы узнаемъ изъ изслѣдованія, сопровождающаго русскій ея переводъ г. Патканьяна, въ лучшихъ и старѣйшихъ спискахъ совсѣмъ нѣтъ никакого упоминанія объ Юзу. Въ сущности, только *Loso* и *Lusen* средневѣковыхъ итальянскихъ картъ имѣютъ значеніе для тезиса, доказываемаго Ф. К. Бруномъ; но эти карты относятся уже къ тому времени, когда въ южной Россіи господствовали татары. Очень вѣроятно, что татарское «юзенъ», означающее вообще рѣку, въ частности служило наименованіемъ Днѣпра. Но очевидно, что въ такомъ случаѣ оно не будетъ имѣть ничего общаго съ древнимъ названіемъ острова Еверія, если бы даже этотъ послѣдній и въ самомъ дѣлѣ названъ былъ въ Херсонскомъ памятникѣ *Алсоъ*.

Въ заключеніе мы должны сказать, что хотя мы и считаемъ излишними и неудачными доводы Ф. К. Бруна, мы всетаки соглашаемся съ нимъ въ томъ, что островъ Еверія есть именно Березань, а не Тендра, какъ въ послѣднее время сталъ утверждать

Г. П. Бурачковъ. Напрасно этотъ послѣдній указываетъ на то, что островъ Березань не находится на пути плаванія изъ Цареграда въ Корсунь. Въ греческомъ текстѣ житія островъ *Алсосъ* и не предполагается лежащимъ на таковой дорогѣ, потому что тамъ говорится о «противныхъ вѣтрахъ». Сверхъ того, выраженіе «ἐν τοῖς μέρεσι τοῦ Δανάτρους ποταμοῦ», = «въ странахъ рѣкы Дънапра» — конечно, больше идетъ къ Березани, чѣмъ къ Тендрѣ и т. д. Точно также Ф. К. Брунъ совершенно правъ, возставая противъ мнѣнія Лерберга, что Св. Ельферій, упоминаемый въ Игоревомъ договорѣ, есть мѣстность, совершенно отличная отъ Св. Еерія у Константина Багрянороднаго, и находившаяся въ самомъ Константинополѣ. Переходимъ теперь къ третьей статьѣ.

Третья статья, «Нѣчто о Добруджѣ», написанная въ 1854 году, по случаю перехода русскихъ войскъ за Дунай, сообщаетъ общую характеристику страны по сочиненіямъ Венелина и Ами-Буэ, говорить о древнихъ греческихъ колоніяхъ, въ ней находившихся, именно о пяти приморскихъ общинахъ, составлявшихъ конфедерацію, извѣстную подъ именемъ Пентаполя; затѣмъ здѣсь перечисляются и другіе пункты поселенія около Нижняго Дуная, упоминаемые въ позднѣйшихъ римскихъ и византійскихъ источникахъ. Небольшая и непритязательная, хотя очень полезная для публики, статья, могла бы нами быть оставлена безъ всякихъ замѣчаній, если бы авторъ не сдѣлалъ теперь въ ней нѣкоторыхъ дополненій съ указаніями на сочиненія, появившіяся только въ 1876 году. Тѣмъ самымъ онъ далъ намъ право выразить сожалѣніе, что изъ новой литературы, имѣющей отношеніе къ предмету статьи, онъ не воспользовался именно тѣмъ, что всего ближе касалось ея темы. Ф. К. Бруну какъ будто остались совсѣмъ неизвѣстны новѣйшія находки и можно сказать открытія, относящіяся къ городу Томи и къ греческому Пентаполю, и состоящія, кромѣ латинскихъ надписей, изданныхъ Реньё (въ приложеніи къ книжкѣ Allard'a, la Bulgarie orientale), въ цѣлой дюжинѣ *греческихъ* надписей. Надписи эти первоначально были изданы Куманудесомъ въ аѳинскомъ журналѣ «*Νέα Πανδώρα*» за іюнь 1868 года; потомъ, хотя не вполне, перепечатаны были въ константинопольскомъ «*Σύλλογος*» за 1871 годъ (томъ IV, 105). Правда, греческія изданія такого рода, какъ Пандора и Силлогосъ, у насъ совершенно пренебрегаются и едва ли хотя одна изъ петербургскихъ *казенныхъ* библиотекъ можетъ похвалиться ихъ присутствіемъ. Но, быть можетъ, одесскому ученому обществу еще менѣе можно безъ нихъ обходиться, чѣмъ пе-

тербургскимъ ученымъ учрежденіямъ. Наконецъ, и въ одномъ изъ общедоступныхъ французскихъ ученыхъ журналовъ («Revue archéologique», 1874 г. XXVIII, 16) можно было найдти одну довольно обширную и весьма любопытную статью, озаглавленную «Inscriptions inédites des côtes de la mer Noire», и подписанную извѣстнымъ именемъ Жоржа Перро (Georges Perrot). Французскій ученый во второмъ отдѣлѣ своей статьи, занимается именно надписями Куманудеса, изданными въ Пандорѣ. Данныя, которыя извлекаются изъ этого матеріала для исторіи Черноморскаго Пантиградія, въ высшей степени интересны и важны; они могли бы служить не только къ дополненію свѣдѣній, собранныхъ Ф. К. Бруномъ, но и къ болѣе точному формулированію нѣкоторыхъ положеній его статьи. Перро очень правдоподобно объясняетъ, что встрѣчающаяся въ двухъ надписяхъ *Φλάβια νέα πόλις*, повидимому находившаяся въ очень близкихъ отношеніяхъ къ конфедераци и особенно къ ея метрополи, городу Тóми (близъ Кюстендже), есть не что иное, какъ городъ *Novae* (=Систово), о которомъ, между прочимъ, идетъ рѣчь и въ статьѣ проф. Бруна. Но французскій ученый ничего не сказалъ въ объясненіе надписи, напечатанной въ Силлогосѣ подь № 4-мъ, въ которой вмѣсто привычнаго намъ Пентаполя, говорится о *шестиградіи*:

τὸν Πεντάρχην καὶ ἄρχαντα τῆς Ἐξαπόλεως
τοῦ οὐδὲν τοῦ Πέντου и т. д.

О томъ и о другомъ, о городѣ Флавіевомъ и о Шестиградіи, было бы весьма поучительно узнать мнѣніе такого знатока въ подобнаго рода вопросахъ, каковъ Ф. К. Брунъ.

Четвертая статья посвящена «*Острову Певки*» (изъ «Одесскаго Вѣстника» 1854 года). Въ статьѣ доказывается, что это названіе не у всѣхъ классическихъ писателей означаетъ одно и тоже пространство, что именно у лучшихъ и болѣе извѣстныхъ географическихъ писателей I вѣка по Р. Х., Страбона и Плинія, а равно у Арріана въ описаніи походо́въ Александра Македонскаго—названіе *Певки* означаетъ нѣчто большее, чѣмъ островъ, заключенный между Дунайскими теперешними гирлами. У только что поименованныхъ авторовъ островъ Певки означаетъ сѣверовосточную часть нынѣшняго Бабадагскаго полуострова, т. е. полосу земли, расположенную между крѣпостями Бабадагомъ, Исакчею, Тульчею и мысомъ Бештепе. Еще *Крузе*, въ своемъ сочиненіи объ устьяхъ Дуная, указывалъ, что эта полоса земли до сихъ поръ отдѣляется отъ

западной части полуострова песчаною нисменностью, въ которой легко признать бывшее ложе рѣки. Можно вполне согласиться съ теоріею Уккерта, поддерживаемую Ф. К. Бруномъ, что именно въ этомъ объемѣ и въ этихъ границахъ мы должны представлять себѣ островъ Левки при чтеніи Страбона. Мы даже думаемъ, что еслибы Ф. К. Брунъ привелъ въ началѣ своей статьи подлинный текстъ греческаго географа, то ему не было бы нужды много разсуждать о томъ, какой изъ новѣйшихъ переводовъ Страбона, французскій или нѣмецкій, отличается большею вѣрностію. Относительно *Арриана*, описывающаго сраженіе Александра съ Трибаллами, тоже слѣдуетъ признать, что ходъ дѣла будетъ намъ представляться болѣе естественнымъ, если мы примемъ объясненія Ф. К. Бруна, что островъ Певки, на которомъ спасался царь Трибалловъ, соотвѣтствуетъ Бабадагскому полуострову. Но мы позволимъ себѣ сдѣлать одно замѣчаніе относительно возможности объяснять слова Плинія въ томъ же смыслѣ, который оказывается весьма подходящимъ въ приложеніи къ текстамъ Страбона и Арриана. Ф. К. Брунъ не указываетъ намъ изданія, по которому онъ (на стр. 43) цитуетъ Плинія, и опять не приводитъ подлинныхъ латинскихъ словъ писателя. Между тѣмъ мы видимъ, что новѣйшіе филологи, занимавшіеся текстомъ естественной исторіи Плинія, въ данномъ мѣстѣ отступаютъ отъ прежнихъ изданій и, повидимому, совершенно основательно отмѣчаютъ тутъ прямой пропускъ нѣсколькихъ словъ. Такъ поступилъ Детлефсенъ (Detlefsen), а за нимъ послѣдовалъ и Мюлленгофъ въ своемъ изданіи «*Germania antiqua*». Это совершенно измѣняетъ положеніе дѣла въ отношеніи къ тезису Ф. К. Бруна. Представленія позднѣйшихъ классическихъ писателей, за исключеніемъ Птолемея, относительно острова Певки также неопредѣленны и не точны, какъ и описаніе древнихъ греческихъ перипловъ. Всѣ они имѣютъ то общее, что, вопреки Страбону, заставляютъ островъ Певки доходить до самаго морскаго берега и заключаютъ его то вообще между устьями Дуная, т. е. между самымъ сѣвернымъ и самымъ южнымъ, то между двумя только болѣе южными (Священное и Нараконъ).

Въ пятой статьѣ рѣчь идетъ о топографіи Ираклійскаго полуострова и, главнымъ образомъ, о мѣстоположеніи древнѣйшаго Херсонеса (*Chersonesus vetus*). Извѣстно, что развалины средневѣковаго Херсона и русскаго Корсуна, во времена Страбона называвшагося *Новымъ Херсонесомъ*, давно и несомнительно указаны Палласомъ, описаны Муравьевымъ Апостоломъ, Дюбуа-де-Монперѣ

и т. д. Но вопросъ, гдѣ находился первоначальный Херсонесъ, о которомъ говоритъ Страбонъ, еще можетъ подлежать обсужденію и спору. Ф. К. Брунъ въ этомъ отношеніи отказывается слѣдовать указаніямъ Палласа, съ которыми не расходится въ другихъ отношеніяхъ. По его мнѣнію мысъ *Пароеніонъ*, отъ котораго Новый Херсонесъ отстоялъ на сто стадій, есть мысъ Св. Георгія или Феолентъ, на южной сторонѣ полуострова; здѣсь и долженъ былъ находиться храмъ Ифигеніи, о которомъ говорится у Страбона и на который указываютъ развалины, описанныя въ первый разъ знаменитымъ академикомъ. Въ этомъ приуроченіи Ф. К. Брунъ остается вѣрнымъ руководству Палласа, несмотря на весьма вѣскія возраженія, сдѣланныя Муравьевымъ - Апостоломъ, указывавшимъ Пароеніонъ при нынѣшнемъ мысѣ Херсонесѣ. Но далѣе нашъ изслѣдователь, хотя быть можетъ и остается болѣе послѣдовательнымъ, чѣмъ его руководитель, но едва-ли тѣмъ приближается къ истинѣ; нельзя поручиться, чтобы эта послѣдовательность не была дальнѣйшимъ развитіемъ первоначальной ошибки. Ф. К. Брунъ разсуждаетъ слѣдующимъ образомъ: «такъ какъ изъ словъ Страбона слѣдуетъ, что древній Херсонесъ лежалъ между мысомъ *Пароеніонъ* и гаванью *Символовъ*, нынѣшней Балаклавой; то позволено будетъ думать, что городъ находился на южномъ берегу полуострова Ираклійскаго, къ востоку отъ Георгіевскаго монастыря, *подлѣ мыса Ай-Бурунъ*». Здѣсь одесскій профессоръ расходится уже не только съ Муравьевымъ-Апостоломъ, но и съ Палласомъ, да и вообще съ общепринятыми воззрѣніями, по которымъ древнѣйшій Херсонесъ обозначается развалинами, открытыми тѣмъ же Палласомъ и находящимися у Камышевой бухты, на западной сторонѣ Ираклійскаго полуострова, близъ мыса Херсонеса, въ которомъ, по нашему мнѣнію, и слѣдуетъ, вмѣстѣ съ Муравьевымъ видѣть мысъ Пароеніонъ. Главнымъ аргументомъ для Ф. К. Бруна служитъ развалины древнихъ стѣнъ и зданій, находящіяся во множествѣ въ указываемомъ имъ для древняго Херсонеса мѣстѣ. Эти развалины такъ массивны и обширны, что не могутъ быть объясняемы ни существованіемъ здѣсь только одного храма, ни какими либо загородными постройками Херсониситовъ. Прекрасно; но и подлѣ Камышевой бухты тоже находятся или лучше находились большія развалины, описанныя все тѣмъ же Палласомъ, который и видѣлъ въ нихъ древнѣйшій Херсонесъ. Въ нихъ Ф. К. Брунъ видитъ постройки позднѣйшаго времени, собственно уже Корсунской средневѣковой эпохи. Но почему же не

на оборотъ? Почему не видѣть такихъ построекъ въ развалинахъ подлѣ мыса Аія-Буруна? Какъ бы то ни было, и точный смыслъ словъ Страбона не особенно можетъ служить въ пользу новой теоріи Ф. К. Бруна. Страбонъ говоритъ: «μεταξὺ δὲ τῆς πόλεως καὶ τῆς ἄκρας λιμένες τρεῖς, εἴς' ἣν καλαῖα χερσόνησος κατασκευάμενη... т. е. между Новымъ Херсонесомъ и мысомъ Пареніономъ три гавани или бухты, а затѣмъ древній Херсонесъ въ развалинахъ». Такъ какъ новѣйшій Херсонесъ (разумѣется въ отношеніи къ древнѣйшему) стоялъ, какъ въ этомъ нѣтъ никакого сомнѣнія, на западномъ берегу Карантинной бухты, то три бухты суть: Стрѣльская, Круглая и Двойная (Песчаная съ Казацкой); между послѣднею и Камышевой будетъ находиться древнѣйшій Херсонесъ. Старый взглядъ Паласа, котораго держались въ сущности Муравьевъ-Апостолъ и Дюбуа, намъ всетаки кажется имѣющимъ нѣкоторыя преимущества предъ новымъ, хотя мы одинаково готовы признать и то, что вопросъ остается нерѣшеннымъ, и то, что только новыя открытія могутъ вполне опровергнуть мнѣнія, съ такимъ знаніемъ дѣла изложенныя Ф. К. Бруномъ. Переходимъ къ слѣдующей статьѣ.

Она носитъ слѣдующее заглавіе: «Берегъ Чернаго моря между Днѣпромъ и Днѣстромъ по морскимъ картамъ XIV и XV столѣтій». Появилась эта статья въ первый разъ на французскомъ языкѣ въ Бюлетенѣ Академіи Наукъ за 1858 годъ, и до сихъ поръ ни мало не утратила ни своего интереса, ни своего научнаго значенія. Морскія карты XIV и XV столѣтій, помимо Каталонской шарра mundi, принадлежащія итальянцамъ, и въ частности большею частію генуэзцамъ, представляютъ чрезвычайно важный источникъ для изученія исторической географіи, источникъ, отличающійся особою полнотою и достовѣрностію именно по отношенію къ Черноморью, гдѣ генуэзцы и венеціанцы имѣли свои торговыя колоніи и факторіи. Но этотъ источникъ для своего объясненія требовалъ знающаго, опытнаго и проницательнаго толкователя. Наибольшую загадку представляла здѣсь самая географическая номенклатура, предъ которою одинаково могъ остановиться въ недоумѣніи и начитанный въ древнихъ классикахъ филологъ, и подробно изучившій новѣйшую топографію географъ. вмѣсто Бориссена или Днѣпра мы встрѣчаемъ здѣсь Ellehe, Egehe, вмѣсто Днѣстра Турло; затѣмъ слѣдуютъ такія выраженія, какъ Gynestra, Pidea, Flor de lis и т. д. Предстояло, во-первыхъ, приурочить эти названія къ опредѣленнымъ современнымъ мѣстностямъ, что, при несовершенствѣ сред-

невѣковой картографіи, не было дѣломъ легкимъ, и требовало внимательнаго сравненія всѣхъ отдѣльныхъ показаній на каждой картѣ, во-вторыхъ — слѣдовало объяснить самыя названія и указать заключающійся въ нихъ смыслъ. То и другое исполнено было Ф. К. Бруномъ съ полнымъ успѣхомъ. На основаніи характеризуемой нами статьи представлены берега и гавани Чернаго моря въ XIV вѣкѣ и на картѣ большаго нѣмецкаго атласа Шпрунера-Менке, выходящаго теперь новымъ изданіемъ (девятнадцатый выпускъ, № 88). Что касается объясненія номенклатуры, то Ф. К. Брунъ весьма остроумно и удачно большую часть названій объяснилъ при посредствѣ своего знакомства съ мѣстною флорой, которая, очевидно, прежде всего останавливала на себѣ вниманіе итальянцевъ. *Flor de lis*, т. е. цвѣтуція лиліи, отмѣченные при устьѣ Тилигульскаго лимана, служили, конечно, хорошимъ къ тому намекомъ, хотя ихъ все-таки пришлось замѣнить присами или тюльпанами, такъ какъ обыкновенныхъ лилій нѣтъ въ данной мѣстности. Жинестра (*ginestra*, франц. *genêt*), названіе, стоящее въ мѣстности Кузальницкаго лимана, заставляетъ думать, что итальянское имя будущей Одессы происходило—если и не отъ того самаго растенія, которое сообщило прозваніе фамиліи Пантагенетовъ, то, по крайней мѣрѣ, отъ родственнаго ему дрока. Очень любопытно объясненіе слова *Лидеа* (*lidea*), обозначающаго мѣстность на лѣвомъ берегу Днѣпра, куда простиралась Геродотовская Гилея. Ф. К. Брунъ производитъ это слово отъ греко-византійскаго *πάδος* (быть можетъ *ρῆγνις* *radus*, черемуха) или же отъ сомнительнаго *πῆδος* (впрочемъ, Брунъ пишетъ *πῆδος*), родъ дерева, изъ котораго приготовляются весла, по мнѣнію изслѣдователя—даже *сосна*. Здѣсь мы предложили бы поправку. Намъ думается, что лучше было бы взять за основаніе позднѣйшее греческое *ἀπίδιον*, *diminut.* отъ *ἄπιον* груша, грушевое дерево. Въ византійскихъ монастырскихъ грамотахъ, недавно изданныхъ Миклошичемъ и Миллеромъ (*Acta graeca*, t. IV) мы читаемъ (pag. 8); *ἀπίδασι τρεῖς καὶ δρύες δύο*, или (pag. 57): *σικαὶ δώδεκα ἀπίδασι λ'*. (Ср. новогр. *ἀπίδι* и *ἀπίδιά*). Намъ говорятъ весьма знающія лица (см. статью г. Бурачкова о мѣстоположеніи Каркинитеса во послѣдней книжкѣ Записокъ одесскаго общества исторіи и древностей), что хвойныхъ деревьевъ не только нѣтъ, но и быть не могло въ данной мѣстности, да нѣтъ и черемухи (*rupus radus*). За то полковникъ Томиловъ, описавшій въ 1774 году Кинбурскій полуостровъ, нашелъ тамъ ольху, яблони и *груши* (Записки одесскаго общества IX, 4). Такого же рода растительность простира-

лась, повидимому, отъ Кинбурна до самыхъ *Алешекъ*. Считая дальнѣйшія объясненія, какъ, напримѣръ, *Barbarese* Бѣлобережьемъ, совершенно удачными, мы должны возстать только противъ приуроченія греко-византійскаго Ἐλισσοςъ къ Олешью. Изъ документовъ, на которые въ статьѣ дѣлается не совсѣмъ точная ссылка, совершенно ясно, что это мѣстечко, за которое спорили два митрополита, херсонскій и сугдейскій, находилось въ южной части Таврическаго полуострова (Acta Patriarchat. II, стр. 42. 150).

Седьмая статья: «*Слѣды рѣчнаго пути изъ Днѣпра въ Азовское море*» (стр. 99—140).

Этой статьѣ, напечатанной первоначально въ V томѣ Записокъ одесскаго общества исторіи и древностей, всего болѣе посчастливилось въ нашей ученой литературѣ. Ея тема, интересная сама по себѣ, имѣетъ кромѣ того прямое отношеніе къ вопросамъ первоначальной русской исторіи, и проводитъ мысль о тѣснѣйшихъ связяхъ при днѣпровской кievской Руси съ черноморскою или тмути-раканскою. Понятно, что, когда въ послѣднее время обсужденіе этихъ вопросовъ снова оживилось, статья Ф. К. Бруна должна была пользоваться особеннымъ вниманіемъ. Къ сожалѣнію, мы не можемъ раздѣлять того увлеченія, съ какимъ русскіе изслѣдователи относятся къ статьѣ почтеннаго одесскаго профессора. Мы признаемъ, что трудолюбіе и обширная начитанность автора въ источникахъ всякаго рода — помогли ему собрать массу очень цѣннаго матеріала, который навсегда сохранитъ значеніе за его статьей; мы признаемъ, что нѣкоторыя частныя сопоставленія и комбинаціи автора могутъ быть приняты въ расчетъ самую строгую критикой. Но въ тоже время мы находимъ, что въ своемъ основаніи статья содержитъ рядъ весьма сомнительныхъ положеній, построена на некрѣпкомъ фундаментѣ. Сущность дѣла вотъ въ чемъ: Проф. Брунъ въ самомъ началѣ своей статьи приводитъ свидѣтельство изъ знаменитаго описанія Украйны Бопланомъ (XVII в.), что запорожскіе казаки иногда возвращались изъ своихъ поисковъ на Черномъ морѣ слѣдующимъ путемъ: черезъ Керченскій проливъ въ Азовское море, по Донскому лиману, по Міусу до Волчьей воды (Тачаводы), потомъ *волокомъ* въ Самару, которая уже изливается въ Днѣпръ. Показаніе французскаго инженера, 17 лѣтъ проведеннаго на службѣ польскаго короля, не можетъ быть подвергаемо сомнѣніямъ, да, по нашему мнѣнію, оно не нуждается и въ той поправкѣ, которую предложилъ сначала Л. Н. Майковъ, а теперь принялъ и Ф. К. Брунъ, и которая состоитъ въ замѣнѣ Міуса Каль-

міусомъ. Съ другой стороны, волокъ, отмѣченный Бопланомъ между Волчьею и Самарою, опредѣляетъ весьма недвусмысленно удобства этого пути и размѣры возможнаго пользованія онымъ. Можно допустить, что въ XVII столѣтіи, а тѣмъ болѣе въ древности, Міусъ (или же Кальміусъ) и Волчья были гораздо многоводнѣе, чѣмъ онѣ являются въ настоящее время; но дѣлать изъ нихъ рѣки судоходныя чуть не до самыхъ верховьевъ едва ли существовала какая надобность. Намъ кажется весьма основательнымъ замѣчаніе высказанное г. Бурачковымъ, что все судоходство казаковъ по Міусу и далѣе состояло въ томъ, что казаки, возвращаясь съ моря, затопляли въ Міусскомъ лиманѣ «свои дубы для переду», т. е. оставляли здѣсь до будущей морской экспедиціи тѣ большія суда, которыя описаны у Боплана, и на которыхъ они разѣзжали по Черному морю, а для рѣчнаго путешествія садились на другія меньшія переносныя лодки. Именно такъ поступали казаки въ другихъ подобныхъ случаяхъ по свидѣтельству другихъ источниковъ. Вотъ фактъ и его истинное значеніе. Но что же на немъ построилъ Ф. К. Брунъ? На казачьихъ разѣздахъ и на рѣчномъ судоходствѣ съ волоками онъ построилъ цѣлую теорію о непрерывномъ водяномъ сообщеніи между Днѣпромъ и Азовскимъ моремъ; онъ предполагаетъ существованіе этого пути во времена Геродота, находитъ его на страницахъ византійскаго писателя, прилагаетъ свою гипотезу къ объясненію весьма многихъ явленій и фактовъ древнѣйшаго періода русской исторіи. Но при этомъ онъ не столько провѣряетъ свою гипотезу несомнѣнными фактами, сколько приваравливаетъ простые и ясныя факты къ потребностямъ своей темы.

Такъ, прежде всего, мы никакъ не можемъ согласиться, чтобы у Константина Багрянороднаго находился хотя бы малѣйшій намекъ на существованіе преданія о вышеозначенномъ водномъ пути. Совершенно напротивъ—Константинъ въ данномъ мѣстѣ (de administr. cap. 42) говоритъ только о томъ, что въ древности весь реперешній Перекопскій перешеекъ былъ прорѣзанъ глубокимъ пвомъ, который въ его время давно уже былъ засыпанъ землею и обросъ лѣсомъ. Константинъ могъ говорить это на основаніи дѣйствительнаго преданія или же на основаніи соображенія о значеніи слова *Τάφρος*, города, который находился у перешейка, до сихъ поръ называемаго *Перекопскимъ*. Но гдѣ же тутъ рѣчной путь изъ Днѣпра черезъ Самару и Міусъ? Далѣе, Ф. К. Брунъ полагаетъ, что этимъ именно путемъ Игорь воротился изъ своего несчастнаго похода на грековъ. Относительно послѣдняго предположенія замѣ-

тимъ, что, конечно, въ словахъ, влагаемыхъ Львомъ діакономъ въ уста Цимисхія, содержитсяъ прямое указаніе на удаленіе Игоря къ Воспору, т. е. къ Керченскому проливу. Но даже допуская, что тутъ нѣтъ никакого недоразумѣнія, ничего сказаннаго вообще и наобумъ, мы всетаки не можемъ быть увѣрены, что за Керчью путь непрежѣнно продолжался по Міусу или Калміусу и т. д. Чтобы устранить возможные возраженія и доказать, что побережье Азовскаго моря было доступно для русскихъ при Игорѣ, Ф. К. Брунъ пускается въ длинное разсужденіе объ Уличахъ или Угличахъ: они первоначально обитали на лѣвой сторонѣ Днѣпра, въ углу, образуемомъ нижнимъ теченіемъ сей рѣки и западнымъ берегомъ Азовскаго моря, и послѣ того какъ Олегъ воевалъ съ ними безуспѣшно, были подчинены Игоремъ. Прекрасно. Но мы полагаемъ, что еслибы Ф. К. Бруну удалось окончательно доказать свой побочный историческій тезисъ о первоначальномъ мѣсто жительства Уличей и Угличей, то такой результатъ былъ бы даже гораздо важнѣе собственно географической его темы о рѣчномъ пути. Другими словами мы можемъ выразить свою мысль такъ, что никогда не слѣдуетъ трудные, запутанные и важные вопросы трактовать какъ бы мимоходомъ, не ради ихъ самихъ, а только для потребностей другой даже менѣе важной темы. Ученые, которые послѣ занимались вопросомъ о мѣсто жительства Уличей специально, приходили къ другому заключенію, чѣмъ Ф. К. Брунъ. По изслѣдованіямъ Н. П. Ламбина оказывается, что Уличи и Угличи никогда не жили на востокъ отъ Днѣпра, и во время Олега населяли Черноморскую равнину между Бугомъ и Днѣстромъ. Такой выводъ имѣетъ тѣмъ болѣе силы, что соображенія, на которыхъ онъ былъ отчасти основанъ, послѣ нашли себѣ блистательное фактическое подтвержденіе въ заявленіи, сдѣланномъ при разборѣ статей Н. П. Ламбина академиками А. А. Куникомъ и А. Θ. Бычковымъ, что въ Новгородской лѣтописи А. Θ. Бычковъ находитъ въ извѣстномъ наиболѣе важномъ для даннаго вопроса мѣстѣ желаемое чтеніе «межи Богъ и Днѣстръ», какъ опредѣленіе мѣстожительства Ульцевъ. (См. отчетъ о XIV присужденіи чаградъ графа Уварова). Правда, что Ф. К. Брунъ имѣлъ еще дѣло съ бессмысленнымъ: «межи вой и Днѣстръ».

Приведемъ еще два примѣра излишняго увлеченія, съ какими почтенный изслѣдователь южно-русской исторической географіи ниспровергаетъ установившіяся понятія — ради наибольшаго подкрѣпленія своей идеи о пользованіи Боцлановскою дорогою въ древ-

нее время. Онъ хочетъ убѣдить насъ, что Святославъ изъ своего похода противъ Хазаровъ воротился слѣдующимъ образомъ: Дномъ въ Азовское море, а оттуда Кальміусомъ и Самарою въ Днѣпръ и до Кіева (см. стр. 116). Чѣмъ это доказывается? Тѣмъ, что *Касом* были побѣждены Святославомъ, повидимому, на возвратномъ пути его изъ Хазарскаго похода (ибо въ лѣтописи говорится: «одо-лѣ Святославъ Хазаромъ и градъ ихъ Бѣлу вѣжу взя, и Ясы побѣди и Касоги и *приде къ Києву*»; послѣдніе слова притомъ—не во всѣхъ спискахъ), и встрѣчены были имъ не въ какомъ другомъ мѣстѣ, какъ именно при Кальміусѣ. Но общезвѣстное пребываніе Касоговъ полагается совсѣмъ не тамъ, а около Кубани, по сосѣдству съ Таманью, т. е. древнею Тмутараканью, въ слѣдствіе чего мы и видимъ, что съ Касогами борются или берутъ съ нихъ дань тѣ князья, которые владѣютъ Тмутараканью (Мстиславъ Тмутараканскій въ 1022 году, Ростиславъ Владиміровичъ въ 1066 году). Автору статьи понадобился очень длинный перерывъ по срединѣ его разсужденія, чтобы доказать *возможность* существованія Касоговъ у Кальміуса. Въ этомъ экскурсѣ, который для удобства читателей лучше было бы выдѣлить изъ состава статьи на конецъ ея въ видѣ приложенія, собрано много важныхъ и цѣнныхъ свѣдѣній о Кабарахъ, одномъ изъ Хазарскихъ племенъ, а въ то же время, по мнѣнію Ф. К. Бруна и Черкесскихъ, о позднѣйшихъ Черкасахъ Азовскихъ, о Бродникахъ, родство которыхъ съ Кабарами считается несомнѣннымъ. Все это въ отдѣльности, повторяемъ, и цѣнно и важно, но связь, которая соединяетъ разнообразныя данныя, намъ кажется противоестественною и насильственною. Наибольше существенный вопросъ: были ли въ X столѣтіи эти Кабары (=Касоги=Черкасы=Бродники) на правой сторонѣ рѣки Дона—не находятъ себѣ положительнаго отвѣта, ибо такимъ нельзя считать проблематическаго «*моги*», выражаемаго при томъ осторожнымъ вопросомъ (стр. 177: «Почему часть Кабаровъ *не моги* оставаться на лѣвой сторонѣ Днѣпра?»). Можно ли на такомъ зыбкомъ основаніи строить опоры для какой бы то ни было теоріи?

Съ такимъ же сомнѣніемъ мы должны отнестись и къ предположенію Ф. К. Бруна относительно принадлежности города Воспора или Керчи къ составу Русскихъ владѣній. Никакихъ серьезныхъ доказательствъ на это мы не находимъ. Напротивъ, намъ кажется возможнымъ представить одно новое соображеніе въ опроверженіе догадки Ф. К. Бруна. Если бы въ самомъ дѣлѣ Керчь-Воспоръ ранѣе 988 года была завоевана Владиміромъ Святѣмъ и

послѣ того оставалась чуть ли не до XII вѣка подъ русскою властію, то, конечно, и Керченская-Воспорская епархія вошла бы въ составъ Русской митрополіи, и Воспорскій епископъ принималъ бы то или другое участіе въ дѣлахъ Русской церкви, слѣды котораго такъ или иначе сохранились бы въ историческомъ преданіи. Между тѣмъ не только этого нѣтъ, но замѣчается обратное отношеніе Воспорскій епископъ, какъ представитель самостоятельной митрополіи, присутствуетъ на помѣстныхъ Цареградскихъ синодахъ, на которыхъ мы никогда не встрѣчаемъ подчиненныхъ Кіевскому митрополиту областныхъ епископовъ. Въ синодальныхъ актахъ можно найти подпись—въ 1028 году Іоанна Воспорскаго, въ 1066 году упоминаніе о присутствіи другого епископа, не названнаго по имени. (См. Ralli V, 32 и т. д.). Возьмемъ, напротивъ того, Тмутаракань, Византійскія Матархи (τὰ Μάταρχα). Вотъ область, которая въ соотвѣтствующій періодъ дѣйствительно принадлежала къ составу Русскихъ владѣній. И что же? Мы не видимъ, чтобы въ XI столѣтіи Тмутараканскіе епископы когда-либо являлись на Константинопольскихъ патріаршихъ соборахъ, тогда какъ это дѣлается обычнымъ со времени Мануила I (при Лукѣ Хрисовергѣ, 1155 — 1167, см. Ralli V, 98); а съ другой стороны въ русскихъ источникахъ мы встрѣчаемъ въ лицѣ Никона, Печерскаго инока, основателя одного изъ Тмутараканскихъ монастырей; сверхъ того случайно узнаемъ, что одинъ изъ епископовъ Тмутараканскихъ вышелъ изъ среды Печерскихъ монаховъ (см. посланіе Поликарпа въ Печерскомъ Патерикѣ).

Ф. К. Брунъ сильно колеблетъ мнѣніе, котораго въ слѣдъ за Гейдомъ держатся до сихъ поръ многіе, что «Русскій городъ» Едриси и *Rosia* (Ρόσια), упомянутая на ряду съ Матархами въ хрисовулѣ императора Мануила, тождественны съ отмѣченною на морскихъ картахъ XIV вѣка *casal di Rossi*, что опредѣляло бы положеніе Русскаго города близъ устьевъ Дона около нынѣшняго Азова. Свидѣтельство Рубруквиса, приведенное проф. Бруномъ, довольно убѣдительно говоритъ, что при-Донское русское поселеніе основано русскими людьми гораздо позднѣе XII вѣка, по приказанію Татарскаго хана Батые. Но въ виду того, что Керчь никогда не принадлежала русскимъ или по крайней мѣрѣ въ виду того, что на это нѣтъ прямыхъ доказательствъ, намъ было бы трудно послѣдовать за почтеннымъ ученымъ въ признаніи за Русскій городъ или *Rosia* города Керчи, тѣмъ болѣе, что топографія Едриси, не смотря на всѣ толкованія, остается крайне сбивчивою и темною.

Многосодержательная статья Ф. К. Бруна, къ которой мы сохраняемъ полное уваженіе, не смотря на всё свои возраженія, оканчивается разсужденіемъ о русскихъ торговыхъ путяхъ греческомъ, соляномъ и залозномъ. Его объясненія, конечно, находятся въ связи съ его основною теоріей и вмѣстѣ съ нею держатся или падаютъ; потому мы не вступаемъ въ частное разсмотрѣніе этихъ объясненій.

Переходимъ къ *восьмой статьѣ* «Обмелѣніе Азовскаго моря» (стр. 141—153). Эта небольшая сравнительно статья представляетъ любопытный образчикъ того, какъ археологія и географія историческая могутъ помогать рѣшенію вопросовъ, имѣющихъ живой практической интересъ для современной намъ дѣйствительности, и при томъ подлежащихъ, на первый взглядъ, вѣдѣнію однихъ натуралистовъ. Академическая коммисія, назначенная для изслѣдованія вопроса объ обмелѣніи Азовскаго моря и представившая свой докладъ въ 1862 году, должна была обратиться къ сравненію настоящаго положенія извѣстныхъ пунктовъ при устьяхъ Дона и на Азовскомъ морѣ съ прежнимъ ихъ положеніемъ, т. е. съ данными, почерпаемыми изъ старинныхъ источниковъ историко-географическаго содержанія. Вотъ именно въ этой области, какъ доказываетъ съ полнымъ видомъ основательности Ф. К. Брунъ, академическая коммисія и впала въ ошибки, слишкомъ довѣрившись неточнымъ показаніемъ *Шардена*, французскаго путешественника второй половины XVII вѣка (*Voyage en Perse*), относительно положенія гавани *Паластры* или Палестры и порта Пизанскаго. На основаніи средневѣковыхъ картъ, на которыхъ эти мѣста обозначены, нелишениныя важности ошибки исправляются или замѣняются другими болѣе точными и полными данными. Такъ оказывается, что гавань Палестра находилась на Бѣлосарайской косѣ близъ нынѣшняго Мариуполя, а все не совпадала съ Таганрогомъ, какъ полагала коммисія; равнымъ образомъ портъ Пизанскій, который, по мнѣнію коммисіи, находился тоже при Таганрогскомъ заливѣ, по Бруну приходится на устья мертваго Донца, или сѣвернаго рукава Дона. Положеніе Палестры важно было для коммисіи особенно тѣмъ, что у Шардена указано было разстояніе этого порта отъ устьевъ Дона и отъ города Азака или Азова. Здѣсь тоже потребовались немаловажныя дополненія или исправленія. Нѣтъ сомнѣнія, что географическія свѣдѣнія и воззрѣнія одесскаго ученаго отличаются болѣею точностію и близостію къ правдѣ; довольно того, что его мнѣніе о положеніи Палестры принято и въ лучшемъ современномъ

историческомъ атласѣ Шпрунера Менке. Намъ позволительно выразить одно сожалѣніе, которое, впрочемъ, лучше обратить въ пожеланіе относительно будущаго. При такого рода статьяяхъ, какъ сейчасъ нами оцѣниваемая, почти необходимо для большей убѣдительности прилагать снимки или уменьшенныя копии съ тѣхъ средневѣковыхъ картъ, которыя дають главныя основанія для всей аргументаціи. Эти копии могли бы имѣть хотя такой видъ, какъ въ атласѣ *Notmaire de Hell'a*. Сверхъ того, едва ли можно будетъ согласиться съ воззрѣніями Бруна относительно положенія Саркела, которое приурочивается къ Таганрогу.

Въ девятой статьѣ (стр. 153—169) содержится «донесеніе о поѣздкѣ къ устьямъ Буга и Днѣпра», представленное въ одесское Общество исторіи и древностей. Само собою разумѣется, что Ф. К. Брунъ прежде всего отправился въ село Парутино, о которомъ можно было бы сказать, что оно прославлено было описаніемъ Муравьева-Апостола, еслибы мы не забывали такъ легко и скоро многое, достойное и благодарности и памяти, чѣмъ бы всякая другая литература съ полнымъ правомъ гордилась и восторгалась. На мѣстѣ священныхъ остатковъ древней Ольвіи Ф. К. Брунъ не имѣлъ, конечно, возможности сдѣлать какія-либо новыя важныя открытія; но онъ нашелъ немало амфорныхъ ручекъ съ клеймами, имена и знаки на нихъ находящіяся и сообщаются въ статьѣ съ прибавленіемъ нѣкоторыхъ замѣчаній. Сверхъ того, въ окрестностяхъ Ольвіи при Аджигельскомъ городкѣ (при самомъ впаденіи Буга въ Днѣпровскій лиманъ), въ семи верстахъ отъ Парутина, осмотрѣны были признаки древнихъ построекъ, въ которыхъ графъ Уваровъ предполагалъ видѣть укрѣпленіе, а Ф. К. Брунъ находитъ храмъ съ маякомъ. Далѣе, при помощи нагляднаго изученія мѣстности, путешественникъ старался точнѣе опредѣлять мѣстоположеніе храмы Димитры около мыса Гипполаева (гдѣ теперь мѣстечко Станиславовъ). Вообще, какъ видно изъ статьи, путешествіе послужило къ провѣркѣ своихъ и чужихъ взглядовъ или мнѣній о разныхъ частныхъ вопросахъ мѣстной археологіи.

Въ десятой статьѣ авторъ, съ обычною ему обширностію и полнотою знанія излагаетъ судьбы мѣстности, которую теперь занимаетъ Одесса съ ея окрестностями. Ф. К. Брунъ начинаетъ съ опредѣленія мѣстоположеній древняго Ордессоса, гавани Истрианъ и гавани Исіаковъ. Здѣсь онъ имѣлъ предшественниковъ въ Стемпковскомъ и въ лицѣ П. В. Беккера, который въ нѣкоторыхъ пунктахъ исправилъ выводы и остроумныя толкованія Стемпков-

скаго. Ф. К. Брунъ болѣе склоняется въ пользу тѣхъ взглядовъ, которые были развиты въ статьѣ Беккера, за исключеніемъ одного второстепеннаго пункта. Исслѣдованіе переходитъ далѣе ко временамъ Готовъ и Славянъ. Здѣсь, намъ кажется, авторъ дѣлаетъ ошибку, которая насъ даже отчасти удивляетъ. Онъ полагаетъ, что *Туррисъ*, занятый Антами въ царствованіе Юстиніана, есть древній *Тирасъ*, т. е. Аккерманъ; но изъ двухъ мѣстъ Прокопія (*de bello Goth.* p. 366; *de aedific.* p. 285) несомнѣнно слѣдуетъ, что городокъ Туурисъ или Турривасъ находился на южной сторонѣ Дуная. вмѣстѣ съ тѣмъ это есть единственное замѣчаніе, которое мы въ состояніи направить противъ автора, который, конечно, не имѣетъ соперниковъ въ глубокомъ знаніи старинной исторіи города Одессы, своего мѣстожительства, во времена Литовскія и Татарскія, когда она еще носила имя Хаджибея.

Далѣе слѣдуетъ наиболѣе обширная статья во всемъ Сборникѣ: «о поселеніяхъ *Итальянцевъ въ Газаріи*. Топографическія и историческія замѣтки» (стр. 205—266). Исслѣдованіе съ такимъ же почти заглавіемъ помѣщено было на французскомъ языкѣ въ Запискахъ Академіи Наукъ (въ 1866 году). Далѣе, о томъ же предметѣ авторъ представилъ статью въ «Труды» перваго археологическаго съѣзда въ Москвѣ. Теперь обѣ прежнія статьи переработаны въ одну съ нѣкоторыми измѣненіями, вызванными весьма лестными для автора обстоятельствами. Нужно замѣтить, что, съ самаго начала, изслѣдованія Ф. К. Бруна находились въ тѣсной связи съ превосходными статьями, посвященными исторіи итальянскихъ торговыхъ колоній въ Черномъ морѣ германскимъ ученымъ Гейдомъ (Heud), которыя потомъ, вмѣстѣ съ другими однородными статьями, касающимися Итальянскихъ колоній въ *Византійской имперіи*, были соединены въ одну книгу и появились въ переводѣ на Итальянскій языкъ. Нашъ ученый, пользуясь русскими источниками и своимъ знаніемъ мѣстности, предложилъ немало поправокъ и дополненій къ сочиненію германскаго ученаго, которыя не оставлены были безъ вниманія этимъ послѣднимъ и вызвали съ его стороны два ученыхъ посланія, адресованныхъ къ Ф. К. Бруну и напечатанныхъ въ Бюлетенѣ Академіи Наукъ. Относясь съ полнымъ уваженіемъ къ замѣчаніямъ одесскаго ученаго, Гейдъ все-таки настаивалъ на нѣкоторыхъ своихъ мнѣніяхъ, и его новыя доказательства пришлось теперь принять въ расчетъ Ф. К. Бруну. Такъ въ статьѣ, помѣщенной въ Запискахъ Академіи Наукъ, Ф. К. Брунъ доказывалъ, что уже въ актѣ раздѣла завоеванной Лати-

нами Византийской имперіи, упоминаются нѣкоторыя береговые пункты Чернаго и Азовскаго морей, какъ часть надѣла Венеціанцевъ. Именно *perinentiam de muntimanis*, которыя стоятъ рядомъ съ Галиполи и не могли быть объяснены Тафелемъ (онъ предлагалъ читать *detum Timanis*), по мнѣнію нашего ученаго слѣдовало отыскивать при рѣкѣ Танаисѣ (Ф. К. Брунъ читалъ *detum Tanais*) равнымъ образомъ въ *emporium Sagudai* Ф. К. Брунъ желалъ видѣть Сугдею или Сурожъ. Но во второмъ письмѣ на имя Ф. К. Бруна, помѣщенномъ въ Бюллетенѣ Академіи Наукъ, Гейдъ привелъ новую, т. е. до тѣхъ поръ неизвѣстную грамоту, въ которой Мунтиміаны оказываются въ сосѣдствѣ съ *Plagia, Potamia* и *Sestos* т. е. на Херсонесѣ Фракійскомъ. Давнымъ образомъ и для Сагудайскаго торжища оказался двойникъ въ *Σαγούδαϊος κωμόπολις* Анны Комнены (ed. Paris. p. 464), что отнимало всякую необходимость искать для него объясненія въ Сугдеѣ. Ф. К. Брунъ признаетъ теперь, что его гипотеза не имѣла прочнаго основанія; точно также онъ не стоитъ теперь за то, что въ *Lazi* и *Lactu* акта раздѣла (*Partitio* p. 468 у Тафеля) можно находить испорченныя названія Днѣпра и Буга (т. е. Узѹ и Аксу). Мы полагаемъ, что онъ сверхъ того могъ бы отказаться и отъ Анхіала, которымъ онъ замѣняетъ до сихъ поръ Врахіоло (стр. 211). За то, конечно, Гейдъ долженъ былъ уступить въ нѣкоторыхъ другихъ пунктахъ; такъ въ *Varea* папской грамоты 1318 года онъ долженъ былъ признать вмѣсто Верріи Варну и т. п. Вообще статья Ф. К. Бруна служить прекраснымъ дополненіемъ къ книгѣ Гейда, т. е. къ той ея части, которая занимается Итальянскими поселеніями въ Черноморьѣ и въ Крыму. Здѣсь въ первый разъ были сообщены подробныя и въ высшей степени любопытныя свѣдѣнія о Мангупѣ, о послѣднихъ Готскихъ князьяхъ и еще о многомъ другомъ.

Послѣдняя статья, представленная въ видѣ печатнаго оттиска изъ VI тома Записокъ Одесскаго Общества исторіи и древностей разсуждаетъ: «о родствѣ Гетовъ съ Даками, сихъ послѣднихъ съ Славянами и Румыновъ съ Римлянами». Объ этой статьѣ, отличающейся отъ другихъ болѣе филологическимъ характеромъ, мы можемъ сказать только то, что она рѣшаетъ первую половину темы въ утвердительномъ смыслѣ, а относительно происхожденія Румыновъ проводитъ извѣстный взглядъ Рёслера; замѣчанія при объясненіи Дакійскихъ именъ растений, сдѣланныя Ф. К. Бруномъ въ дополненіе къ толкованіямъ Гримма и Рёслера, заслуживаютъ, конечно, всякаго вниманія. Нужно прибавить, что новѣйшіе труды

относительно происхожденія Румыновъ, появившіеся въ Германіи, еще не могли быть приняты въ расчетъ Ф. К. Бруномъ. Мы разумѣемъ книгу Юнга и статьи Томашека.

Изъ нашего обзорѣнія двѣнадцати статей Сборника достаточно обнаруживается богатство и важность его содержанія, глубокая и обширная ученость автора. Не смотря на довольно строгую критику, которой мы должны были подвергнуть двѣ изъ этихъ статей, и на замѣчанія, нами сдѣланныя относительно многихъ другихъ, мы убѣждены въ томъ, что «Черноморье» Ф. К. Бруна, появившись въ томъ видѣ, какъ оно теперь представлено Академіи, будетъ однимъ изъ драгоцѣнныхъ приобрѣтеній Русской ученой литературы, и встрѣчено будетъ всѣми другими лицами, интересующимися историческими вопросами Южнаго Края, съ такимъ же удовольствіемъ, какое испытаемъ и мы сами. Академіи Накъ, много разъ печатавшей на страницахъ своихъ изданій труды Ф. К. Бруна, хорошо извѣстна его дѣятельность, только отчасти представляемая собранными теперь двѣнадцатью статьями. Если бы Академія Наукъ въ представленіи Ф. К. Бруномъ *первой* части своего предполагаемаго Сборника къ соисканію Уваровской преміи могла усмотрѣть—удобный случай къ тому, чтобы вообще почтить многолѣтнюю, безкорыстную и полезную ученую дѣятельность соискателя, то было бы вполне прилично присудить ему высшую награду. По нашему мнѣнію Академія Наукъ, имѣя предъ своими глазами труды человѣка, почти цѣлую жизнь посвятившаго наукѣ, не можетъ ограничиться одною *поощрительною наградою*, развѣ только она усвоитъ ту точку зрѣнія, что ея обсужденію подлежитъ только представленная теперь *первая часть* Сборника, и что поощрительною наградою полезно будетъ побудить автора къ скорѣйшему изданію прочтѣ его изслѣдованій.

ОТЗЫВЪ ОБЪ ИСТОРИЧЕСКОМЪ ИЗСЛѢДОВАНИИ ПРО-
ФЕСОРА А. ТРАЧЕВСКАГО:

„СОЮЗЪ КНЯЗЕЙ И НѢМЕЦКАЯ ПОЛИТИКА ЕКАТЕРИНЫ II, ФРИДРИХА II И ЮСИФА II.“
(1780—1790).

Члена Археографической Комисіи **Г. О. Штендмана.**

Среди великихъ научныхъ и художественныхъ, цивилизаторскихъ и административныхъ задачъ, надъ рѣшеніемъ которыхъ трудился германскій духъ во второй половинѣ XVIII вѣка, является и попытка политическаго «возрожденія» Германской имперіи. Разумъ націи основалъ свой трудъ не на живо задуманныхъ, быстро исчезнувшихъ идеалахъ: онъ работалъ, говоритъ патріархъ между историками, Леопольдъ Ранке, соображаясь съ историческою реальностью, на данныхъ основаніяхъ, сообразно измѣненному состоянію общества. Столкновеніе, возникшее поэтому въ восьмидесятыхъ годахъ XVIII столѣтія, представляетъ одно изъ замѣчательнѣйшихъ явленій въ жизни нѣмецкаго народа. Самое сильное политическое развитіе преобладающихъ въ Германіи государствъ совпадаетъ съ потребностью сохраненія или точнѣе возобновленія и сплачиванія существующаго имперскаго соединенія.

Священная Римская имперія германской націи не достигла своихъ цѣлей въ то время: ее одолѣла революціонная Франція превосходствомъ и мощностью своихъ государственныхъ и народныхъ силъ.

Наступила эпоха, когда германская нація политически почти не существовала, и она спаслась только благодаря всеобщему міровому перевороту, въ тягчайшей, но славнѣйшей борьбѣ.

Во Франціи, въ новомъ революціонномъ государствѣ, положены

были въ основаніе государственнаго строя такіа начала, которыя неминуемо должны были сталкиваться съ основаніями, на коихъ покоился строй Германской имперіи.

При силѣ, непримиримости и стремительности этихъ противоположностей, борьба между представителями двухъ началъ была неизбежна. Исходъ ея главнымъ образомъ зависѣлъ отъ того: каковы будутъ отношенія двухъ преобладающихъ членовъ имперіи между собою, каковы будутъ ихъ отношенія къ остальнымъ членамъ имперскаго союза, и наконецъ представлятъ ли іерархическія територіально-династическія основанія и учрежденія Германской имперіи достаточно жизненныхъ силъ, чтобы противиться напору новыхъ элементовъ. Они оказались безжизненными, и «генію времени» приличествовало разрушить ихъ. Послѣдовалъ всеобщій переворотъ. Государственныя формы имперіи были разгромлены до основанія, но идея *имперіи* осталась, сохранилось и въ націи то вѣчно присущее стремленіе, которое требовало національнаго *соединенія*, соотвѣтствующаго потребностямъ времени.

Пробилъ часъ, и снова воспрянулъ духъ націи въ полной своей силѣ, говоритъ Ранке ¹⁾, открывъ Германіи новые пути. На нашихъ глазахъ нѣмецкій народъ восторжествовалъ надъ своимъ врагомъ когда-то побѣдоноснымъ.

Довольно долго историческія изслѣдованія только слегка касались времени «возрожденія» Германіи, непосредственно предшествовавшего французской революціи. О попыткахъ объединенія Германіи историки говорили мимоходомъ, не посвящая этому явленію обширнаго труда. Настоящее научное объясненіе многосложнаго вопроса національнаго объединенія Германіи мы впервые находимъ въ превосходномъ трудѣ А. Ранке: «Die Deutschen Mächte und der Fürstenbund». Правда, существовалъ уже извѣстный сборникъ документовъ, посвященный вопросу о «Союзѣ князей», проф. Адольфа Шмидта: «Geschichte der preussisch-deutschen Unionsbestrebungen» (Berlin, 1851); но онъ составленъ съ прусской точки зрѣнія, толкованіе документовъ односторонне и выводы какъ въ этомъ сборникѣ, такъ и въ брошюрѣ того же автора: «Preussens deutsche Politik» (Leipzig, 1867)—не полны. Да иначе и быть не могло. Онъ вовсе не пользовался австрійскими архивами и архивами мелкихъ имперскихъ князей: брауншвейгскаго, веймарнскаго и прочихъ. Другаго мнѣнія г. Трачевскій. Онъ утверждаетъ, что А. Шмидтъ оказалъ особен-

¹⁾ Die Deutschen Mächte und der Fürstenbund. II, 284.

ную услугу наукъ изданіемъ своего свода документовъ, и будто вслѣдствіе этого сочиненіе Ранке представляетъ уже немного новыхъ, да и то мелкихъ свѣдѣній (Союзъ кн., пред., стр. III), съ чѣмъ, думаю, согласиться нельзя.

Съ другой стороны, г. Трачевскій утверждаетъ совершенно основательно, что «Союзъ князей» не можетъ быть изслѣдованъ вполне безъ русскихъ архивовъ, такъ какъ онъ былъ заключенъ въ пору самаго близкаго участія Россіи во внутреннихъ дѣлахъ Германіи. Авторъ посему рѣшился восполнить этотъ пробѣлъ въ русской и нѣмецкой исторіи разработкою матеріаловъ для «Союза князей», хранящихся въ московскомъ архивѣ Мин. Ин. Дѣлъ. Но на какомъ основаніи онъ не воспользовался значительнымъ количествомъ документовъ, хранящихся въ Государственномъ архивѣ въ С.-Петербургѣ — онъ не объясняетъ, а матеріаловъ для «Союза князей» въ петербургскомъ архивѣ не мало. Далѣе, г. Трачевскій особенно высоко цѣнитъ донесенія нашего посланника во Франкфуртъ-на-Майнѣ, графа Николая Петровича Румянцова. «Его обильныя депеши», говоритъ онъ, «проливаютъ свѣтъ на будничныя мелочи изъ жизни Нѣмецкой имперіи и ея князей». На это мы должны замѣтить, что «будничныя мелочи и внутренняя исторія Нѣмецкой имперіи» гораздо лучше и основательнѣе узнаются по другимъ источникамъ дипломатическимъ и литературнымъ. Графъ Николай Петровичъ въ то время былъ еще очень юнъ и неопытенъ въ дѣлахъ дипломатическихъ, и послѣ знаменитаго разговора его съ герцогомъ Цвейбрюкенскимъ (Трачевскій пространно говоритъ о трехнедѣльныхъ стараніяхъ графа Н. П. Румянцова у герцога Карла, стр. 138 и слѣд., о насильственномъ пріѣздѣ Румянцова въ Карлсбергъ, стр. 155, о его разговорѣ съ угрозами, стр. 156) — Императрица Екатерина II оставила графа на занимаемомъ посту только по двумъ причинамъ: во первыхъ, она высоко цѣнила заслуги, оказанныя ей и Россіи отцомъ его, фельдмаршаломъ, и во вторыхъ, Императрица и въ этомъ случаѣ руководилась тѣми принципами и правилами въ дѣлахъ государственныхъ и частныхъ, съ которыми она знакомила графа Сегюра въ остроумной рѣчи вскорѣ по прибытіи его въ Россію ¹⁾).

По мѣрѣ ознакомленія съ дѣломъ, задача г. Трачевскаго сама собой расширялась. Союзъ князей до того тѣсно связанъ со всею нѣмецкою политикою Пруссіи, Австріи и Россіи въ 1780—90 гг., что

¹⁾ Mémoires du comte de Ségur, II, 346 sq.

служить какъ-бы ея послѣднимъ словомъ. Оттого, полагая онъ, изслѣдованіе этой любопытной политики по документамъ должно было составить необходимую и существенную часть его книги.

Послѣ внимательнаго изученія труда г. Трачевскаго, можно положительно заявить, что задача, которую онъ себѣ поставилъ, выполнена въ докторской диссертациі его съ замѣчательнымъ литературнымъ талантомъ. Въ привлекательномъ разказѣ онъ знакомитъ читателей съ важнымъ вопросомъ народненія національной роли Пруссіи, и что еще важнѣе для насъ — онъ выясняетъ многія стороны политики Россіи, относящіяся къ Германіи. Мы съ удовольствіемъ и съ пользою прочли это изслѣдованіе, и дивились въ немъ чистотѣ русскаго языка, самобытности мысли и трудолюбію, къ нему приложенному. Мы увѣрены, что многіе читатели «Вѣстника Европы», гдѣ впервые появился этотъ трудъ, одинаковаго съ нами мнѣнія. Историческое изслѣдованіе это написано и въ патріотическомъ духѣ: г. Трачевскій ревниво отстаиваетъ политическую славу и дипломатическую находчивость той правительницы Россіи, которой послѣ «золотаго Елизаветинскаго вѣка» часто приходилось идти по инымъ путямъ, слѣдовать другой политикѣ, чѣмъ той, которой держалась дочь Петра Великаго.

Своему изслѣдованію «Союза князей» профессоръ Трачевскій предпосылаетъ общее опредѣленіе историческаго значенія главнѣйшихъ дѣятелей этого періода. Въ первой главѣ труда авторъ даетъ характеристику короля Фридриха II въ старости, и эта часть книги съ точки зрѣнія строгой критики должна быть названа слабой; во второй главѣ онъ представляетъ превосходную характеристику Иосифа II и отчасти опредѣляетъ значеніе дѣятельности императрицы Маріи-Терезіи; въ четвертой главѣ г. Трачевскій желаетъ выяснить государственную дѣятельность Екатерины II, и вопреки принятому мнѣнію восторженно отзываясь о второй половинѣ царствованія сей Государыни. Но этою оцѣнкою личности Екатерины II историческая критика довольствоваться не можетъ, ибо идея нѣмецкой политики Россіи выяснена въ ней лишь въ малой степени.

Впрочемъ неудовлетворительность характеристики государственной дѣятельности Фридриха II замѣчается не только у г. Трачевскаго, но и въ знаменитыхъ сочиненіяхъ Карлейля и Л. Ранке: у послѣдняго все таки встрѣчаемъ лучшее опредѣленіе государственной дѣятельности короля. Члены берлинской академіи наукъ неоднократно пытались выяснять различныя стороны дѣятельности Фридриха II. Указываемъ на интересную характеристику Бѣка, Тренде-

ленбурга и Момсена; но каждый изъ нихъ въ концѣ концовъ долженъ былъ сказать о своей попыткѣ: «*feci quod potui, faciunt meliora potentes*». Тщетность многихъ стараній объясняется отчасти тѣмъ, что большая часть дипломатической медіатной переписки короля Фридриха II съ своими министрами и посланниками еще не обнародована и хранится въ архивахъ. Только въ нынѣшнемъ году прусское правительство поручило берлинской академіи наукъ, по окончаніи изданія литературныхъ и историческихъ сочиненій Фридриха II, готовить исподоволь полное изданіе дипломатической корреспонденціи короля. Частицы этой переписки извѣстны были историкамъ по отрывкамъ, разбросаннымъ въ различныхъ периодическихъ изданіяхъ: кое-что издалъ Л. Гейссеръ, Императорское Русское Историческое Общество также издало частицу ея, именно переписку Фридриха съ Екатериной II и корреспонденцію его съ графомъ Сольмсомъ, посланникомъ въ С.-Петербургъ, до конца 1766 года.

Тоже самое замѣчается и при характеристикѣ Екатерины II: къ изданію дипломатической переписки Императрицы Русское Историческое Общество еще не приступало, частная же переписка ея съ разными лицами издана имъ только въ отрывкахъ, и то лишь до конца 1775 года. Благодаря неутомимымъ стараніямъ академика Я. К. Грота, издана важная переписка Екатерины II съ барономъ Гриммомъ. Не малое число писемъ Екатерины уже напечатано въ различныхъ изданіяхъ обществъ и частныхъ лицъ. Послужили-ли эти матеріалы къ чему нибудь г. Трачевскому—изъ книги его не видно, по крайней мѣрѣ ссылокъ на нихъ мы не встрѣчаемъ. Говоря напримѣръ «о глубокомъ смыслѣ» ¹⁾ второй половины царствованія Екатерины II, г. Трачевскій ни однимъ словомъ не упоминаетъ о значеніи и дѣятельности *совѣта*, состоящаго при Императрицѣ. Мы поэтому и не знаемъ, считаетъ ли онъ важнымъ или неважнымъ историческимъ матеріаломъ протоколы совѣта, изданные Н. В. Калачевымъ. Не знаемъ, до какой степени удовлетворяютъ автора письма Екатерины къ Потемкину, къ изданію которыхъ г. Семевскій приложилъ столько стараній. Неизвѣстно также, какую цѣну придаетъ авторъ историческимъ матеріаламъ о Екатеринѣ и ея времени, въ значительномъ количествѣ помѣщеннымъ въ изданіяхъ П. И. Бартенева. И хотя намъ хорошо знакомы научная добросовѣстность и трудолюбіе г. Трачевскаго, тѣмъ не менѣе мы сочи-

¹⁾ Союзъ князей, стр. 53—58.

долгомъ такъ высказаться въ данномъ случаѣ, помня: кому многое дано—съ того много и требуется.

Пойдемъ далѣе.

Идея нѣмецкой политики Россіи выясняется лишь въ исторической связи отношеній Русскаго государства къ Германской имперіи. На этомъ основаніи г. Трачевскій посвятилъ имъ III главу своего труда, назвавъ ее: «Россія и Германія до Екатерины II». Такую вводную главу онъ считаетъ тѣмъ болѣе умѣстнымъ, что «сколько ему извѣстно» (стр. IV), въ русской исторической литературѣ не встрѣчается цѣльнаго изложенія сего предмета. На это заявленіе мы должны возразить слѣдующее. Въ нашей исторической литературѣ дѣйствительно не встрѣчается *цѣльнаго* изложенія даннаго предмета, но весьма хорошее начало уже положено для выясненія сношеній и отношеній Россіи съ Австріей, а отчасти и съ Имперіей профессоромъ петербургскаго университета Ф. Мартенсомъ, въ дѣльномъ введеніи его къ оффиціальному «Собранію трактатовъ и конвенцій», заключенныхъ между Россією и Австрією, и въ пояснительныхъ предисловіяхъ къ каждому отдѣльному трактату. Этимъ оффиціальнымъ собраніемъ трактатовъ, составленнымъ по порученію М. И. Д., г. Трачевскій не пользовался; такъ, говоря на 82 стр. о трактатѣ, заключенномъ между Россією и Австріей въ 1746 году, онъ цитуетъ «Исторію» Соловьева, а не оффиціальное изданіе, гдѣ этотъ трактатъ не названъ тешенскимъ, а сказано, что онъ заключенъ былъ въ С.-Петербургѣ, и въ четвертой секретной, отдѣльной статьѣ этого трактата условились: когда Силезія и Гляцъ будутъ опять совершенно во власти Австріи, то она черезъ годъ прикажетъ выплатить Россіи два милліона *рейнскихъ* гульденовъ ¹⁾, а не просто гульденовъ. Въ свою очередь проф. Мартенсъ, приступая къ изложенію дипломатическихъ переговоровъ, предшествовавшихъ заключенію союзнаго трактата 1781 года, говоритъ ²⁾, что эти переговоры крайне любопытны и до сихъ поръ неизвѣстны въ подробности, а между тѣмъ г. Трачевскій посвятилъ разбору этихъ переговоровъ 1781 года пространную статью, въ которой, на нашъ взглядъ, вопросъ этотъ исчерпанъ. Статью свою г. Трачевскій помѣстилъ въ «Historische Zeitschrift» Зибеля (1875, стр. 361—396). Слѣдовательно

¹⁾ Собраніе трактатовъ, т. I: трактаты съ Австрією, 1648—1762. С. П. Б., 1874, стр. 169—173.

²⁾ Собраніе трактатовъ, т. II, 1772—1808 г., стр. 88.

тутъ запамятовано золотое правило: «Viribus unitis», какъ съ той, такъ и съ другой стороны.

Въ основаніе своего изложенія о взаимныхъ сношеніяхъ Германно-Римской имперіи съ древнею Россіею г. Трачевскій положилъ «Исторію Россіи» Соловьева. Но автору «Союза князей», профессору исторіи, основательно знакомому съ критическими приемами науки, что онъ въ превосходной степени и доказалъ въ своемъ изслѣдованіи: «Польское безкоролье по прекращеніи династіи Ягеллоновъ», г. Трачевскому очень хорошо извѣстно, сколько темныхъ и совершенно неразъясненныхъ сторонъ осталось именно въ вопросѣ о древнихъ сношеніяхъ Московскаго государства съ Имперіей; ему извѣстно, до какой степени необходимо со стороны австрійскаго правительства неотлагательное обнародованіе памятниковъ дипломатическихъ сношеній Германно-Римской имперіи съ древней Россіей. Что бы ни говорили, въ этомъ отношеніи Россія добросовѣстно исполнила свою задачу, обнародовавъ кромѣ статейныхъ списковъ и донесеній нашихъ посланниковъ еще и правительственныя распоряженія и думскія совѣщанія; австрійское же правительство пока не согласилось съ этимъ принципомъ полнѣйшей гласности для документовъ до-Екатерининскаго времени, и разрѣшаетъ печатаніе только однихъ донесеній делегатовъ и посланниковъ безъ прибавленія къ нимъ повелѣній главы Имперіи, отчета о совѣщаніяхъ придворнаго имперскаго совѣта и распоряженій вице-канцлера Имперіи. Вообще, должно сознаться, надъ изданіемъ документовъ, относящихся къ дипломатическимъ сношеніямъ Австріи съ Россіей, тяготѣетъ какая-то злая судьба. За этотъ трудъ взялся было когда-то академикъ Аделунгъ. Для него при Меттернихъ чиновники вѣнскаго архива списывали копіи съ реляцій делегатовъ, начиная съ древнѣйшихъ временъ до царствованія Петра Великаго. Но Аделунгъ остановился на полдорогѣ: только нѣкоторыя части этихъ матеріаловъ вошли въ изданное послѣ его смерти сочиненіе: «Uebersicht der Reisenden in Russland» причемъ нерѣдко опущены главнѣйшія и интереснѣйшія данныя въ сихъ реляціяхъ имперскихъ делегатовъ. Чтò стало съ этими многочисленными копіями изъ вѣнскаго архива — не знаемъ: хранятся-ли онѣ у сына дипломата или же въ архивѣ академіи наукъ — намъ неизвѣстно. Позже, для профессора и академика Устрялова вѣнскіе же чиновники списывали сотни и сотни копій съ дипломатическихъ документовъ, относящихся до двоецарствія и до единодержавія Петра I; но что стало съ ними — также неиз-

звѣстно. Часть ихъ, и то самая меньшая, вошла въ его «Исторію Петра Великаго». Въ продолженіи многихъ мѣсяцевъ работалъ и я въ вѣнскомъ архивѣ, съ цѣлю выяснитъ до нѣкоторой степени вопросъ о сношеніяхъ древней Россіи съ Имперією; мною были сдѣланы выборки изъ документовъ и составлены аналекты въ довольно полномъ объемѣ, для разясненія этого вопроса; всѣ документы, хранящіеся въ отдѣлѣ «Moscovitica», Russica» и отчасти «Polonica», съ 1483—1670 годъ, были мною рассмотрѣны; но по обстоятельствамъ отъ меня независящимъ я до сихъ поръ не могъ воспользоваться этими выборками.

Наконецъ много трудился надъ этимъ вопросомъ и нынѣшній помощникъ директора вѣнскаго архива, Арнета, завѣдывавшій долгое время славянскимъ его отдѣленіемъ, почтенный ученый, членъ вѣнской академіи Фидлеръ. Специалистамъ онъ извѣстенъ какъ отличный знатокъ классическихъ языковъ, итальянскаго языка и славянскихъ нарѣчій, а его изданія венеціанскихъ реляцій, его изслѣдованіе о Герберштейнѣ, о Ракоци, о сношеніяхъ Московскаго государства съ Имперіей до 1600 года дѣнятся высоко. Онъ въ продолженіи слишкомъ двадцати лѣтъ сообщаетъ документы о сношеніяхъ Россіи съ Германією. Все у него составлено и списано самымъ тщательнымъ и надежнымъ образомъ. Вѣнская академія наукъ выразила согласіе напечатать эти выборки въ «Fontes regum Austriacarum». Но въ концѣ концовъ у Фидлера не хватаетъ духа напечатать эти документы въ томъ видѣ, въ какомъ они есть. Онъ страдаетъ часто встрѣчаемымъ недостаткомъ многихъ ученыхъ: изъ-за желанія представить ученому міру несовершеннѣйшій трудъ, онъ медлитъ дать хорошій, хотя бы и съ недостатками, свойственнымъ каждой человѣческой работѣ. Фидлеръ непременно желаетъ оставить ученой братіи безошибочную работу; но годы уходятъ, а старость и недуги подступаютъ и къ этому глубоко всѣми уважаемому и цѣнимому ученому: кажется и его труду суждено будетъ лежать еще долго подъ спудомъ.

Мы нарочно распространились о подготовительныхъ работахъ по вопросу объ отношеніяхъ и сношеніяхъ древней Россіи съ Германією, имѣя въ виду неполное изложеніе этихъ сношеній въ III главѣ труда г. Трачевскаго, и конечно не по винѣ автора. Но до постановки тезисовъ, заявленныхъ докторальнымъ тономъ, словомъ, до прагматизаціи и изложенія связи событій, надо знать, можно ли съ имѣющимся подъ руками матеріаломъ приступить къ историческому созидаію. Кому напимѣрь не казалась странною претензія Австріи

соединить Россію со своимъ государствомъ? Г. Трачевскій въ своемъ изслѣдованіи говоритъ объ этомъ какъ о фактѣ несомнѣнномъ: «Вслѣдъ за тѣмъ — читаемъ мы — въ эпоху самозванцевъ въ Вѣнѣ возникала даже мысль соединить Россію съ Австріей, посадивъ на московскій престолъ родственника нѣмецкаго императора» (стр. 34).

Между тѣмъ политическая фантазія императора Рудольфа II и Матеія основывалась вотъ на чемъ: Рудольфъ былъ убѣжденъ, что послѣ смерти царя Ивана Васильевича осталось духовное завѣщаніе, по которому, въ случаѣ бездѣтности сына его, Ѳедора Ивановича, все Россійское государство отказано было Германско-Римской имперіи въ вѣчное владѣніе. Любопытныя свѣдѣнія объ этомъ духовномъ завѣщаніи мы находимъ въ инструкціи, данной Рудольфомъ II имперскому посланнику Николаю Варкочу (Прага, 6-го октября 1588 года). Въ ней читаемъ¹⁾: «До насъ уже прежде сего дошло въ пространности, что существуетъ «духовное завѣщаніе недавно умершаго Великаго Князя, отца нынѣшняго, но по сю пору хранится въ великой тайнѣ; въ немъ между прочимъ постановлено: буде нынѣ царствующій Великій Князь умретъ бездѣтно, то относительно престолонаслѣдія на нашъ «достохвальный домъ предпочтительно будетъ обращено вниманіе, и изъ членовъ нашего дома долженъ быть принятъ кто либо въ «Государи»...

Варкочъ, во исполненіе возложеннаго на него дѣла развѣдыванія о духовной царя Іоанна IV, въ своей реляціи (1589) доложилъ императору²⁾: «Покойный Великій Князь Иванъ Васильевичъ «передъ кончиною своею составилъ духовное завѣщаніе; въ «немъ онъ назначилъ нѣсколькихъ вельможъ душеприкащиками и «исполнителями его воли; но въ помянутомъ духовномъ завѣщаніи «своемъ онъ совершенно умолчалъ о Борисѣ Ѳедоровичѣ Годуновѣ, «родномъ братѣ нынѣшней царицы, и не поручилъ ему никакой «должности, что въ глубинѣ души сильно огорчило его. Вскорѣ «онъ собралъ около себя всѣхъ своихъ друзей и родичей, и за«мыслилъ съ ними тайное предпріятіе. А душеприкащики царскіе «(какъ нынѣ увѣряетъ Борисъ) вступили тотчасъ въ тайныя сно«шенія съ Польшею, и желали присоединить къ ней Россійское го«сударство. Да и безъ того существуютъ сильныя вѣскія примѣты:

¹⁾ См. Приложение № I.

²⁾ См. Приложение № II.

«что то не простое измышленіе, ибо помянутые душеприкащики «составили себѣ сильную тайную партію, въ особенности между «гражданами и купцами, съ цѣлью напасть внезапно на Бориса Федоровича и весь родъ его и на всѣхъ тѣхъ, которые имъ поперекъ стали и мѣшали, и удаливъ ихъ поступать затѣмъ по своей «волѣ.

«Все это открылъ Борису Федоровичу нѣмецъ, участвовавшій «въ семъ заговорѣ. И тогда Борисъ обратилъ на нихъ то, что «они ему готовили: онъ внезапно напалъ на нихъ, заключилъ «ихъ и отправилъ въ ссылку, и за симъ, говорятъ, разорвалъ ду- «ховную.

«На сторонѣ поляковъ канцлеръ Андрей Щелкаловъ. Онъ на- «ходится въ тайныхъ переговорахъ съ Замойскимъ. На сторонѣ «Австріи всѣ Годуновы (ихъ пять въ тайной боярской думѣ), «князь Мстиславскій, князь Шуйскій, окольникій Андрей Петро- «вичъ Клешнинъ» (о Клешнинѣ см. въ Памятн. дипл. снош., т. I, стлб. 1139).

Въ промежутокъ времени съ 1582—1593 г., Лука Паули, сынъ Магнуса Паули, представлялъ императору Рудольфу II подробныя свѣдѣнія о содержаніи духовной царя, о переписчикѣ завѣщанія Фроловѣ, погибшемъ отъ яда, о козняхъ Годуновыхъ, о замыслахъ Романовыхъ и о ихъ заточеніи. Выписки, собранныя нами объ этомъ интересномъ времени, какъ мы уже сообщили, недавно сожжены нѣкоторыя же свѣдѣнія мы передали Н. И. Костомарову, которымъ онъ и воспользовался въ трудѣ своемъ о Грозномъ (Вѣстникъ Европы, 1872).

Послѣ изложеннаго выше, полагаемъ, мечты императора Рудольфа II и Матея покажутся уже не столь неосновательными.

Въ польскомъ вопросѣ, на который г. Трачевскій обратилъ должное вниманіе (стр. 33 и 50), замѣчается также нѣкоторое упущеніе. Говоря о древнѣйшемъ фазисѣ этого вопроса, г. Трачевскій не обратилъ вниманія на историческія данныя первостепенной важности въ «Памятникахъ дипломатическихъ сношеній», и мы рѣшительно недоумѣваемъ, на какомъ именно основаніи онъ отстранилъ въ обѣихъ своихъ диссертацияхъ, магистерской и докторской, наше оффиціальное изданіе дипломатическихъ памятниковъ. Австрійское правительство послѣ смерти послѣдняго изъ Ягеллоновъ и послѣдняго изъ Рюриковичей считало то и другое государство «*морозимъ*», и размышляло, что пора ему «надъ тѣми государствами промышляти». Проф. Мартенсъ въ свою очередь сообщилъ важ-

ное извѣстіе («Собраніе трактатовъ», т. I, стр. XII), на которое г. Трачевскій опять таки не обратилъ вниманія, именно, что императоръ Максимилианъ II не только категорически высказался противъ восшествія на польскій престолъ французскаго принца, но въ то же время предложилъ царю совѣмъ не допускать въ Варшаву Генриха и раздѣлить Польское королевство слѣдующимъ образомъ: собственно Польша должна быть присоединена къ Австріи, а Литва къ Россіи, и «стояти-бъ имъ соднво противъ турецкаго и противъ всѣхъ татарскихъ государей». — Есть еще извѣстіе, на основаніи котораго выясняется настоящее возрѣніе австрійскаго правительства на польскій вопросъ и на которое ни г. Мартенсъ, ни г. Трачевскій не обратили вниманія. Оно находится въ интереснѣйшемъ статейномъ спискѣ посольства Лукьяна Новосильцова (Памятн. дипл. снош., т. I, стлб. 952), который по своему дѣльному изложенію можетъ быть названъ образцовымъ дипломатическимъ памятникомъ XVI вѣка. Л. Новосильцовъ записалъ: «Адамъ Титерштейнъ (Дитрихштейнъ), а у цесаря онъ большой человекъ и охмистръ, а по нашему кабы дядя, и во всемъ его слушаетъ, а владѣетъ онъ всѣмъ государствомъ — говорилъ мнѣ тайно: «Стефанъ король *неприрожденный* государь; а сидитъ на *чужомъ* государствѣ, а нѣчто выйдутъ перемирные гѣта, и государемъ нашимъ межъ собою сослаться, чтобъ надъ Полскою землею и надъ Литвою имъ, государемъ, промыслить, чтобы та земля за ними была, за *прирожденными* государями».

Говоря о новѣйшихъ трудахъ по *польскому* вопросу, возможныхъ только благодаря изслѣдованіямъ архивовъ русскаго, австрійскаго и прусскаго, г. Трачевскій умалчиваетъ о сочиненіи графа Сенъ-При, любопытный трудъ котораго составленъ на основаніи документовъ, хранящихся въ архивахъ французскаго министерства иностранныхъ дѣлъ. Въ этой же книгѣ изложенъ документально извѣстный въ началѣ царствованія Екатерины вопросъ о взаимныхъ обязательствахъ обоихъ дворовъ, французскаго и русскаго, касательно титула «Императорскаго Величества» ¹⁾. Сенъ-При помѣстилъ въ своихъ *Études dipl.* (I, стр. 368 и слѣд.) письмо герцога де-Шуазеля къ графу Панину и отвѣтное письмо гр. Панина къ герцогу, гдѣ дѣло о «реверсалахъ» изложено во всей подробности. Въ перечнѣ новѣйшихъ работъ по польскому вопросу упущено дѣльное изслѣдованіе кн. П. П. Вя-

¹⁾ Союзъ кн., стр. 84.

земскаго (XVIII вѣкъ, изд. П. Бартенева, т. I, стр. 246 и слѣд.), въ которомъ онъ, на основаніи «Исторіи моего времени» короля Фридриха II, доказываетъ, что король во второй части своихъ Записокъ откровенно и положительно признаетъ инициативу свою въ первомъ раздѣлѣ Польши. Не упомянуто также о трудахъ г. Вайца по польскому вопросу, наконецъ г. Трачевскій вовсе не упоминаетъ о проектѣ новаго раздѣла Польши въ 1786 году, о которомъ говоритъ профессоръ Ранке¹⁾ на основаніи одного англійскаго документа, помѣщеннаго въ «Исторіи Русскаго Государства» Германа (т. VII, стр. 645—646).

Что касается до переговоровъ объ обмѣнѣ земель (гл. IX, стр. 154 и слѣд.), то г. Трачевскій излагаетъ о семъ на основаніи документовъ, сообщенныхъ Ранке и Шмидтомъ. Но послѣ изданія книги Ранке о союзѣ князей, появилось сочиненіе подъ страннымъ заглавіемъ: «Der Humor in der Diplomatie und Regierungskunde des XVIII. J.», von Sebastian Brunner, Wien, 1872; этимъ сочиненіемъ г. Трачевскій не пользовался. Между тѣмъ въ книгѣ Бруннера помѣщены извлеченія изъ депешъ австрійскаго посланника Лербаха къ кн. Кауницу о переговорахъ его съ курфюрстомъ Карломъ-Теодоромъ относительно обмѣна баварскихъ земель на Нидерланды, и этимъ дополняются свѣдѣнія, уже сообщенныя Леопольдомъ Ранке о сихъ переговорахъ²⁾. Такъ напримѣръ депеша Лербаха кн. Кауницу, отъ 25-го іюня 1784³⁾, выясняетъ кое-что относительно переговоровъ, вѣденныхъ 13-го и 18-го августа 1784 года (Ranke, I, 179—187). Изъ приведенной депеши видно, что курфюрстъ Карлъ-Теодоръ вовсе не былъ убѣжденъ въ выгодѣ, въ денежномъ отношеніи, обмѣна баварскихъ земель на Нидерланды. Курфюрстъ считалъ доходы Баваріи не въ четыре милліона гульденовъ, а на основаніи проекта графа Рудольфа Хотека полагалъ, что эта страна со временемъ легко доставитъ десяти милліонный ежегодный доходъ; Нидерланды же доставляютъ только семь милліоновъ гульденовъ; слѣдовательно при обмѣнѣ онъ останется въ накладѣ. За симъ Карлъ-Теодоръ требовалъ обезпеченія Брабантскаго герцогства противъ гессенскихъ претензій. Далѣе, изъ этой же депеши Лербаха узнаемъ, что неожиданное извѣстіе объ обмѣнѣ земель появилось впервые въ Гамбургскомъ Политическомъ журналѣ уже

1) Die Deutschen Mächte, т. I, стр. 263.

2) Die Deutschen Mächte, I, 179—185.

3) Бруннеръ, т. I, стр. 263, 268, 279, 281.

въ маѣ 1784 года, а затѣмъ немедленно извѣстіе о томъ перепечатано было въ Эрлангенскую и Байрейтскую газеты. Послѣдствіемъ обнаруженія «плана» было всеобщее удивленіе по всей странѣ. Министры докладывали Карлу-Теодору о возбужденномъ состояніи умовъ. Откровеннѣе всѣхъ говорилъ съ нимъ баронъ Вальткирхъ. Въ отвѣтахъ своихъ министрамъ курфюрстъ отрицалъ планъ, но Лербахъ утверждаетъ, что Карлъ-Теодоръ твердо рѣшился на обмѣнъ; на отдѣленіе Люксембурга курфюрстъ смотрѣлъ съ равнодушіемъ; относительно же полученія согласія герцога Карла Цвейбрюкенскаго онъ въ то время не сомнѣвался, въ особенности рассчитывая на содѣйствіе французскаго двора.

Безъ изученія всѣхъ депешъ Лербаха по вопросу объ обмѣнѣ земель, изложеніе переговоровъ по сему предмету рѣшительно невозможно: Ранке и Шмидтъ не разрѣшили его. Особенное вниманіе изслѣдователь долженъ обратить на депешу Лербаха къ кн. Кауницу, отъ 2-го января 1785, на двѣнадцати страницахъ, гдѣ изложены переговоры Лербаха съ Карломъ-Теодоромъ, послѣдовавшіе послѣ августа 1784 года. Главнѣйшими результатами ихъ было: Курфюрстъ и въ январѣ 1785 года предлагаетъ обмѣнъ одного герцогства Баварскаго на всѣ Нидерландскія земли; кромѣ того: 1) чтобы баварскій долгъ остался на баварскихъ владѣніяхъ, безъ перехода его на нидерландскія; 2) непремѣнное согласіе герцога Карла Цвейбрюкенскаго; 3) право свободнаго выбора между его министрами и совѣтниками относительно посвященія ихъ въ тайну переговоровъ. По пункту о долгахъ Лербахъ отвѣтилъ, что настоящій баварскій долгъ не государственный, а личный правителя страны, и потому къ Баваріи причитаемъ быть не можетъ; но что долгъ этотъ курфюрстъ легко уплатитъ въ Нидерландахъ, ибо тамъ доходы значительнѣе, а въ Баваріи онъ останется при долгахъ, такъ какъ чины баварскіе болѣе и болѣе затрудняются предоставить ему прежній кредитъ. Но рѣшительнаго отвѣта Лербаху Карлъ-Теодоръ не далъ и въ январѣ 1785 года, опасаясь главнѣйшимъ образомъ герцога Цвейбрюкенскаго. Онъ постоянно твердилъ одно: что пользы въ томъ, что рѣшусь уже теперь принять нѣкоторыя условія, безъ увѣренности въ согласіи на то герцога Цвейбрюкенскаго: если онъ не согласится, то настоящіе переговоры останутся безъ дѣйствія, и я навлеку на себя презрѣніе сочленовъ Имперіи и иностранныхъ державъ, также какъ и ненависть своихъ подданныхъ. Лербахъ увѣрялъ его, что сохранить глубочайшую тайну, а Россія и Франція вѣроятно согласятся съ условіями, по-

становленными между нимъ и Австріей. Изложенное по этому вопросу у проф. Шмидта (*Unionsbestrebungen*, I, 141), безъ сопоставленія сообщенныхъ имъ фактовъ съ данными изъ депешъ Лербаха, остается темнымъ, часто даже непонятнымъ. И послѣ іюня 1785 года ничего формальнаго не было заключено между Австріей и курфюрстомъ относительно обмѣна земель: въ пространной депешѣ Лербаха къ Кауницу отъ 3-го февраля 1785 года, на девятнадцати страницахъ, курфюрстъ, по словамъ посланника, желаетъ только, чтобы дѣло обмѣна земель устроилось, и въ случаѣ несогласія герцога Цвейбрюкенскаго, прямо освѣдомляется, не отыщется ли инаго пути для полученія ему королевскаго титула ¹⁾? Въ депешѣ отъ 25-го іюня 1785 года Лербахъ доноситъ Кауницу: Хотя планъ обмѣна земель рѣшительнѣйшимъ образомъ отрицается нынѣ Карломъ-Теодоромъ, но курфюрстъ объявилъ Лербаху передъ отъѣздомъ въ Мангеймъ, что остается при твердомъ намѣреніи сего обмѣна. Послѣ сказаннаго становится понятнѣе помѣщенный у Шмидта документъ, которому придается слишкомъ большое значеніе (*Unionsbestrebungen*, I, 188).

Отсюда слѣдуетъ, что планъ обмѣна земель, какъ онъ изложенъ въ книгѣ г. Трачевскаго (стр. 117 и въ IX главѣ), подлежитъ переработкѣ, и именно желательно, чтобы туда вошли данныя изъ вѣнскаго государственнаго архива. Тогда разъяснится и хронологическая запутанность, которая замѣчается при изложеніи сего факта въ сочиненіяхъ Ранке, Шмидта, Трачевскаго. Изъ переписки Іосифа II съ кн. Кауницемъ не видно, чтобы уже въ маѣ 1784 года Лербахомъ представленъ былъ планъ обмѣна (Трачевскій, 117). Самъ Лербахъ ²⁾ говоритъ только (*Brunner*, I, 262): «Весьма неудобно, если герцогъ Цвейбрюкенскій узнаетъ что-либо о планѣ обмѣна Баваріи ранѣе чѣмъ дѣло улажено будетъ съ курфюрстомъ», и только 22-го іюня 1784 онъ извѣщаетъ о благосклонномъ принятіи Карломъ-Теодоромъ плана обмѣна земель. Еще въ октябрѣ 1784 императоръ Іосифъ горько жалуется Екатеринѣ II на нерѣшительность курфюрста и на безволие его (*Arneth: Joseph II und Catharina II*, стр. 232 ³⁾).

Съ 1783 года, по заключеніи версальскаго мира, наступаетъ новая эпоха въ политикѣ европейскихъ державъ, и потому опредѣленіе значенія и вѣса всѣхъ новыхъ политическихъ комбина-

¹⁾ Ср. *Ranke: Die Deutschen Mächte*, I, 182.

²⁾ Депеша его отъ 21-го мая 1784.

³⁾ См. Приложение № III.

цій того времени, въ особенности замышлявшихся Англіею и Франціею — задача весьма трудная для историка. Въ изслѣдованіи г. Трачевскаго политическія стремленія съ наступленіемъ знаменательной эпохи 1783 года изложены ¹⁾ съ недостаточною полнотою и послѣдовательностью, думаю, по двумъ причинамъ: во первыхъ, до весьма недавняго времени англійское правительство не сообщало цѣликомъ дипломатическихъ документовъ позже 1783 года. Фридрихъ Раумеръ на этомъ именно основаніи прекратилъ свою плодотворную работу въ лондонскомъ архивѣ: въ своихъ сообщеніяхъ онъ останавливается на 1783 годѣ. Анонимный издатель дипломатическихъ документовъ, относящихся къ Россіи (*La Cour de Russie, etc.*), остановился также на 1783 годѣ. Проф. Германъ въ своей «Исторіи Россійскаго Государства» сообщилъ за то время только три важныхъ документа (*Ergänz.-Band*, стр. 645 и слѣд.), а для послѣдующаго времени, съ 1790 года, у него сообщенія обильнѣе. Во вторыхъ, неполнота изложенія политики Англіи зависитъ отъ недоступности вообще всѣхъ официальныхъ англійскихъ источниковъ и отъ затрудненій, съ какими получаютъ въ Россіи англійскія историческія сочиненія. Имѣя подъ руками поучительныя донесенія меланхолическаго, но по характеристикѣ графа Сегюра въ высшей степени симпатичнаго англійскаго посланника Фицгерберта, укажемъ вкратцѣ на ихъ значеніе и на результаты, получаемые при знакомствѣ съ ними.

Важнѣйшимъ политическимъ вопросомъ того времени для Англіи и Россіи былъ вопросъ о выгодѣ и невыгодѣ заключенія обоюднаго союзнаго трактата, наступательнаго и оборонительнаго свойства. До января 1785 года Россія еще не отклоняла предложеній англійскаго двора заключить союзный трактатъ между Великобританіею и Россіею; но въ концѣ января 1785 года графъ Остерманъ, по повелѣнію Екатерины II, сообщилъ англійскому министру Фицгерберту, что Императрица снова обсуждала предложеніе о союзномъ трактатѣ съ Англіею, и по зрѣломъ разсмотрѣннн вопроса убѣдилась, что въ настоящее время она не можетъ постановить окончательнаго рѣшенія: съ одной стороны она не желаетъ отклонять отъ себя союза съ Англіею, которымъ всегда чрезвычайно дорожила, съ другой — она опасается послѣ

¹⁾ Г. Трачевскій въ книгѣ своей говоритъ мимоходомъ объ Англіи и ея политическихъ планахъ на стр.: 247, 252, 272, 276, 277, 297, 345, 388, 389, 393, 394, 400 (лучшее, что сказано о политикѣ Англіи), 401, 493, 499, 508.

заключенія союзнаго трактата возбудить неудовольствіе и зависть нѣкоторыхъ первенствующихъ державъ Европы, а это могло бы отразиться неудачей на переговорахъ, которые нынѣ въ ходу и клонятся къ возстановленію общаго спокойствія. Императрица надѣется, что англійскій посланникъ согласится ожидать дальнѣйшаго объясненія ея мыслей до тѣхъ поръ, пока не выяснится окончательный исходъ несогласій между императоромъ Іосифомъ II и Голландіей.

Англія сразу поняла, что на основаніи дѣйствій Россіи Великобританія не могла разсчитывать на заключеніе союза съ нею, при дружбѣ дворовъ Вѣнскаго и Версальскаго. Фицгербертъ полагалъ даже, что еслибы разрывъ послѣдовалъ между Австріею и Франціей вслѣдствіе столкновенія Іосифа II со Штатами, то и тогда оказалось бы невозможнымъ склонить Россію и Австрію къ союзу съ Великобританіей иначе, какъ подъ условіемъ согласія Англіи принять ссору императора съ Голландскими Штатами за *casus foederis*, и слѣдовательно немедленно взяться за оружіе въ пользу Іосифа II. Зорко слѣдилъ Фицгербертъ и за вопросомъ объ обмѣнѣ земель. Въ депешѣ своей къ маркизу Кармартену отъ 28-го января 1785, онъ пишетъ: прусскій министръ получилъ отъ своего короля важныя депеши относительно трактата между дворами Вѣнскимъ и Мюнхенскимъ, по смыслу котораго императоръ получитъ все герцогство Баварское и Верхній Палатинатъ, уступая курфюрсту Пфальцскія австрійскія Нидерланды (за исключеніемъ Люксембурга и Намюра), которыя составятъ королевство Бургундское. Изъ писемъ прусскаго короля къ графу Гёрпу оказывается, что во время переговоровъ объ этомъ трактатѣ баронъ Лербахъ нашелъ сильную поддержку со стороны графа Румянцова, русскаго министра (который, говорятъ, получилъ на то инструкціи изъ Вѣны отъ князя Голицына). Лербахъ и Румянцовъ, получивъ согласіе курфюрста Палатинскаго на главнѣйшія статьи трактата, немедленно стали убѣждать герцога Цвейбрюкенскаго согласиться на него, предлагая значительную денежную сумму какъ ему, такъ равно и брату его, принцу Максимилиану, и заявили ему въ видѣ угрозы, что обѣ договаривающіяся державы рѣшились, въ случаѣ сопротивленія съ его стороны, приступить къ заключенію трактата и безъ него, и что всѣ выгоды, нынѣ ему предлагаемыя за содѣйствіе его, впослѣдствіи не будутъ ему предоставлены, и на обсужденіе этого предложенія назначили ему восьмидневный срокъ. Несмотря на эти угрозы, герцогъ Цвейбрюкенскій отвергнулъ на-

стоящее предложеніе, оставаясь вѣрнымъ системѣ, принятой имъ со времени несогласій 1778 года. Фридрихъ II давно подозрѣвалъ существованіе «плана», но первое положительное и достовѣрное свѣдѣніе объ обмѣнѣ земель доставилъ ему герцогъ своимъ письмомъ. Фридрихъ немедленно отправилъ курьера къ графу Гёрцу съ повелѣніемъ представить все дѣло Императрицѣ и убѣждать ее именемъ чести и здравой политики не давать согласія на столь вредные планы, но въ то же время король рѣшительно заявилъ Русскому двору, что если Вѣнскій дворъ станетъ упорствовать въ достиженіи своей цѣли, то ему слѣдуетъ ожидать со стороны короля Прусскаго столь же быстрого и энергичнаго сопротивленія, какое онъ встрѣтилъ въ 1778 году при своихъ попыткахъ, клонившихся къ той же цѣли. Затѣмъ графъ Гёрцъ познакомилъ Фицгерберта съ содержаніемъ слѣдующихъ бумагъ: 1) онъ показалъ ему проектъ трактата обмѣна, обсуждаемаго между дворами Вѣнскимъ и Мюнхенскимъ, въ томъ видѣ, какъ онъ былъ сообщенъ герцогу Цвейбрюкенскому императорскимъ и русскимъ министрами; 2) письмо герцога къ графу Румянцову; 3) отвѣтное письмо Румянцова къ герцогу; 4) письмо герцога къ Фридриху II; 5) отвѣтное письмо короля къ герцогу, по словамъ Фицгерберта, весьма пространное и составленное мастерски. Сущность всѣхъ этихъ документовъ посланникъ передалъ англійскому правительству. Графъ Гёрцъ сильно хлопоталъ, чтобы Фицгербертъ представлялъ дѣло съ прусской точки зрѣнія князю Потемкину, съ которымъ онъ состоялъ въ большой дружбѣ и имѣлъ случаи говорить наединѣ, чего графъ Гёрцъ не имѣлъ возможности сдѣлать; кому же графъ говорилъ, что это единственный членъ кабинета, не вполне преданный интересамъ императора. Фицгербертъ отклонилъ эту просьбу прусскаго министра. Вообще прусское заявленіе вызвало при Русскомъ дворѣ значительное затрудненіе и безпокойство, обстоятельство, которое съ перваго взгляда кажется нѣсколько необыкновеннымъ, ибо естественно предполагать, что Екатерина II, съ той минуты, какъ согласилась на виды императора относительно Баваріи, должна была предвидѣть, а слѣдовательно и приготовиться встрѣтить дѣятельную оппозицію со стороны Прусскаго короля. Англійскій посланникъ за симъ поясняетъ, что неожиданное сообщеніе объ этомъ дѣлѣ герцогомъ, противъ котораго Императрица чрезвычайно раздражена вслѣдствіе нѣкоторыхъ выраженій въ письмѣ его къ графу Румянцову — оказалось неблагоприятнымъ для обоихъ императорскихъ дворовъ и вывело на

свѣтъ это дѣло нѣсколько равнѣ, чѣмъ они предполагали; кромя того — говоритъ Фицгербертъ, — несомнѣнно, что Императрица, несмотря на охлажденіе, нынѣ существующее между нею и королемъ Прусскимъ, сохраняетъ значительную долю того почтенія, съ которымъ она привыкла относиться въ теченіи большей части своего царствованія къ волѣ и мнѣніямъ этого государя. Англійскаго посланника увѣрили, что Екатерина II была особенно тронута однимъ мѣстомъ его послѣдняго заявленія, гдѣ король, въ память уваженія и дружбы, которыя она однажды питала къ нему, умоляетъ ее устраниваться отъ содѣйствія и поддержки проекта, который въ случаѣ успѣха не только уничтожитъ его вліяніе и значеніе въ Европѣ, но въ концѣ окажется даже пагубнымъ его существованію, какъ независимому государю. Многія доказательства нерѣшительности и замѣшательства Русскаго двора — продолжаетъ Фицгербертъ — обнаружались въ разговорахъ, которые графъ Гёрцъ имѣлъ съ русскими министрами по этому дѣлу; Безбородко въ особенности имѣлъ неосторожность высказать графу, что вслѣдствіе представленія короля выполненіе мѣры будетъ отложено до другаго, будущаго случая.

Въ депешѣ отъ 18 февраля 1784 года Фицгербертъ передаетъ своему двору содержаніе отвѣта Императрицы на заявленіе Фридриха II по дѣлу объ обмѣнѣ земель: онъ не былъ врученъ Гёрцу, а пересланъ прямо русскому министру при Берлинскомъ дворѣ.

Возрѣніе англійскаго министерства на союзъ германскихъ князей изложено въ депешѣ маркиза Кармартена къ Фицгерберту отъ 16-го августа 1785. Эту депешу мы помѣщаемъ въ особомъ приложеніи ¹⁾.

Въ депешѣ отъ 13-го августа 1785 Фицгербертъ передалъ статсъ-секретарю Кармартену сущность весьма интереснаго разговора своего съ вице-канцлеромъ, графомъ Остерманомъ, по поводу германской лиги; подобный же разговоръ послѣдній имѣлъ съ саксонскимъ министромъ Сакеномъ. Гр. Остерманъ началъ рѣчь необыкновенно серьезно и торжественно и перебиралъ весьма подробно различныя политическія сношенія, имѣвшія мѣсто въ теченіи послѣднихъ сорока лѣтъ между Великобританіей и Россіей, стараясь доказать, что если между этими дворами не состоялся болѣе тѣсный союзъ въ интересахъ обѣихъ державъ, то вина нахо-

¹⁾ Приложение № IV.

дѣлалась постоянно на сторонѣ Англіи. Въ доказательство сего онъ особенно ссылался на взаимное положеніе обоихъ дворовъ при заключеніи англійскаго трактата съ Россіей въ 1756 году, указавъ на пагубныя послѣдствія того, что онъ называлъ непослѣдовательными поступками Великобританіи въ эту эпоху, и что образъ дѣйствій, которому Англія слѣдуетъ въ настоящую минуту, составляетъ во всѣхъ отношеніяхъ продолженіе той непослѣдовательности, ибо въ обоихъ случаяхъ оказалось, что въ то время, какъ мы выражали Англіи сильнѣйшее желаніе вступить въ союзъ съ Русскимъ и Вѣнскимъ дворами, въ дѣйствительности мы усердно хлопотали о заключеніи тѣснаго союза съ общимъ ихъ соперникомъ и врагомъ, королемъ Прусскимъ, и что Императрица, предвидя пагубныя для Англіи послѣдствія преслѣдованія столь опасной, неполитичной и противорѣчивой системы, едва лишь услышала, что рѣчь идетъ о лигѣ князей, немедленно сообщила Англійскому двору всю правду относительно переговоровъ объ обмѣнѣ Баваріи.

Императрица льстила себя надеждой, что ей удалось уничтожить самый фактъ трактата между тремя курфюрстскими дворами, о которомъ шли переговоры въ Берлинѣ, но вмѣсто того она теперь узнала къ величайшему своему удивленію, что ганноверскіе уполномоченные имѣли предписаніе окончательно довершить заключеніе упомянутой лиги; причемъ говорятъ, что кромѣ главной части договоръ заключаетъ нѣкоторыя дополнителныя и секретныя статьи, прямое и непосредственное направленіе коихъ состоитъ въ существенномъ ослабленіи вліянія императора въ Германіи и въ соотвѣтственномъ усиленіи вліянія короля Прусскаго.

Послѣ приведеннаго разговора Остермана съ Фицгербертомъ, который въ своихъ депешахъ всегда уважительно говоритъ объ этомъ государственномъ дѣятелѣ, кстати будетъ сказать нѣсколько словъ о графѣ Остерманѣ. Г. Трачевскій низкаго мнѣнія о свойствахъ И. А. Остермана (см. стр. 56), основываясь при характеристикѣ вице-канцлера главнымъ образомъ на враждебномъ отзывѣ о немъ императора Иосифа II. Но онъ не проверилъ этого опредѣленія съ другими историческими данными, напр. у Сегюра и графа Гёрца. Съ легкой руки императора Иосифа II, графъ Остерманъ прозванъ «соломеннымъ чучеломъ», и т. д. ¹⁾ и пошло гулять это излюбленное слово по литературному міру чуть не каждый разъ примѣняясь при характеристикѣ Остермана. Менѣе посчастливилось Иосифу II съ другимъ злобнымъ

¹⁾ См. Ranmer: Beiträge, V, 560.

выраженіемъ о Безбородко: «это случайный человѣкъ» — говорилъ онъ про него: «при Румянцовѣ онъ былъ простымъ «переводчикомъ», и сохранилъ на всю жизнь нравъ подобнаго рода людей». Между тѣмъ гуманная мать императора съ душевнымъ прискорбіемъ говорила своему сыну: «Строго берегись находить удовольствіе въ колкостяхъ. У тебя еще не злое сердце, но оно станетъ злымъ. Очень и очень пора оставить всѣ эти красныя словца, эти умныя изреченія, которыя ни къ чему не ведутъ, а лишь оскорбляютъ и поднимаютъ на смѣхъ другихъ, отталкивая такимъ образомъ всѣхъ честныхъ людей... Ты кокетничаешь остроуміемъ безъ разбора, повсюду гоняешься за нимъ. Красное словцо, ловкая фраза въ книгѣ или въ чьихъ нибудь устахъ занимаютъ тебя, и ты вставляешь ихъ при первомъ удобномъ случаѣ, не разсудивъ хорошенько умѣстны ли они»¹⁾).

Графъ Остерманъ обладалъ однимъ драгоценнымъ качествомъ, это — его дѣловая честность. О ней говорили всѣ дипломаты того времени. Привожу свидѣтельство лишь одного изъ нихъ, тоже охотника до краснаго словца: «Графъ Остерманъ — писалъ Сегюрь своему правительству²⁾ — не имѣетъ никакого вліянія на дѣла и никакой власти надъ умомъ своей Государыни. Я прекрасно знаю это, но я весьма далекъ отъ той мысли, что всѣ бесѣды съ нимъ бесполезны.

«Напротивъ, эти переговоры съ нимъ заключаютъ въ себѣ двойную выгоду: во первыхъ, объявляются въ точности тѣ воззрѣнія русскаго правительства, съ которыми Императрица желаетъ знакомить аккредитованныхъ при ней лицъ, и во вторыхъ, ей передаются гр. Остерманомъ въ точности тѣ мысли дипломатовъ, знакомство съ которыми для нихъ желательно. Этотъ министръ обладаетъ замѣчательнымъ праводушіемъ, которое и есть главнѣйшее его достоинство и въ коемъ никогда не пришлось кому либо сомнѣваться; онъ часто молчитъ, иногда грубитъ, но никогда не обманывается, и передаетъ Императрицѣ всегда все въ точности и съ правдивостью. Если скрытность необходима въ политикѣ, то лживость никогда не можетъ быть допускаема при веденіи дѣлъ: она всегда бесполезна и вредна».

Самымъ внимательнымъ образомъ слѣдилъ, конечно, Фицгер-

¹⁾ Трачевскій, стр. 14—15.

²⁾ Ségur au comte de Vergennes, ce 15 Octobre. 1786. Парижскій архивъ мин. иностр. дѣлъ, № 119.

бертъ и за ходомъ торговыхъ переговоровъ между Русскимъ и Французскимъ дворами (ср. депеши его: 1785 г., № 43, и 1787 г., № 6). «Вы не удивитесь услышавъ, что трактатъ дѣйствительно подписанъ 12-го января 1787 года» — писалъ Фицгербертъ Кармартену; «мое мнѣніе относительно вѣроятныхъ послѣдствій подобнаго трактата то, что договоръ такого рода, разсматриваемый лишь съ коммерческой точки зрѣнія ¹⁾, не можетъ ни въ какомъ отношеніи повредить интересамъ Великобританіи».

Политика Англіи относительно Россіи въ то время была чисто выжидательною, и если Пруссія время отъ времени и торопила ее соединиться съ нею для наступательныхъ цѣлей противъ Россіи, то, какъ извѣстно, эти попытки не увѣнчались успѣхомъ ²⁾. Съ конца 1792 года замѣчается видимое сближеніе Россіи съ Англіей. Въ концѣ марта 1793 года гр. С. Р. Воронцовъ ³⁾ могъ донести Императрицѣ, что имѣлъ удовольствіе подписать 25 марта 1793 года вмѣстѣ съ лордомъ Гренвиллемъ двѣ конвенціи: первую торговый трактатъ между Россіею и Великобританіей 1766 года получилъ новую силу, впредь до заключенія новаго торговаго трактата, и конецъ котораго наступилъ въ 1787 году; эта конвенція получила дѣйствительную силу въ продолженіи шести лѣтъ. Второю конвенціею условились дѣйствовать сообща, не заключать отдѣльнаго мира въ войнѣ съ Франціею и прекратить всякія торговыя сношенія съ нею ⁴⁾. Сближеніе между двумя державами въ 1793 году было полное и потому правительства обѣихъ странъ искренно желали заключенія союзнаго трактата.

Принимая во вниманіе, что г. Трачевскій въ изслѣдованіи своемъ: «Союзъ князей и нѣмецкая политика Екатерины II, Фридриха II и Иосифа II, 1780 — 1790» во многомъ содѣйствовалъ къ разъясненію одного изъ важнѣйшихъ событій въ исторіи объединенія Германіи, представивъ въ трудѣ своемъ дѣльное и согласное съ современными требованіями науки и исторической критики изложеніе результатовъ, добытыхъ по сему важному исто-

¹⁾ О политическомъ воззрѣніи гр. Сегюра на этотъ трактатъ см. особое Приложение, № V.

²⁾ Ср. важныя письма Екатерины II къ графу Нессельроду: Приложение № VI.

³⁾ Борьба гр. Воронцова съ Питомъ для устраненія разрыва съ Англіею изложена имъ въ автобіографіи своей: Архивъ кн. Воронцова, VIII, стр. 18 и слѣд. Ср. Приложение № VII.

⁴⁾ См. Приложение № VIII.

рическому вопросу германскими представителями науки, хотя въ этой части своего изслѣдованія авторъ недостаточно строго отнесся къ нѣкоторымъ трудамъ предшественниковъ своихъ, мѣстами же слишкомъ подчиняется ихъ нѣмецкому вліянію, и кое-что упущено имъ и по собственной винѣ; съ другой стороны, принимая во вниманіе, что многое въ нѣмецкой политикѣ Екатерины II авторъ разъяснилъ самостоятельно на основаніи документовъ московскаго архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, наконецъ принимая во вниманіе и то, что задачу свою г. Трачевскій выполнилъ съ замѣчательнымъ литературнымъ талантомъ, при неутомимомъ трудолюбіи въ продолженіи многихъ лѣтъ, — я полагаю, представляя нынѣ отзывъ мой на благоусмотрѣніе Коммисіи, что Академія Наукъ поступить справедливо назначивъ автору изслѣдованія «Союза князей» поощрительную премію.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

И.

ИНСТРУКЦІЯ, ДАННАЯ ПОСЛУ НИКОЛАЮ ВАРКОЧУ
ИМПЕРАТОРОМЪ РУДОЛЬФОМЪ II, 6-го ОКТЯБРЯ 1588 ГОДА.

INSTRUCTIO PRO NICOLAO WARKOTZ. PRAGÆ, 6 OCTOBRIS,
1588.

Rudolff, Imperator, etc.

Instruction, etc. ¹⁾

Uns hatt sonnst weitleuffig vor diesen angelant: Wie daß von dem
nechstverstorbenen Großfürsten, des jezigen Vattern, ain Testament vor-
handen sein, gedoch nochmaln verborgen gehalten werde, welches undter
anderem mitbringen; da derselbe gegig Großfürst one leibes Erben abgehn
wurde, daß der succession halben Unser löblich hauß fürnemblich In ach-
tung (genommen) gehalten, Und aus demselben (ainer) zum Herrn angenom-
men werden solle. Ob nuhn wol hiervon sich gegen Jemandt des wenigsten
vermerken zu lassen allerhandt auf sich trägt, So möchte sich doch die Ge-
legenheit bieten bey vertrauten und gegen Unser hauß vor anderen wol
affectionirten Personen, also begeben, daß von Ime selbst solches Testa-
ments meldung geschehe. Auf welchen fall Unser Gesandter desto mehr ur-
sach hett (so viel zu vermelden, daß uns von weitem etwas dergleichen
angelant) sich die sach mit gueter dexterität dahin zu richten, daß er wo
möglich solch Testament zu sehen bekommen und Copi darvon erhalten;
oder da dasselb nit sein könnte, allain die Copi sehen, oder doch zum we-
nigsten berürten Testaments halben einen eigentlichen bericht empfaßen
möchte. Im Fall Ime aber von denselben vertrauten Personen dergleichen
Gelegenheit nit wolte gegeben werden, möchte Er selbst hiervon so uil
antregen, daß Uns von weitem angelant hette, Wie daß von wolermel-
tem verstorbenen Großfürsten ain Testament vorhanden, und In demselben

¹⁾ Всѣ документы передавы съ сохраненіемъ правописанія ихъ времени.

auch allerlei begriffen sein solte, so Unser löblich hauß Osterreich berürte. Und darauf von Iren vernemen ob dem also, In weß handen solch Testament, und ob es nit oder Copi darvon zu sehen, oder auch Abschrift zubekommen; oder leglich, und da mehrers nit zuerhalten doch zum wenigsten von dessen Inhalt, sonderlich so viel unser löblich hauß Osterreich anlangte, ain eigentlicher Bericht In sonderer gehaimb und vertrauen, darin es auch bei Uns bleiben, und niemandt solches geoffenbart werden solte, zuerlangen sein möchte. Wie dann auch Unser Gesandter, der Warkotsch, ich dessen so Ime darauf In ainem oder dem andern weeg vertraut würde, gegen Niemandt vermerken lassen, sondern biß zu seiner Widerkoufft bei sich behalten, und volgendts zu seiner Relation allain uns eröffnen solle.

Wer nuh die obangeregte vertraute und wolaffectionirte Personen, die auch umb diese sachen wissen haben möchten, seien, In demselben würde unseren Gesandten obgedachter Lucas Sanli guete anlaitung zugeben wissen. Uns ist aber fürnemblich ainer Boris Feodorowiz Gudenow ¹⁾, welcher der Zeitt vast die ganze moßcowitterische Lande regieren und demselben vorstehen solle, gerhüembt worden, daß Er ainen sondern gueten willen und Zunaigung gegen demselben unsern hauß trage. Derwegen wir dann auch nit haben underlassen wolle Ime ain gnedigst Brieflein zuschreiben, damit nit allain Unser Gesandter sich seiner befurderung In allem zugeprauchen, sondern auch derselb sich hinwiederumb desto guetwilliger zuerzaigen, und gegen Ime Warkotsch umb soviel vertraulicher zueröffnen Ursach habe (Prag, den 6. Octobris 1588).

¹⁾ Въ инструкціи императора Рудольфа II Николаю Варкочу, отъ 9-го апрѣля 1598 года, изъ Праги, не помѣщенъ выше хвалебный отзывъ о Борисѣ Годуновѣ.

III.

ДОНЕСЕНИЕ ПОСЛА НИКОЛАЯ ВАРКОЧА ИМПЕРАТОРУ РУДОЛЬФУ II 1589 ГОДА.

RELATIO A. 1589. NICOLAS WARKOTSCH AN DEN KAISER RUDOLFF.

Es hat der verstorbne Großfürst Iwan Basiliowitz vor seinem Ende ein Testament gemacht, darinn Er eglische Herrn zu Testamentarien und Executoren desselben verordnet, den Boris Foodrowitz Godunowen, aber als der iezigen Großfürstin leiblichen Brudern hat Er in bemeltem testament ganz und gar ubergangen und mit seinem officio bedacht, (welches Ime heimlich sehr geschmerzet hat, baldt alle seine freundt und verwandtes an sich gehendcht und ein heimlich vornemen mit Inen gemacht, nun haben die Testamentarien (wie es yezo Boris furgibt) mit Polen heimlich Practiciren und das Landt zu Inen Incorporiren wollen, wie denn disßahls auch sonstn starkhe Indicia, daß solches nit so gar erdichtet, vorhanden, dann dieselben Testamentarien Inen einen starkhen heimlichen anhang sonderlich von Burgern und Rauffleuthen gemacht, den Borissen mit sein ganzen Geschlecht und all die Inenigen, so Inen am weg seienden unversehens zuuberfallen, hinweg zureumen, und dann furter Inen willen zuverfueren.

Solches hat ein Teutscher, welcher in dieser Practica mit gewesen, dem Borissen geoffenbaret, darauff Boris, was im begegnen sollen in Sie gewandt, dieselben unversehens uberfallen, fangen und ins Exilium verschicken lassen, hat darnach das Testament sollen Zerreißen lassen. Demnach hat Er alle Statthaltereien in Landt und Ampter bei Hof mit eitel seinen Befreundten besetzt, und alle die Ime zuwider oder bey Ime dessen verdecktig unterdruckt, daß er nuniezundt den Großfürsten und alle seine Landt in seinem Brauch und handen, auch zuthuen und zulassen hat.

Ich bin aber neben disem in Erfahrung kommen, das gleichwol hin und her wider im Landt und bey Hof noch eglische, die dem Boris heimlich feindt sein sollen, sich finden, aber sich wegen seiner Macht nit offentlich merkhen dörfßen lassen, und derwegen so es mit dem Großfürsten zu fahl solt kommen, sich auffß new Partheyen wider in erregen und im Landt seditiones machen möchten. Solches merkhet Boris wol sehets auch vor seinen augen, wann man deme nit beuor seme, das es also zugehn

wurde, und wann Er sich gleich als dann zu einem Herrn auffwerffen wolte, daßhme solches schwerlich angehn und nutzen wurde.

Darumb soll Er seine gedankhen dahin gerichtet haben bey des Großfürsten Regiment und leben einen Successoren zu creiren, und einen solchen bey deme er künfftig Dankh verdienen, groß bleiben möcht undt hme allezeit trawen dörrft. Und diemeil Ir. Kög. Maj. Ertzherzog Maximilianus durch die Wahl ain Recht zur Cron Polen bekommen, umb allerley umbstandt und Ursachen willen die Succession auf Tro Kg. Maj. zurichten gemeint sein, solches ich von etlichen geheimen Leuthen so umb die sachen wissen erschepft.

Dann das ist gewiß das Er sonst nit geringlich etwa ainem umblickenden Potentaten außershalb das hauß Oesterreich, welches bei Im in großer hoher acht, one die außerste noth trawen würdt. Neben diesem, allergnedster Kaiser, habe ich die ganze Zeit über weil ich in der Moscau gewesen, mich zum höchsten besleißiget in geheim allerley sachen so künfftig Ew. Kön. Kay. Maj. zu mancherley gueter nachrichtung sein möchten zuerkundigen, und bestnde gleichwol, ob wol sonst die moscowiterischen Volckker in gemein listig und unwarhafftig describiret werden, in welchem ich Sie dann nit zuvertheidigen weiß, dennoch so vil daß auß allerley anzaig, vorhanden, und geberden, nichts (der Ich auch one Ruhm zumelden in der Welt mancherley schwarz und weiß erfahren) darfür ansthet, daß es dem Großfürsten Boris Fedor. Godenowen mit Irem vorgeben und erpieten ain rechter ernst sey, und Ew. Kay. Maj. nit leichtlich werde fahren lassen oder übergeben, es wäre dann daß man Sie ganz und gar vorn Kopff stieße und sich Irer außerte und entschlugen, dann gewiß wie Ich vermerkt auf Erden kein großes Aug auf niemandts mehr dann Ew. R. Maj. haben, darzu sie dann die große Macht des Königs zu Hispanien beweget, und gewißlich sich nit geringlich Ew. R. Maj. abgünstig machen werden. Wie ich dann in Warheit anders nit spuren kan, daß im gemein alle gemuether der vornehmen Boyarn Ew. R. Maj. hochloblich Haus Oesterrich mit recht treuen mainen, es were dann ainer außgenommen, als der Canzler Andreas Czolkau, welcher bey mir in großem Verdacht ehr conspirire heimlich in Polen mit den Samoysky, er ist aber nicht des gewichts, daß er was schaden könne, dann der Boris Fedo. ist hme gar nit guet, man sieht hme auch gar genaw auf die Schanz, und traut im nit Recht, guet Oesterreichisch feindt sonst alle Godenowen, welcher 5 in geheimen Rath, der Fürst Мстиславскій, der Fürst Шуцкий, Andreas Petrowitsch Klieschnin Oberster Cämerer, diß feindt auch die größern Officirer, und Rath in Landt und bei Hof.

(Оригиналъ хранится въ вѣнскомъ государственномъ архивѣ, въ отдѣлѣ: «Russica, a. 1588 — 1605».)

III.

1.

ГРАФЪ Н. П. РУМЯНЦОВЪ ГРАФУ ОСТЕРМАНУ.

(Безъ числа).

A Son Excellence Mr. le Vice-Chancelier.

Chargé des ordres, que contient la lettre circulaire de V. E., j'ai successivement rendu compte de la manière dont j'y ai obéi à mesure, que je me présentais aux cours auxquelles je suis accrédité: j'ai profité ensuite du retour de quelques couriers pour ajouter des détails et je vais suivre encore la même marche pour vous parler, M. le comte, du marggrave d'Anspach, du prince de Wurzbourg et de l'Electeur de Mayence, à cette dépêche j'en ajouterai une autre par forme de supplément, qui contiendra tout ce qui est relatif à Carlsrouhe et Darmstadt en fera l'apostille.

Je crains, M. le Comte, que mes détails ne Vous paroissent fastidieux, mais la circonstance présente me force à mettre sous vos yeux d'une manière rapide tout ce qui peut Vous donner des lumières sur un pays devenu le foyer d'un embrasement inévitable si la sagesse et la puissance du ministère de Russie ne parvient à l'éteindre.

Le marggrave d'Anspach modéré dans ses vues, aimant l'ordre, la tranquillité peu satisfait de son oncle tient jusqu'à présent la conduite que devoient tenir tous les états de l'Empire.

Le prince Evêque de Wurzbourg plein de lumière de probité austère dans ses moeurs, dépreciateur du monde, rapportant tout à la religion ne peut être et ne sera jamais admirateur de l'Empereur à cause de ses réformes ecclésiastiques, mais aimant la vérité par dessus toute chose, il souffre la contradiction, et j'ai profité de cette découverte, pour l'éclairer sur plusieurs points que ses préjugés religieux ne lui montraient que sous leur jour; j'ai affaibli tant que j'ai pû ce que la conduite de l'Empereur envers les ecclésiastiques avoit d'odieux à ses yeux; d'une autre part je lui ai rappelé, que lorsque le maréchal de

Belisle avoit transporté la couronne impériale sur la tête de Charles VII, qui paya cet honneur de ses biens héréditaires, le roy de Prusse proposa en secret de faire un patrimoine au nouvel Empereur, composé des principaux états ecclésiastiques, qu'on devoit séculariser à cet effet: je lui ai demandé si c'étoit dans l'alliance d'un Prince qui avoit enfanté un tel projet, qu'il trouveroit un appuy sûr et pour la constitution et pour la religion? Je l'ai interrogé pour sçavoir d'où vient, que lorsqu'il juge l'Empereur avec la severité de St Ambroise, il paroît si indifférent à l'irreligion du Roy? Je l'ai contredit sans cesse, Mr. le comte, et comme je ne l'ai jamais fait, qu'en ma qualité individuelle, cela m'a parfaitement réussi: il est vrai, cela n'a point rapproché le Prince Evêque de la cour de Vienne, mais cela l'a arrêté court au moment, où il pretoit continuellement l'oreille aux insinuations artificieuses de ses ennemis, cela m'a concilié l'estime et les bontés de ce prince, qui n'aimant pas le monde et vivant comme un anachôrete n'a pas laissé que d'insister souvent auprès de moi sur un retour prochain auprès de sa personne et m'a cité depuis comme un homme dont il prisoit l'amitié et les avis.

Jamais, Mr. le comte, deux hommes, quoique frères ne se sont moins ressemblés que le prince de Wurzburg et l'Electeur de Mayence ne le font, et les dispositions du dernier sont manifestement contraires aux deux cours impériales.

L'Electeur plein d'orgueil et de suffisance se proposoit de me faire la leçon à l'occasion du projet d'échange et il s'en fit une, Mr le comte, bien dure à lui même: il voulut me prouver que je citois mal les traités de Bade et de Rastadt et me dit l'article en allemand, qui présentoit un sens un peu différent des paroles françoises: mais étoit-il permis à un archi-chancelier de l'empire de prendre la traduction pour le texte? d'ignorer que le marechal de Villars ne sçachant pas l'allemand on fut nécessité de dresser le traité en françois?

L'Electeur ne signera pas la confédération faite à Berlin, mais ce n'est ni sagesse ni prudence qu'il consulte, c'est à sa dissimulation qu'il obéit, il se plait à une marche double et fausse, comme un caractère honnête et vrai se satisfait à manifester sa candeur et sa franchise.

La cour de Vienne continuellement irritée par ce Prince l'aigrissoit à son tour et changeant avec une rapidité étonnante elle rappella d'auprès de lui le comte de Metternich lui donne le comte de Trautmansdorff, beau fils du Vice-Chancelier et lui prescrivit de regagner ce Prince à force de caresses.

C'étoit tout ce que l'Electeur désiroit, au nouveau venu il calomnia

le predecesseur, il ajouta des promesses d'attachement; mais la marche des troupes vient de dévoiler le fond de ses intentions et justifier l'opinion, que j'en avois et dont j'avois fait part à Mr. de Trautmannsdorff. Ce prince a porté tout le cercle du Haut-Rhin à prendre à cette occasion des mesures désagréables pour l'empereur et peu satisfait de lui avoir suscité cet embarras il a pensé avec un art extrême entraîner les autres cercles à suivre l'exemple de celui-ci.

Si V. E. daigne se rappeler ce que j'ai dit de Cassel, du duc de Wurtemberg de l'électeur de Cologne, si Elle ajoute à cela tout ce que dessus et ma dépêche ci-jointe sur Carlsruhe Elle verra, que je Lui ai maintenant rendu un compte détaillé et complet de la manière dont j'ai obéi à ses ordres auprès des princes auquel je suis accrédité, Elle apercevra, que je n'ai donné aucune copie de la dépêche circulaire, que j'ai mis de la lenteur à m'acquitter de Ses ordres auprès des princes dont la conduite me donnoit de mauvaises satisfactions et de l'empressement auprès de ceux qui avoient résisté avec fermeté et sagesse aux artifices des nos adversaires, Elle se rappellera, que cette conduite nuancée a tenu à un plan, et ce plan, Mr e, comte, a eu son plein succès.

Ceux, que j'ai rassuré sans delay y ont vû une recompense de leur conduite et une marque d'une généreuse affection pour eux. Ceux chez lesquels je suis arrivé si tard, n'ont pas pû d'imaginer, Mr le comte, comme ils en avoient envie que c'étoit la crainte des mesures qu'ils prenoient, qui faisoient professer à la Russie que l'on ne vouloit point attenter à la constitution germanique. Ceux même, qui se permettoient de blâmer la demarche de la cour de Vienne, exaltoient alors le mérite de la nôtre. Ils disoient que la cour de Russie avoit saisi avec habileté cette occasion pour exercer solennellement en Allemagne sa qualité de Garante de la constitution, qualité qu'on pouvoit peut-être lui contester ci-devant, mais qu'il seroit dès aujourd'hui très difficile de lui disputer, puis-qu'elle venoit d'en prendre acte haute à la main au moment où la Suède s'étoit tû, ou la France n'avoit articulé qu'entre les dents.

2.

ГРАФЪ РУМЯНЦОВЪ ВИЦЕ-КАНЦЛЕРУ ГР. ОСТЕРМАНУ.

(Безъ числа и года, но должно быть послѣ майскаго циркуляра).

Mr. le Comte,
J'expédie un courier à M^r l'ambassadeur à Vienne (Кн. Голицыну),

le priant d'envoyer les dépêches qu'il apportera, par la voye d'un autre courier, jusqu'à Pétersbourg; je n'ai vu que ce moyen, M^f le comte, d'entrer en matière avec Votre Excellence sur le sujet de la dépêche circulaire qu'Elle m'a adressé le 23 May et de lui faire auparavant une esquisse legère de l'état présent de l'Allemagne en la partie qui concerne ma mission, me reservant à de tems plus rassis à dresser sur cet objet un mémoire plus complet que je mettrai aux pieds de Sa Majesté Impériale.

Peu de personnes jugent sainement, parce que jusqu' aujourd'hui cela n'a été que des personnes nées dans son sein (le pays), qui ont porté sur lui un regard attentif et prolongé, ou bien des ministres que la France y a employé.

Il falloit de l'impartialité; dans le premier cas il ne pouvoit pas y en avoir, puisque chaque examinateur étoit juge et partie et la mobilité des François dès qu'il n'étoient pas Allemands de nais (sance?) devoient les rendre à leur tour mauvais observateurs d'un objet que l'on ne pouvoit examiner sans une étude ici fastidieuse et penible, inutile ailleurs.

Les ministres Allemands se sont apésantis sur la constitution de leur Empire parce qu'en y appercevant un canevas incertain de forme republicaine, ils ont (*crû chacun ameliorer leur sort* ¹⁾) poussé cette idée, chacun se croyoit alors valoir davantage, l'amour de la patrie a dégénéré en intérêt personel; l'intérêt personel est minutieux, aussi, M^f le Comte, (*au lieu d'une idée vaste*) qu'est-il arrivé? au lieu d'une idée vaste, sont venus des idées *rétrécis*, et ce qui devoit être le travail d'un ministre n'a plus été que l'oeuvre d'un pedant.

Les François à leur tour ont cru voir partout le cité de Versailles, ils ont étudiés les Princes et leur ministre, ils ont pris de l'ascendant, mais ils n'étoient pas fait pour le conserver, lorsqu'on parloit de la constitution, et l'on en parloit souvent, ils devenoit étranger et cedoient (vedoient) le terrain.

Ce n'est donc pas dans les livres, M^f le Comte, ce n'est pas non plus dans les hommes seules qu'il faut étudier la constitution de l'Allemagne: c'est dans une étude et de l'un et de l'autre qu'il faut puiser ses connoissances (*sur la constitution*).

Ce travail est sans doute reservé à un ministre de Russie plus habile que mois qui d'une part étranger comme le François puisse de

¹⁾ Мѣста въ скобкахъ и набранныя курсивомъ — въ подлинникѣ зачеркнуты.

l'autre apporter à l'examen et l'application et plus de patience et la perseverance réfléchie dès Allemands que des hommes de cette nation n'en apportent. (*Mais*) S'il est au-dessus de mes forces (*et je n'ai pas la presumption de me*) il sera l'apanage d'un de mes successeurs. Cependant pressé par les circonstances actuels je cède à mes devoirs plus qu'à la voix de mon incapacité et je vais éfleurer la matière, un autre fera l'édifice. Si l'Empire Germanique n'étoit en effet, comme dans les livres, qu'un seul corps, qu'un faisceau de puissance réunies il subsisteroient par sa propre force, mais il est désunié et c'est au puissances voisines qu'il doit son existence. Toutes les grandes monarchies sont réellement intéressées à sa conservation pour maintenir la leur, c'est un desert en politique qu'elles doivent être bien-aise de conserver en friche.

La puissance ou la force de l'Empire n'étant point en masse, il reste à considerer celle des parties composantes; ici, M^r le Comte, elles se présentent sous deux aspects, à qui conoît la partie de la constitution qui est dans les livres.

Un état d'Allemagne peut avoir deux genres de puissance: l'une proprement dite et qu'il doit au nombre de ses troupes et de ses révenues; l'autre que j'appellerai relative, et qu'il doit à un ascendant prescrit par la loi, à l'état, comme par exemple d'être directeur d'un cercle, exercer plusieurs voix à la diète, etc., etc.

Sous ces deux points de vûe le plus puissant prince en Allemagne devoit être sans contredit l'électeur Bavaro-Palatin, car je ne compte point pour état de l'Empire ni l'électeur de Hanovre, ni celui de Brandebourg ni le roy de Bohême, ce sont plus au moins des colosses qui ont un pied dans l'Empire et l'autre ailleurs.

Le Palatinat rapporte trois millions et demi ¹⁾; le pays de Juliers et de Bergue donne 500 mille florins tout fraix de gouvernement payé; entretient les troupes et paye en outre deux régiments dans les Palatinat.

La Bavière ne rapporte que quatre millions mais personne n'ignore combien le pays est mal administré, il donnera aisément le double, quelque calculateurs statistiques estiment que ses revenues devoient monter à 13 millions et les forces militaires des deux électorats à 30 mille hommes.

Quant à la puissance relative du souverain de ces deux états, elle n'a point d'égale: il est un des deux vicaires de l'Empire, seul directeur

¹⁾ Вычеркнуто въ подлинникѣ.

du cercle de Bavière, codirecteur de celui du Haut-Rhin, ainsi que de celui de Westphalie et exerce voix, à la diète de Ratisbonne dans le collège des Princes.

Après cet électeur devrait venir celui de Saxe, mais je crois qu'il le précède aujourd'hui à cause de l'ordre de ses finances du nombre et de la discipline de ses troupes.

La classe des Princes plus nombreuse que celle des électeurs, doit être à mon avis subdivisée en trois parts, d'une considération fort inégale: dans la première il n'y aura que le landgrave de Cassel et le duc de Wurtemberg qui au besoin peuvent avoir sur pied 10 à 12 mille hommes, le premier, plus absolu dans ses états, plus puissant a en outre aujourd'hui l'avantage d'avoir en caisse les subsides immenses que l'Angleterre lui a payés.

Dans la seconde subdivision se place le margrave de Bade, celui d'Anspach, le duc de Brunswick et tous ceux des princes qui peuvent au besoin mettre deux ou trois mille hommes sur pied et dont le nombre n'est pas grand.

Dans la troisième on placera en foule ceux qui participent aux honneurs de la souveraineté, sans avoir l'ombre de la puissance qui la caractérise.

A cette énumération je dois ajouter pour les électeurs comme pour les princes une *classe à part*: ce sont les ecclésiastiques (*dans la faiblesse*) ou la médiocrité de puissance est renforcé par un ascendant qu'ils doivent à l'autel dont ils sont les ministres, (1) ascendant inégal, et qui (2) ne rapporte qu'en raison de la capacité et du mérite de la personne qui le fait valoir ¹⁾).

Tout ce faisceau de force que je viens d'analyser, M. le Comte, loin d'être intimement serré, est bien plus que relâché, il est divisé, il y a les électeurs il y a les princes, deux en outre partis s'y manifestent et marchaient le front levé: celui des catholiques et celui des protestants (*la maison d'Autriche avoit quasi toujours le premier pour Elle, les réformes ecclésiastiques, les attaques faites à Passau à Saltzbourg l'expropriati*) la politique les unit aujourd'hui, et cette union momentanée — c'est l'Empereur lui même qui l'a préparé en aliénant (*éloignant*) de soi le parti catholique par les nouvelles réformes qu'il

¹⁾ Здѣсь оригиналь крайне неясенъ, и вслѣдствіе приписокъ между строкъ это мѣсто можетъ быть читаемо еще и такимъ образомъ: (1)... ascendant (qui) n'est proprement que personnel et qui... и проч.; (2)... faiblit ou augmente à mesure de la capacité... и проч.

a fait dans ses états et par l'attaque qu'il a fait à l'évêché de Passau (les principes qu'il a mis).

Mais, M^r le Comte, aucune ligue, association au concert ne peut durer en Allemagne, ni être avantageux au princes de l'Empire, je le dis sérieusement. Je ne trace ici le portrait d'aucun de ceux auxquels je suis accrédité, mais le caractère, et je connois parmi eux plusieurs qui font-une exception total à la règle que je vais établir. Cependant voici le caractère général de la foule de princes en Allemagne, présomptueux, fièrs téméraires ou pusillanimes, peu d'égards réciproque, des finances en désordres, des disputes de rang, des haines héréditaires et autant d'ardeur à empirer le sort de son voisin ou de son collègue que l'on en a ou que l'on peut en avoir a meilleur.

Quelle harmonie peut il s'établir entre des personnes qui vivent toute isolées, qui n'ont point d'égards reciproques, dont les finances sont en désordre, dont les idées sur la naissance et les rangs sont une source de désunion?

Prenant connoissance de mon poste ministerielle, m'étant fait dans ma pensée l'esquisse que je viens de vous tracer, je ne fus pas longtemps, M. le Comte, sans appercevoir, que l'Allemagne est une espèce de République dans un état d'anarchie, qu'un ministre étranger devoit éviter de se mêler des débats interieur, qu'il n'y avoit pas de considération à gagner à ce rôle, et qu'il falloit éviter de le jouer, qu'il valoit mieux (avoir l'oeil sur ses limites) considerer l'Empire comme un tout, dont la conservation est précieux, et avoir par conséquent plus l'oeil sur ses limites que dans son centre, et suivre avec plus de soin ses relations avec les puissances étrangères, au nombre des quels se range, comme j'ai dit Hannovre et le roy de Prusse et le roy de Bohème (*d'avantage plus tôt*) que ce tas de liens intérieur qui peuvent avec mesure être tendus ou relâchés, sans que la constitution en souffre (*qu'il n'arrive rien*).

J'apperçus aussi, M^r le Comte, que dans la loi et que dans sa constitution, comme dans les exemples de son Histoire on p(eut)ouvait souvent puiser de quoi plaider (soutenir) le pour et le contre, et que dans un débat sérieux sur cette matière en Allemagne comme dans tout état aristocratique la raison se rangeroit du côté des membres qui avoient le plus de crédit dans la république et que la puissance étrangère qui se menageroit (*Tattachement*) la Bavière, la Saxe, Cassel et Wurtemberg auroit pour Elle comme on dit la loi et les prophètes ¹⁾.

1) Другая редакция этого мѣста: J'apperçus..... comme dans tout état ari-

Je me suis conduit d'après le principe dans l'étendue de ma mission: je n'ai été ni Prussien, ni Autrichien; j'ai voulu mériter l'estime égale des partis et la confiance des puissants, et en recherchant leurs bontés, je n'ai point négligé la dignité de mon rôle, j'ai parû (*m-coucieux*) au dessus de leur petits débats je n'ai point trempé dans leur comerage; et c'est ce qui a donné occasion à ce reproche de Mr de Hohenfels que j'avois joué l'inscoucieux pour les affaires.

C'est au tems à prouver si mon système m'a réussi, c'est à Votre Excellence à me dire s'il a son approbation.

Mon esquisse est achevé, M^r le Comte tout informe qu'il est, j'ai cru devoir le mettre sous vos yeux, et peut-être je n'en tirai d'autre parti que d'avoir prouvé mon incapacité, mais quelque soit le jugement que (vous) V. E. en portera je la supplie de me le dire; s'il ne m'est pas favorable je m'abstiendroi de vous déplaire si vous l'honoré de votre approbation je travaillerai à un tableau que je médite depuis longtems: je tracerai le portrait des princes, de leur ministres et ceux des gens, qui ont en Empire la moindre influence.

Daignez. M^r le C., jeter les yeux sur la dépêche ci-jointe, elle instruira V. E. des demarches du roi de Prusse en Allemagne, de l'état de la ligue et des quelques succès que j'ai eu auprès du Duc de Wurtemberg.

J'ai l'honneur, etc.

3.

ГРАФЪ РУМЯНЦОВЪ ГРАФУ ОСТЕРМАНУ.

7 (18) марта 1785.

Votre Excellence verra, qu'il m'est impossible de transmettre à la connoissance de ce Prince la lettre qu'il a plu à S. Mj. Impériale de m'écrire à son sujet, parce que le Duc insiste que je la lui envoie par courier et cela afin d'en faire communication aux Cours de France et de Berlin.

Je me crois obligé (M^r le Comte) de Vous avertir que les copies

stocratique et (*qui quoi*) comme dans toute république, pour y jouer un rôle. il falloit se menager les plus puissants et avoir de la consideration, alors, comme on dit: on a pour soi et la loi et les prophètes.

D'après cette conviction je me suis attaché à mériter l'estime et la confiance du duc des Deux Ponts. Je me suis conduit d'après cette règle, M^r le Comte, un autre eut mieux fait.

ci-jointes sont fidèles, car dans la dernière lettre du Duc il-y-a une phrase ou deux si louches, qu'on seroit tenté de prendre cela pour faute de copiste.

4.

КАРЛЪ ЦВЕЙБРЮКЕНСКІЙ ГРАФУ РУМЯНЦОВУ.

Carlsberg, ce 13 Mars 1785.

Monsieur le comte,

Le Baron d'Esebeck est à Paris et par une suite de ses opérations le sieur de Creutzer est occupé sans cesse des objets de finance et d'arrangements internes de son ressort, qui suivant l'ordre établi n'ont point de rapport aux objets politiques, que Vous pourrés être chargé de me communiquer. Malgré que Vous m'en laissés entièrement deviner la nature, Monsieur, suivant la franchise qui me guide, je veux Vous confier, qu'informé des réponses faites à mon mémoire présenté par le comte de Goerz, à l'exemple de ce que Sa Majesté l'Empereur observe vis-à-vis de son Auguste Alliée, je me trouve de mon côté aussi engagé par mon respect et intérêt autant que par ma reconnaissance et confiance de ne plus faire aucune démarche dans les affaires qui peuvent avoir le moindre rapport directe ou indirecte au susdit mémoire et réponse, sans consulter et me concerter avec les cours alliées de France et de Prusse.

Pénétré sans cesse de la plus haute admiration et du plus profond respect pour Sa Majesté l'Imperatrice de toutes les Russies, je n'y déroge point en La suppliant de vouloir bien me faire communiquer ses hautes intentions par écrit.

Je suis avec la plus parfoite considération, Monsieur le Comte,

Votre très humble

et très obeissant serviteur

(Подписано): Charles Duc des Deux Pontes.

5.

ГЕРЦОГЪ КАРЛЪ ЦВЕЙБРЮКЕНСКІЙ ГРАФУ НИКОЛАЮ ПЕТРОВИЧУ РУМЯНЦОВУ.

Carlsberg, ce 1 Avril 1783.

Si Vous sçaviais combien il m'en a couté d'Etre si long tems sans Vous voire, Vous que je regarde comme le meilleure de mes amis et

tout les mauvais procédés que j'ai essayé pendant Votre absence Vous serais étonné. Je me reserve de Vous tout dire quant j'aurais le plaisir de Vous voire ici, je n'ose tout confié à la plume, ce qu'il y a de sûre c'est qu'il n'y a qu'un comte Nicolas dans le monde pour les bonnes procédés et capable d'amitié vis-à-vis de ceux qui le payent d'un parfait retour.

6.

ГРАФЪ РУМЯНЦОВЪ ГРАФУ ОСТЕРМАНУ.

Francfort s./M., ce 7 (18) Mars 1785.

(Шифровано)

Quelqu'un qui prétend le savoir de très bonne part m'a assuré que Mr de Herzberg doit avoir écrit au margrave d'Anspac, qui est à Paris, que les affaires d'Hollande alloient être terminées à l'amiable, que l'échange de Bavière étoit entièrement tombé, mais qu'il se préparoit un autre grand orage dont il n'étoit pas encore tems de parler.

7.

ГРАФЪ РУМЯНЦОВЪ ГРАФУ ОСТЕРМАНУ.

Francfort s./M., 7 (18) Mars 1785.

(Шифровано)

Le margrave de Bade protège sous main les recrues Hollandais dans ses états et montre des dispositions peu favorables pour la cour de Vienne.

8.

ГРАФЪ РУМЯНЦОВЪ ГРАФУ ОСТЕРМАНУ.

Francf. s./M. 11 (22) Mars 1785.

Le général comte de Goerz. On ne scaurait se meprendre sur le but d'un tel voyage, et peut être seroit il avantageux, que je me rendis à Cassel incontinent, pour y surveiller sa conduite et traverser ses projets, mais je m'en abstiens puisque n'étant pas autorisé à avouer ce qui s'est dit au sujet de l'échange de la Bavière, je dois éviter les occasions, où l'on peut me questionner sur cela comme ministre, car une réponse louche ou declinative loin de consolider la confiance l'é-

branleroit en entier et offriroit à la partie adverse un beau champ pour l'interpretation, dont elle feroit usage à sa manière.

9.

ГРАФЪ РУМЯНЦОВЪ ГРАФУ ОСТЕРМАНУ.

Francfort s./M., ce 8 (19) Avril 1785.

Le baron de Wächtern, Ministre de Danemark, m'assure que le Landgrave de Cassel avoit definitivement pris des mesures avec la Cour de Prusse, qu'il avoit commencé par rejeter toute proposition et n'avoit pris finalement un parti contraire que sur des preuves par écrit que le comte de Goerz doit lui avoir produit de l'intelligence de la Cour de Hannover avec celle de Berlin et sur l'assurance que le roi de Prusse lui avoit donné de lui faire avoir la dignité électorale, lui prouvant que c'étoit lui et non par l'Empereur qui dans ce moment avoit la preponderance dans le collège électoral sans pouvoir affirmer ni contredire cette nouvelle, j'ai crû de mon devoir de Vous la mander.

10.

ГРАФЪ РУМЯНЦОВЪ ГРАФУ ОСТЕРМАНУ.

Франкфуртъ н. М. 2 (13) Мая 1785.

Генералъ графъ Герцъ видѣлся въ тайнѣ съ барономъ Эделштеймомъ, который прежде сего былъ министромъ короля Прусскаго въ Вѣнѣ и которому, какъ Вамъ извѣстно, равная въ Касселѣ и при прочихъ Германскихъ принцахъ поручена была коммиссія отъ короля въ 1779 году. Сей баронъ, который со мною пріятельски всегда обходится, прибывъ нарочно для такового съ герцогомъ Гесс. Кас. наслѣд. свиданія во Франкфуртъ, скрылъ сей разъ отъ меня пріѣздъ свой. Вамъ конечно извѣстно, что онъ не за долго предъ симъ вступилъ въ службу маркграфа Баденскаго и находится министромъ его при швабскомъ округѣ.

11.

КОЛЫЧЕВЪ ГРАФУ РУМЯНЦОВУ.

La Haye ce 13 May 1785.

Les nouvelles d'Allemagne font ici beaucoup de sensation. Vous

m'obligeriez infiniment, M., si vous pouviéz m'en dire quelque chose pour que je puisse debrouiller le cahos ou nons nous trouvons. Nous n'avons rien d'intéressant pour le moment, si non que le députés des états nommés pour la commission comme à Vienne ont accepté hier leur nomination, mais leur départ est encore incertain.

12.

ГРАФЪ РУМЯНЦОВЪ ГРАФУ ОСТЕРМАНУ.

Francfort s./M., 20 (31) Mai 1785.

(Le comte de Trautmansdorff nouveau ministre de la cour de Vienne à Mayence на мѣсто Меттерниха).

...Le comte de Metternich, envoyé de la cour de Vienne à Mayence, va être remplacé par un autre, commence sa lettre au Grand-Maitre de l'Electeurs... le comte de Metternich rappelle au Baron d'Ehrthal toutes les obligations que l'Electeur Lui a, combien il a contribué à lui faire avoir la dignité Electorale, la confiance et l'intimité dont ce Prince l'a honoré si longtems les mauvais traitements qui ont suivis et sur cela l'envoyé de Vienne s'explique avec autant de noblesse que de hauteur et finalement le comte de Metternich révèle un secret que l'on ignoroit, il rapelle à l'Electeur qu'il a de Lui une promesse secrete et dressée par écrit d'obtenir un jour la place de Vice-Chancelier de l'Empire, il dit à cette occasion qu'il est flatté d'en avoir été jugé digne, mais que cette promesse irrevocable et solennelle il la lui rend, ne voulant rien d'avoir à quelqu'un, qui paroît ne pas l'estimer aujourd'hui.

13.

ГР. РУМЯНЦОВЪ КНЯЗЮ ДМ. МИХ. ГОЛИЦЫНУ ВЪ ВѢНѢ.

Франкфуртъ, на/М. Мая 21 (Юня 1) 1785.

Ея Императорское Величество, почитая, что уклонение отъ всякаго отвѣта по случаю творимыхъ мнѣ о промѣнѣ *Баварскомъ* вопросѣ послужить можетъ вопреки пользы службы Ея, соизволила мнѣ повелѣть Всевысочайшимъ вмяннымъ указомъ основывать рѣчь свою о томъ на правдѣ, показывая, что Ея Императорское Величество въ такомъ *добровольномъ* промѣнѣ почитая выгоду союзника своего, сущую пользу Баваро-Пфальц-

скаго дома и не видя въ ономъ ни малѣйшаго Германской конституціи оскорбленія охотно тогда дала соизволеніе на то, чтобы сія отъ императора герцогу пропозиція моимъ каналомъ учинена была.

Une personne de distinction de la cour de Mayence est venu me confier qu'ayant appris qu'il se faisoit de demarches de la part du Landgrave de Hesse-Cassel pour engager l'Electeur à prix d'argent à lui donner sa voix pour la création d'une nouvelle dignité Electorale, lui offrant, si je ne me trompe 600 m. fl. ou plus, il les avoient arrêtés et avoit représenté que pouvant obtenir se même argent du Duc de Wurtemberg, il étoit plus sensé de prendre cet engagement avec lui parce qu'on avoit l'avantage en sur d'avoir obligé les deux cours Impériales qui le protegeoint. J'ai répondu à cela que je pouvois assurer en conscience n'avoir aucun ordre relatif à la commission dont on me croyoit chargé en faveur du Duc de Wurtemberg... que le silence que notre ministère gardoit avec moi au sujet de la création d'un nouvel électorat me prouvoit qu'il n'en étoit pas question encore et que ces deux Princes mettoient dans cette sorte de rivalité une inquiétude prématurée, que d'ailleurs j'avois de la peine à croire que le Landgrave offrit tant d'argent pour une seule voix... Cette personne n'interrompit pour me dire que le Landgrave se croyoit sûr de la voix de Hannover, de celle de Saxe, de celle de Brandebourg et d'une voix Ecclesiastique et qu'en ajoutant celle de Mayence il auroit la majorité.

14.

ЗАПИСКА НЕИЗВѢСТНАГО.

Мая 30 д. (Юня 10 д.) 1785.

Разнымъ посредствомъ доходить до меня слухъ, котораго основательность я опредѣлить не могу, будучи въ совершенномъ невѣдѣніи нашего теперешняго съ прочими державами положенія. Сказываютъ мнѣ, что Берлинскій дворъ внушая Англійскому, будто бы императоръ всемѣрно старается сблизить Францію съ Россією, родилъ наконецъ въ лондонскомъ кабинетѣ къ нашему недовѣрчивость, и что плодъ оной какое то данное ганOVERскому министерству повелѣніе войтить съ берлинскимъ въ тѣсное сношеніе и поднять за одно противу императора лигу, уже и назначаютъ вольный городъ Нордгаузенъ мѣстомъ сборища таковой конфедерации. За истину сего слуха не ручаюся, но только то донять хочу, что

самой тотъ планъ, который до нынѣ прусскому министерству вовсе не удавался, легко совершится, когда онъ ганноверское себѣ помощникомъ имѣть будетъ, и вѣроятно. что тогда мы всѣхъ добродетствующихъ намъ тогда лишимся.

15.

ГРАФЪ РУМЯНЦОВЪ ГРАФУ ОСТЕРМАНУ.

6 (17) Juin 1735.

Le Duc de Weimar a de rechef réparu à Mayence de là il est allé voir les deux autres Electeurs ecclésiastiques. et V. E. juge bien que cela rénouvelle les bruits de la ligue qu'il préconisoit l'année passée.

16.

ГРАФЪ РУМЯНЦОВЪ ГРАФУ ОСТЕРМАНУ,

de Francfort s. M., par Vienne. Le 19 (30) Juin 1785.

(Черновой отпускъ.)

Le roi de Prusse ne se contenta pas d'éventer par la voye du gazetier de Leyde la proposition que j'avois fait aux Deux Ponts (de l'échange), il sonna le tocsin, ses émissaires frapperent en Allemagne à toutes les portes et comme tout cela ne produisoit encore qu'une inquiétude sourde et caché, il eut recours à la voye d'une négociation formelle, Mr de Seckendorff, dont tout le monde ici connoissoit le mérite et l'honneur entra au service de ce Monarque (du Roi), et vint deployer auprès des directeurs du cercle de Franconie son caractère diplomatique qui devoit étendre jusqu'à Mayence. Quelque temps après, si je ne me trompe, Mr de Goertz, comparût à Cassel; il falloit parer ces négociations (*Mais V. E. sait que* ¹⁾) et je fus réduit à le faire sous main par la voye (indirecte) de mes amis et d'une manière (*foible*) indirecte et foible, à cause de silence que l'on m'imposoit et que je croyois (jugois) nous être desavantageux éviter toute conservation relative à l'échange.

J'ignore encore ce que disoit M^r de-Goertz, mais je scais qu'il ne

¹⁾ Мѣста въ скобкахъ и курсивомъ — въ оригиналѣ зачеркнуты.

réussit pas, surtout parcequ'il étoit à Jaux le ministère d'Hannovre qui alors ne témoignoit pas encore adhérer aux vues du cabinet de Berlin. Mr de Seckendorff disoit et V. E. peut m'en croire, car je le sçais de bonne autorité, que l'Empire étoit en danger, que le roi de Prusse vouloit venir à son secours, et qu'il demandoit les troupes des Princes de Franconie pour les avoir à sa solde, il proposoit même un plan d'opération: une armée entreroit en Bohême, une autre occuperoit la Bavière et la troisième servit disposée en Franconie et sur les bords du Rhin, il prenoit un relevé exacte de la quantité de bled et de fourrage qu'il avoit dans le cercle de Franconie (*où disoit le roi doit servir probablement le théâtre*).

Le Prince évêque de Wurtzbourg, dont je connois la sagesse et la conscience délicate (et qui a quelque *vénération pour notre cour et quelques*) étoit allarmé a la vérité, mais il refusoit de prendre parti. Le Margrave d'Anspach second directeur du cercle quoique de la maison de Brandebourg monroit encore plus de reticence (d'éloignement).

On échouoit à Cassel, on échouoit en Franconie, mais on réussit en Thuringe les Princes de Gotha, de Weimar, de Dessau étoient prêt à tout entreprendre. Le Margrave de Bade au quel par parenthèse on disoit que l'on alloit lui ôter sa principauté et lui donner Luxembourg de force, se conduisoit avec d'autant moins de sagesse, qu'il protégeoit chez lui ouvertement la recrue Hollandaise, on ajoutoit à tout ceux là l'électeur de Mayence, implacable dans ces haines et qui joint à de l'esprit la dissimulation de Philippe deux.

Les missions de Seckendorff et de Goertz n'ayant point réuni la ligue tomboit, mais au moment de sa chute il se répandit un bruit que le ministère d'Hannovre la désiroit et vouloit en être, alors elle se ranima, et déjà l'on nommoit Nordhausen ville du cercle de la Basse Saxe comme le lieu de confédération, on dit aujourd'hui que c'est Berlin, qu'elle se formera sous le titre de congrès des princes et que Mr de Beulvitz y représentera l'électeur d'Hannovre. Mais c'est à Mr de Gray c'est au Prince Dolgorouki à instruire de cela V. Ex. et ils l'auront sûrement fait déjà si le fait est vrai, ce qu'à ma place je ne puis garantir.

On citoit déjà le Duc de Wurtemberg comme nouvel adhérent à la ligue. Lorsque je reçus les ordres en date du « » qu'il a plû à S. M. Impériale de signer elle même, où règne tout de Sagesse et de lumière; vers le même tems, j'appris que les Ministres de Vienne faisoit la déclaration que V. E. connoit; et je ne vous cache pas, M. le C.,

que d'après mais faibles lumières je juge lui être désavantageux. Dans la ligue qu'elle cherchoit à parer il n'y avoit que des princes destitués de puissance et rien n'est si téméraire que les foibles lorsqu'on a l'air de les craindre, rien de si pussillanime lorsqu'on (*à l'air d'*) semble les apprécier au juste. D'ailleurs la Cour de Vienne propose une ligue dont l'Empereur veut être le chef, c'est, si je ne me trompe, ouvrir une porte dangereuse à l'examen et à la reforme de la constitution; car qu'est ce que la constitution elle même, si se n'est une association de princes souverains sous les auspices et la sauvegarde de ce monarque.

Considérant les ordres que j'avois reçu la demarche que faisoient les ministres de l'Empereur voici, M^r le comte, le plan que je me traçois. C'étoit d'ôter aux demarches que j'allois faire de ma côté tout air de justification (*de ma conduite*) et de crainte et de convertir les assurances que j'avois à donner en une sorte de faveur de la part de l'Impératrice, me présenter par tout mais de suivre un certain ordre de commencer et de préférer ceux dont la conduite avoit été la plus sage, d'aller d'abord à Stoultgard ensuite à Cassel, ensuite en Franconie, puis chez les électeurs ecclésiastiques et finir à dessein par le margrave de Bade (*et ce plan je vais l'exécuter*).

Je vais rendre compte à Vo. Ex. des premiers pas que j'ai fait pour l'exécution de ce plan.

(Vous devez scavoir, Mr. le comte, par une lettre que j'ai écrit à l'ambassadeur (Galitsin) en datte que le Duc de)

Je ne veux pas Vous ennuyer, M^r le comte du recit de ma conversation avec le Duc; j'aurai simplement l'honneur de Vous dire, que le Prince ne cedant qu'à mesure m'a confié, 1°, qu'il n'avoit point parlé d'affaire aux Deux Ponts, que le Duc n'avoit pas soufflé un mot de l'échange, qu'à la verité Hofenfels étoit venu lui faire sa cour et avoit tâché d'amener la conversation sur les affaires présentes, mais qu'il l'avoit évité; 2° qu'il ne lui avoit été fait aucune confidence ni proposition de la part de la cour de Berlin, mais que pour ne me rien laisser ignorer, il me confioit qu'il avoit reçu uné lettre (*très poli*) Hagernerich de la part de Mr de Hertzberg qui lui faisoit un hommage de ses oeuvres litteraires, que Mr de Madwein ministre du Roi (de la cour) de Prusse à sa cour (*lui avoit*) venoit de lui donner une Bible rare, et il faut que V. E. scache que c'est aujourd'hui la passion dominante du Duc que de faire une collection de Bibles, qu'il en possède déjà plus de cinq mille; 3° qu'il avoit à se plaindre de l'Empereur qui après l'avoir assuré avec tant de bonté qu'il eleveroit la Princesse de Hohenheim au rang de Princesse venoit maintenant pour

toutte réponse sur ce sujet lui faire demander sechement quel prêtre, comment, quand ils avoient été marié.

Après avoir calmé le Duc, après l'avoir ramené à la confiance qu'il doit à un ministre de l'Impératrice de Russie, après lui avoir fait répéter plusieurs fois qu'il n'yroit pas à Berlin, qu'il n'entendrait pas à la ligue, je mis sous ses yeux, comme par un mouvement de satisfaction et de confiance personnelle de V. E. et finalement je lui conseillai plutôt en ami qu'en ministre (comme son serviteur) de saisir cette occasion pour écrire à sa Majesté Impériale et lever ainsi tout d'un coup ce que sa visite aux Deux Ponts et tout ce qui s'étoit dis de son projet d'aller à Berlin pouvait jeter de louche sur ses sentiments pour les deux cours Impériales.

Le Duc embrassa ma proposition avec ardeur et me promit de m'envoyer une lettre pour Sa Majesté Impériale, dans laquelle il donneroit des assurances positives de Son attachement pour les deux cours Impériales; et il m'a tenu parole, M^r le Comte, car il m'a envoyé à Francfort par un courrier et la lettre pour l'Impératrice et une autre pour moi avec des annexes dont V. E. trouvera des copies cy jointes ainsi que celle de ma réponse.

(Je supplie V. E. et je scais cela parfaitement)

J'ose dire à V. E. que je forme des voeux (*conformes*) utiles au service de S. M. Imp. en Allemagne, lorsque je désire, comme je fais, que l'Impératrice honore sans delays le Duc d'une réponse gracieuse et lui touche un mot de la dignité Electorale, soit Elle même, soit par mon canal. Cette dignité je le scais, M^r le Comte, ne se peut procurer tout de suite, mais avec un homme du caractère du Duc il faut du remplissage entre deux.

Le Prince, toujours ardent, est maintenant si bien disposé pour nous, qu'il m'a même témoigné désirer que ses troupes fussent à la solde de l'Impératrice.

J'ai eu l'honneur de le dire à V. E. et je le repète volontiers, dès que les deux cours Impériales auront pour Elles la Bavière, Cassel et Wurtemberg, Elles n'auront contre Elles en Allemagne qu'une ligue impuissante (*surtout si Elles puissent* (eurent) *empêcher*), et dont les efforts et la foiblesse ne servira qu'à rehausser l'éclat et l'opinion que l'on a de la puissance des deux cours. Tout comerage tombera sur ses auteurs, et nous (*verons a voir à nous le peu de gens qu'ils ont séduit*) sortirons triomphans et avec dignité de l'embaras que la cour de Berlin cherche à nous susciter maintenant en Allemagne.

Mais tout ceci, M^r le Comte, dans la supposition que Hanovre restera

neutre. La reputation de son ministère en Allemagne qu'on a toujours regardé comme le foyer des publicistes, l'opinion que l'on a de l'Angleterre pouvoit fort bien reunir à nos adversaires plusieurs de ceux que la Cour de Berlin seule n'eut jamais gagné.

Mais alors il me paroît encore plus nécessaire de nous assurer en entier le Duc de Wurtemberg et de contenir le Landgrave de Cassel.

C'est tout ce que l'on peut espérer du dernier, M^r le Comte, que de le retenir immobile ses états avoisinent ceux des Electeurs de Hanovre et de Brandenbourg, il ne pourra donc prendre parti contre eux qu'en cas que la guerre fut déjà allumée et devint aux deux Electeurs Prusse et de Hanovre et que les armées de Prusse et de Hanovre fussent occupées loin de ses foyers (*et devint desavantageux aux deux Electeurs*).

Mais comment, dira V. E., s'assurer le Duc et retenir le Landgrave, puisqu' on ne peut agir auprès de l'un et l'autre qu'en flattant le désir rival qu'ils ont de devenir Electeur.

C'est à Vous, M^r le Comte, que je parle, et par conséquent je peux tout me permettre, parce que c'est aux lumières de Votre Ex. à laisser tomber ce qui dans mes recits ne lui paroitra pas du service de l'Impératrice. Le Landgrave (*a d'autres desires*) qui recherche aujourd'hui la dignité Electorale ci-devant formoit, dit-on (*depuis long-tems*) en secret, d'autres voeux: il désireroit la couronne de Pologne; et si l'on fait attention qu'il a (*dix*) once ans de plus que le Roy qui règne, que son fils est lutherien et paroît attaché à sa religion, je ne sçais pas, M^r le Comte, s'il y auroit de grands inconveniens, lorsque le cas l'exigera à faire renaitre le (de) desir en lui et faire vibrer dans l'éloignement cette couronne à ses yeux.

A tout ce que j'ai eu l'honneur de dire à V. E. dans cette ample dépêche permettra que j'ajoute que le Comte de Trautmannsdorff (*les ducs de Weimar*) m'ayant prié de venir m'aboucher avec lui je me suis rendue à cet effet à Schlangenbad, que j'ai appris de ce ministre, 1° qu'il n'avait point mis sous les yeux des Princes, comme avait fait Mr de Lehrbach la dépêche circulaire qu'ils avaient reçus de Vienne; 2° que le Landgrave de Cassel lui avait donné de bouche et non pas écrit des assurances positives, qu'il n'en trevoit pas eu la ligue; 3° que l'Evêque de Wurtzbourg avait tenu la même conduite; 4° que le Margrave d'Anspach avait donné cette promesse par écrit; 5° que l'Electeur de Mayence lui avait remis une notte, où il l'assuroit de son attachement pour la cour de Vienne, mais cette notte, que j'ai vû, M^r le Comte, est si artificieusement faite que je ne doute pas un

instant que l'Electeur ne soit à la veille de prendre parti et de citer, ensuite la notte même comme une preuve de ce qu'il l'avoit annoncé.

De mon côté j'ai donné à M^r le Comte de Trautmannsdorff des lumières qui lui sont utiles et sur le Duc de Wurtemberg et sur l'Evêque de Spire, que j'ai été voir récemment.

Daignés, M^r le Comte, jeter un coup d'œil sur la copie de ma lettre à l'ambassadeur à Vienne et ne me reprochés pas, je vous supplie, d'occuper seul Votre attention si longtems dans une mission etendue comme la mienne, dans des tems plein de troubles et dont le foyer est ici, je n'ai pu éviter aussi long (*je n'ai manquer d'être aussi long*).

Je suis arrivé à Stoutgard, et avant que de voir le Duc, je reçus le courier Meyendorff, chargé de la dépêche circulaire que V. E. a eu la bonté de madresser (*où V. E. me donne des ordres*).

(Все остальное, отъ словъ: Je comparus, и т. д., вычеркнуто).

Je comparus devant le Duc, et lorsqu'il nous fumes seul à seul, je lui parlais des diverses bruits qui se repandent en Allemagne et du peu de.... je lui citois ce qui se disait de lui; et comme je crus apercevoir et apercevant qu'il m'écoutait et se justifiait avec une sorte d'embarras, je continuais à peu près ainsi... (*Sans le faverai qu'il m'étoit impossible*).

(*ici je Vous prie Monsieur*)

Je lui parlais insensiblement des états du Duché de Wurtemberg, je lui rapellois qu'ils l'avaient mis sous une sorte de tutelle, du déplaisir avec le quel ils voyoient ses liaisons avec les deux cours Impériales et de la joye qu'ils anvoient s'ils voyaient leur maître assez mal dans l'esprit de l'Empereur. Ma conversation chez M^r. le Comte, dont je ne donne ici que le précis, fit son effet, le Duc qui m'écoutait d'abord avec reserve, abonda en mon sens, reitera mille protestations d'attachement pour l'Impératrice et me confia cependant son mecontentement de l'Empereur.

17.

ГРАФЪ РУМЯНЦОВЪ ВИЦЕ-КАНЦЛЕРУ ГРАФУ ОСТЕРМАНУ.

Франкфуртъ, Юля 4 (15) д. 1785.

... Дошло до свѣдѣнія моего, что по старанію прусскаго министерства Гильдесгеймскій капитулъ въ тайнѣ избралъ господина

Фирстемберга преемникомъ нынѣшняго епископа, коего дряхлость извѣстна. Въ Касселѣ, въ видѣ личной ко мнѣ довѣренности, предъявлены мнѣ были всѣ бумаги, касающіяся негодіаціи графа Гѣрца, изъ коихъ явствуетъ, что ландграфъ ни въ какое не вошелъ обязательство, что обѣщаль поступокъ свой сообразовать съ поступкомъ ганноверскаго министерства, почитая англійскаго короля другомъ императорскихъ дворовъ и что король прусскій по видимому имѣлъ намѣреніе возжечь противъ императора войну; перенять войски ландграфовы за субсиды и употребить ихъ яко вспомогательный корпусъ. Ландграфъ мнѣ поручилъ просить Ея Величество, дабы она всемилостивѣйше соизволила стараніе свое употребить о произведеніи его вкупѣ съ герцогомъ Виртембергскимъ въ достоинство Курфиртское, примѣтя мнѣ, что симъ образомъ австрійскій домъ пріобрететъ въ свою пользу два голоса новыхъ при избраніи Римскаго короля. Еще Вамъ сказать имѣю, что мнѣ заподлинно извѣстно, что въ инструкціи господина Бильвица сказано: что король прусскій ошибается, есть ли считаешь, что въ ведесть, когда похочетъ, въ войну ганноверское министерство, что Ганноверскій курфиртъ въ случаѣ внезапнаго воспаленія оной, имянно себѣ предоставляетъ право, какъ говорится на французскомъ языкѣ *сохранить себѣ перо* въ рукахъ. Ганноверское министерство послало куріера въ Англію для полученія себѣ дальныхъ предписаній.

18.

ГРАФЪ РУМЯНЦОВЪ ГРАФУ ОСТЕРМАНУ.

Франкфуртъ 19 (30) Августа д. 1785.

(Шифровано.)

Герцогъ Виртембергскій писалъ ко мнѣ вновь въ видѣ дружескаго, а не дипломатическаго сношенія, сколь много онъ примѣчаетъ остуды, если не инаго чего либо въ поступкѣ Вѣнскаго двора, давъ мнѣ притомъ выразумѣть, что легко сбыться можетъ, что въ противную сему двору партію перекинется, примолвя однакожь, что воля нашей Государыни много надъ нимъ подѣйствовать можетъ. Письмо сіе писано съ особливымъ къ Ея Императорскому Величеству почтеніемъ; однакожь Герцогъ въ ономъ помѣстилъ, что имѣвъ желаніе вновь писать къ Государынѣ, воздержался отъ того, видя что прежнія его письма оставлены безъ отвѣта. Гофенфельсъ

опять появился въ здѣшнихъ окольныхъ, бывъ въ Дибургѣ и въ Дармштадтѣ пребываетъ нынѣ въ Швальбахѣ, не взирая на то, что время цѣленія у тамошнихъ водъ уже прошло. Завтрашняго дня отправлюсь, Ваше Сіятельство, въ Карlsruэ для исполненія при маркграфѣ Баденскомъ даннаго мнѣ въ извѣстномъ циркулярномъ письмѣ приказанія. На сихъ дняхъ пришло сюда повелѣніе, чтобы надобныя сдѣлать приуготовленія для прохода черезъ здѣшній край еще императорскихъ войскъ въ Нидерланды.

19.

ГРАФЪ РУМЯНЦОВЪ ВИЦЕ-КАНЦЛЕРУ ГРАФУ ОСТЕРМАНУ.

Франкфуртъ н./М., Сентября 5 (16) д. 1785.

(Шифровано.)

...Король Прусскій безмѣрное прилагаетъ стараніе о умноженіи своихъ адгерентовъ. Г. Бемеръ въ качествѣ посланника его, представляя пользу приступленія къ извѣстной лигѣ, прибылъ въ Кассель, а отъ туда сюда, понѣже отправился въ Майнцъ, откуда поѣдетъ въ Карlsruэ и въ Дармштадтъ. Изъ Касселя отпустили его не давъ рѣшительнаго отвѣта, и тѣмъ крайне озлобили противу ландграфа адгерентовъ прусскихъ. Вчерась за вѣрное мнѣ сказано, что курф. Майнцкій, не взирая на данное имъ тайное увѣреніе о дружбѣ своей, намѣренъ однакожь отъ подписанія лиги отказаться, что Дармштадтскій владѣтель учинить — мнѣ еще не извѣстно, но Баденскій маркграфъ являетъ склонность приступить къ сему союзу трехъ курфюрстовъ. Духовные чины уже большею частью особливой свой союзъ подписали для недопущенія до умаленія ихъ владѣній и власти. Опрічь нѣкоторыхъ принцовъ, опрічь барона Штейна и опрічь прибывшаго нынѣ въ министерскомъ качествѣ барона Бемера, Берлинскій дворъ употребляетъ подъ рукою еще многихъ иныхъ особъ для склоненія къ себѣ Германскихъ чиновъ, и увѣряютъ меня, будто бы нынѣ къ симъ скрытымъ особамъ присталъ какой то баронъ Тунъ отъ имени короля Шведскаго. Баронъ Гофенфельсъ былъ у меня на визитѣ, но я его не принялъ, а встрѣтившись со мною въ комедіи подошелъ съ изъявленіемъ обыкновеннаго почтенія, но я на сіе отвѣтствовалъ мало и сухо.

Возвращаясь изъ Карlsruэ, былъ я въ Штутгартѣ и успокоилъ въ нѣкоторой степени огорченіе герцога; я крайне жалѣть дол-

женъ, Ваше Сіятельство, что мнѣ по нынѣ еще не доставленъ отвѣтъ Ея Императорскаго Величества на разныя герцоговы письма.

20.

ГРАФЪ РУМЯНЦОВЪ Е. С. ГРАФУ СЕМЕНУ РОМАНОВИЧУ
ВОРОНЦОВУ.

Франкфуртъ, Ноября 25 (Декабря 6) дня 1785.

Въ началѣ Августа мѣсяца встрѣтился я въ Карлсругѣ съ владѣтельнымъ принцомъ Ангальтъ-Дессаускимъ, который, будучи тамъ проездомъ, объявилъ мнѣ, что по причинѣ извѣстнаго мнѣ болѣзненнаго его припадка отправляется въ Пломбьеръ, для исکانія тамъ здравію своему помощи: въ половинѣ Октября сей принцъ, возвращаясь къ себѣ скоростижно чрезъ Франкфуртъ проѣхалъ. Нынѣ же самымъ вѣрнымъ посредствомъ дошло до меня, что сей принцъ былъ между тѣмъ въ Лондонѣ и личное съ королемъ свиданіе имѣлъ, обстоятельство, которое и вашего и моего вниманія достойно, потому, что поводомъ сего принца Берлинскій дворъ положилъ въ Германіи первое основаніе лиги, и что, если разсуждаю срокъ возвращенія принца Ангальтскаго, то видится мнѣ, что съ того времени извѣстная лига много получила приращенія и Ганноверскіе министры не менѣе Прусскихъ о событіи ея и умноженіи явно домогаться стали. Ваше Сіятельство меня одолжите, когда скажете, что о такомъ свиданіи до свѣдѣнія Вашего дошло или дойдетъ; также сказано мнѣ, что подозрѣваютъ, но за подлинно увѣрить не могутъ, не имѣлъ ли сей принцъ и въ Парижѣ подобнаго переговора; а о Лондонскомъ прошу не имѣть ни малѣйшаго сомнѣнія, онъ дѣйствительно существовалъ.

21.

ГРАФЪ РУМЯНЦОВЪ ГРАФУ ОСТЕРМАНУ.

Франкфуртъ, Ноября 11 (22) д. 1785.

Увѣряютъ меня, что наслѣдный принцъ Прусскій писалъ уже къ новому Ландграфу Гессенъ-Кассельскому, что отъ него болѣе ожидаетъ склонности къ извѣстной лигѣ, нежели покойный его родитель изъявлялъ, котораго, говорятъ онъ, Россійскій и Цесарскій

министры способъ нашли ослѣпить надеждою полученія Курфирстскаго достоинства, что сіе достоинство получить онъ скорѣе посредствомъ *ми*, потому что въ числѣ ея находятся уже четыре курфирста, и что по кончинѣ нынѣшняго Баваро-Пфальцаго, большинство голосовъ въ курфирстской коллегіи находится будетъ въ рукахъ короля Прусскаго и отъ него зависѣть будетъ даровать курфирстское достоинство и корону Римскаго короля. Сей разсчетъ, по мнѣнію моему, заслуживаетъ наибольшаго вниманія и ясно показываетъ надобность, не упуская времени, прибавить одинъ или два голоса курфирстскихъ въ пользу для вѣнскаго двора.

Принцъ Брауншвейгскій Фердинандъ на первый призывъ, чиненный ему посредствомъ генерала Ленгсфельда не подался, но на второй, чиненный Герцогъ упорство отложивъ, отправился въ Цотсдамъ.

Съ совершеннымъ, и проч.

22.

ГРАФЪ РУМЯНЦОВЪ ГРАФУ ОСТЕРМАНУ.

Frankfort. Le 19 (30) Décembre 1785.

...Графъ Траутмансдорфъ и нѣкто еще иной сказали мнѣ, что г. Штейнбергъ по долгомъ отрицаніи писалъ однакожъ нынѣ къ Государю своему согласно съ желаніемъ ненавистниковъ вѣнскаго двора, что неотмѣнно должно пригѣпить къ себѣ Майнцкій капитулъ денежною издержкою, и прожилъ на таковой конецъ 100 т. пистолей, что нашими деньгами составляетъ болѣе 400,000 рублей.

23.

ГРАФЪ РУМЯНЦОВЪ ГРАФУ ОСТЕРМАНУ.

Октября 12 (23) 1787.

Баронъ Голцъ, адъютантъ короля Ф. В. II прусскаго, самый тотъ, который при концѣ семилѣтней войны противу насъ татаръ возмутилъ, объѣзжаетъ нынѣ германскихъ принцевъ, поджигая ихъ къ войнѣ, и беретъ свѣдѣнія и разсуждаетъ какъ въ здѣшнемъ краѣ ее вести можно: все сіе чинится однакоже такъ безпорядочно, что кажется по днесъ быть отъ части плодами личныхъ и неосновательныхъ замысловъ.

24.

ГРАФЪ Н. П. РУМЯНЦОВЪ ВИЦЕ КАНЦЛЕРУ ГРАФУ
ОСТЕРМАНУ.

Франкфуртъ, Ноябрь 24 (Декабря 5) д. 1788.

Изо всѣхъ принадлежностей моихъ точною собственностью почесть могу единую только пенсію, получаемую въ качествѣ кавалера ордена св. Равноапостольнаго Князя Владиміра. Сію собственность, кою обязанъ я Всевысочайшей Монаршей милости и которую приобрѣлъ хотя малымъ личнымъ однакожь служеніемъ, намѣренъ я, милостивый государь, обратить въ полезное обществу опредѣленіе, и, сообразуясь малости суммы, для достиженія желаемаго предмета слѣдующій способъ обрѣтаю.

Прошу Ваше Сіятельство изходатайствовать Всевысочайшее монаршее соизволеніе, дабы изданы были въ печать негоціаціи и депеши тѣхъ Россійскихъ министровъ, кои со временъ царствованія блаженной памяти Петра Великаго въ дѣлахъ употреблены были и коихъ донесенія, въ разсужденіи отдаленіи временъ безъ неудобства могутъ быть обнародованы, и на издержки тисненія или въ награду тому, коему порученъ будетъ трудъ пересмотра, употребить принадлежащую мнѣ въ качествѣ кавалера вышереченнаго ордена пенсію.

Отъ Вашего Сіятельства зависитъ распорядить употребленіе сихъ денегъ, или соразмѣрно съ числомъ издаваемыхъ въ печать книгъ или же съ теченіемъ времени употребляемаго на составленіе оныхъ.

Если Ваше Сіятельство почтете невозможнымъ изходатайствовать позволеніе обнародовать оныя депеши, коихъ и самый давнѣйшій срокъ не весьма еще отдаленъ отъ нашихъ дней, то прошу въ такомъ случаѣ обратить всю мою годовую пенсію въ награжденіе тому, кто лучшее сочинитъ, по мнѣнію Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ, повѣствованіе мирныхъ, союзныхъ и торговыхъ Россійскихъ съ прочими державами постановленій со временъ царствованія государей дома Романовыхъ, предлагая каждый годъ отъ имени Коллегіи новый трактатъ въ предметъ такового изслѣдованія; и если память меня не ошибаетъ, то таковое Россійской дипломатикки собраніе начнется Столбовскимъ миромъ, заключеннымъ въ 1617 году между Царемъ Михаиломъ Феодоровичемъ и Густавомъ Адольфомъ посредствомъ медиаціи Аглинскаго короля и трудомъ Англичанина.

коего, помнится мнѣ, рукописныя наши книги именуютъ Жонъ Мерикъ.

Не отрынте, Милостивый Государь, сіе мое прошеніе, будьте у Всевысочайшаго престола ходатаемъ исполненія онаго и скажите, что, видя Монаршій великій трудъ, дослѣжающій благо общее и въ малыхъ его частяхъ, не дивно, что каждый сынъ отѣчества таковымъ духомъ заражается и разсуждая безсиліе свое не коснѣеть однакоже и маломощіе свое на таковой же конецъ обратить. Исполненіе сего прошенія моего вмѣню я въ знакъ милости и благодарности моя будетъ безпредѣльна. Когда сіе сбывается можетъ, то прошу Ваше Сіятельство начать внесеніемъ къ себѣ денегъ, слѣдующихъ мнѣ за сентябрьскую треть вышереченной пенсіи и продолжать принятіе и употребленіе оной доколь она продлится.

IV.

THE MARQUIS OF CARMARTHEN TO M' FITZ-HERBERT.

St. James's, August. 16. 1785.

(Extracts.)

Count Woronzow has communicated to me a letter he received from the Vice-Chancellor, a Translation of which I inclose, on the Subject of the German League, and the Displeasure which the Empress feels at seeing that measure so strongly supported by His Majesty in His Electoral Capacity. The Chief Ground of discontent appears to be any likelihood of a close connection between England & Prussia, with which latter Power Russia seems to be at present on terms of the greatest jealousy & distrust. I trust that the confidential communication you will have made to M. Besberdkow, for the Empress's private information, will have produced it's natural effect, I mean the convincing that Princess, of the Fairness and candour with which the King wishes to communicate His Sentiments to Her Imperial Majesty upon every occasion where the material interests of the respective Countrys are so essentially concerned

The change of system which Count Osterman insinuates as the consequence of a connection between England & Prussia, must be interpreted as pointing at an alliance between Russia and France, and as such an alliance must be extremely displeasing to Great Britain, the merely alluding to it was perhaps thought sufficient to terrify us into a compliance with any views the Imperial Courts might adopt, at the same time however that this connection is held out in terrorem, Count Woronzow represents the Courts of Versailles & Berlin as acting in perfect concert, and represents the latter as the determined Enemy of that of Petersburg. How it is possible to reconcile these inconsistent speculations I must leave to the Russian Ministers to determine.

I think it but too probable that the Emperor may endeavour to bring the Courts of Petersburg & Versailles to a nearer connection than has hitherts subsisted (or I trust ever will) between them. And it will be absolutely necessary for us to watch every motion, which can possibly indicate the least progress towards such an event. The silence of France on the subject of the German Confederacy, may be construed by either party as friendly to their particular views, and till such time as a more decided conduct in respect to the real connection between Vienna & Versailles shall disclose itself, the whole system of Europe must remain involved in obscurity.

Count Woronzow affects to assure us of the support of Russia in a future war in case we do not adopt a system at present contrary to that of the Empress, but as that Minister has not informed us of the nature, or object of that System it is impossible to Know how far we may be acting contrary to or consistently with it. Friendly professions towards England have been frequent on the part of Russia, the effects of those professions have however been constantly frustrated by some untoward accident no doubt, as they must have been sincerely intended to have been effectual. This must be allowed however to have been an unfortunate circumstance for both Countrys, not only on account of past transactions, but in regard to our present situation, and our future views, for it is not possible but that frequent disappointment may create distrust, the inevitable consequence of which must be our withholding that confidence in the friendship & support of Russia, she expects her verbal assurances should be entitled to, until we find measures actually carrying into effect, for the due performance of them.

.....

(Переводъ.)

ОТЪ МАРКИЗА КАРМАРТЕНЪ КЪ Г. ФИЦГЕРБЕРТУ.

С. Джемсъ, 16 Августа 1785.

(Извлеченія.)

Графъ Воронцовъ сообщилъ мнѣ письмо, полученное имъ отъ Вице-Канцлера, переводъ котораго прилагаю, по поводу Германскаго союза и неудовольствія, съ которымъ Императрица видитъ, что мѣра эта столь сильно поддержана Его Величествомъ, какъ Курфирстомъ. Главнѣйшая причина недовольства, повидимому, заключается въ возможности тѣснаго союза между Англіей и Прус-

сией, ибо къ послѣдней изъ этихъ державъ Россія какъ кажется относится въ настоящую минуту съ величайшей завистью и недо-
вѣрjemъ. Надѣюсь, что конфиденціальное сообщеніе сдѣланное Вами
г. Безбородко для частнаго свѣдѣнія Императрицы достигло есте-
ственныхъ послѣдствій, т. е. убѣдило эту Монархиню въ искрен-
немъ желаніи и готовности Короля сообщать Ея Императорскому
Величеству свои мысли по поводу всякаго вопроса, столь существен-
но затрагивающаго матеріальные интересы обоихъ государствъ...

.....
Перемѣна системы, на которую графъ Остерманъ намекаетъ какъ
на послѣдствіе союза между Англіей и Пруссіей, слѣдуетъ объ-
яснить въ смыслѣ указанія на союзъ Россіи съ Франціею, и такъ
какъ подобный союзъ долженъ быть чрезвычайно непріятенъ Ве-
ликобританіи, одинъ намекъ на него, вѣроятно, былъ сочтенъ
достаточнымъ для того чтобы вынудить насъ согласиться на всѣ
виды Императорскихъ Дворовъ; но рядомъ съ этимъ союзомъ, ука-
зываемымъ намъ для устрашенія, графъ Воронцовъ описываетъ, что
Дворы Версальскій и Берлинскій дѣйствуютъ по полному соглаше-
нію, и изображаетъ послѣдній отъявленнымъ врагомъ Петербург-
скаго; какъ согласить между собой эти противорѣчивыя предполо-
женія — это я предоставляю на разрѣшеніе Русскихъ Министровъ.

Весьма вѣроятно, что Императоръ попытается привести Дворы
Петербургскій и Версальскій къ болѣе тѣсному сближенію, чѣмъ то,
которое до сихъ поръ существовало (или надѣюсь будетъ когда
либо существовать) между ними; для насъ совершенно необходимо
наблюдать за малѣйшимъ проявленіемъ, могущимъ указать на при-
ближеніе подобнаго событія. Молчаніе Франціи по поводу Герман-
ской конфедераціи можетъ быть объяснено каждой изъ партій въ
смыслѣ благопріятномъ для ея личныхъ видовъ, и до тѣхъ поръ
пока не опредѣлится болѣе точнымъ образомъ сущность отношеній
между Вѣной и Версалю, вся система Европейской политики оста-
нется погруженной во мракъ.

Графъ Воронцовъ старается увѣрить меня, что Россія поддер-
житъ насъ въ будущей войнѣ въ случаѣ если мы въ настоящую
минуту не примемъ системы противорѣчащей политикѣ Импе-
ратрицы; но такъ какъ этотъ Министръ не сообщалъ намъ сущно-
сти и цѣли этой системы, то мы не можемъ знать насколько соот-
вѣтствуютъ или противорѣчатъ ей наши поступки. Увѣренія въ
дружбѣ къ Англіи были весьма часты со стороны Россіи, однако
результатамъ этихъ увѣреній постоянно мѣшали различные случаи,

безъ сомнѣнія непредвидѣнные, ибо имѣлось въ виду искреннее намѣреніе ихъ осуществить. Тѣмъ не менѣе это составляетъ несчастное обстоятельство для обоихъ государствъ, не только по поводу прежнихъ сношеній, но и относительно настоящаго нашего положенія и видовъ нашихъ въ будущемъ, ибо частыя разочарованія могутъ вызвать недовѣріе, вслѣдствіе котораго мы конечно не будемъ въ состояніи полагаться на дружбу и поддержку Россіи такъ какъ бы она того желала на основаніи ея словесныхъ увѣреній, до тѣхъ поръ пока мы не увидимъ мѣръ, клонящихся къ ихъ осуществленію.

.....

V.

1.

PRÉCIS D'UN MÉMOIRE PRÉSENTÉ À LA PORTE OTTOMANNE
PAR L'AMBASSADEUR DE FRANCE, COMTE DE CHOISEUL.
CONSISTANT EN DIFFÉRENTES RÉFLEXIONS SUR SA SITUATION PRÉSENTE.

1° Reflexion.

Sur les préparatives continuelles de l'Empereur et de la Russie, sur la possession usurpée de la Crimée et sur les suites fâcheuses, que cette possession peut occasioner à la Porte, si elle ne tache pas de chasser les Russes de cette province.

2°

Sur Les persecutions sans relache contre la Circassie et la Georgie de la part de la Russie, qui n'étant point contente d'en avoir le titre de la supreme Souveraineté sur la dernière province, cherche par tous les moyens de s'y faire despotique.

3°

Toutes les demandes, que l'Empereur fait sur les confins de la Bosnie, ne servent que pour chercher l'occasion de rompre avec la porte, quand le tems lui sera favorable.

4°

Idée generale des deux cours Imperiales de chasser les Turcs de l'Europe entiere, de la cote de la mer Noire et de l'Archipel.

5°

Le Roi de France pénétré de la position dangereuse de la porte lui fait les propositions suivantes :

La France tachera de faire une alliance avec les Cours de Prusse

et de Suede en faveur de la Porte, et en meme tems Elle procurera de faire attaquer les possessions autrichiennes en Lombardie par la Sardaigne et Naples.

La France donnera une flotte de vingt vaisseaux et vingt mille hommes de troupes pour faire une descente generale en Crimée, unie avec toutes les forces de l'Anadolie, et en meme tems elle tachera de procurer une revolution parmi les Tartares à l'entour de la mer Caspienne, de Casan et d'Astrakan.

Le Roi de Prusse attaquera la Boheme et la Courlande, la porte, la Croatie et le Bannat, le Roi de Suede — la Livonie et la Finlande, où il fait de preparatives necessaires en secret, et enfin la France la Flandre. Les Troupes de Brunswig avec une partie de l'armée de Saxe tomberont sur l'Holstein, si le Roi de Dannemark se declarera ouvertement pour la Russie ou s'il cherchera a faire quelque demarche.

Les ports de Sinop et de Trepizon peuvent servir de magazin general, et Constantinople d'une retraite.

La Porte ne doit entrer dans aucune négociation avec l'Empereur sans la garantie des susdites puissances alliées. Mais en cas, que l'Empereur montre de l'inclination pour abandonner sa liaison avec la Russie, alors la porte peut sacrifier quelque partie des terres, que l'Empereur demande.

Comme l'Empereur et la Russie n'asprient à rien moins qu'a envahirie toutes les possessions turques en Europe, la Porte doit continuer la reforme militaire, pour laquelle la France lui enverra tant d'officiers, qu'il sera necessaire.

Pour tous ces services, la France étant persuadée de la generosité de la Porte ottomane, ne demande autre chose, que la cession d'une partie d'Egypte (ou le grand Seigneur ne commande qu'en ombre, et dont les rentes ne sont d'aucune consequence pour la Porte). En meme tems la France se reserve exclusivement le commerce des Indes par Suez et Aléxandrie. En cas de besoin pour protéger le commerce elle aura la liberté de construire une citadelle sur la mer rouge à Geda.

2.

КОРОЛЬ ФРИДРИХЪ II ПОВЪРЕННОМУ ВЪ ДЪЛАХЪ ВЪ
 КОНСТАНТИНОПОЛЪ, ДИЦУ.

26 Января 1785.

J'ai recu vos rapports du 10. & 24. Décembre de L'année passée

avec les propositions de la Porte pour conclurre un Alliance avec Elle, la France & la Suede.

Mais comme je ne pense nullement d'entrer dans une Negociation avec ces gens là, vous leurs ferés sentir qu'ils doivent s'adresser auparavant à la France, et si cette Cour après me fera des propositions la dessus, je sçaurai à quoi m'en prendre, car en general, je vous recommande serieusement de ne vous meler dans aucun' Affaire la bas, sur quoi je prie le Dieu qui vous aide.

Frederic.

Potadam le 26. Janvier 1785.

A mon Chargé d'Affaire Dietz à Constantinople.

3.

TRADUCTION D'UN EXPOSÉ FAIT PAR LE MINISTERE DE LA PORTE AU GRANVIZIR POUR ETRE PRESENTÉ AU SULTAN.

Il se vérifie qu'il s'agit d'échanger la Principauté de la Baviere qui existe dans l'Empire Germanie contre le pays qui autrefois a été conquis par la France sur les Olandés et qui se trouve actuellement sous sa domination. L'intention de la France par un tel projet est d'allumer le feu de la guerre entre les Puissances de l'Europe. L'Empereur retire ses troupes de ces cotés ici et les envoie vers la Baviere. La requisition du Roi de Prusse de faire une alliance avec la Sublime Porte, ses insinuations que la Sublime Porte ne doit pas se fier des Autriciens, et ses invitations presentes à la guerre, n'aboutissent qu'à sa propre conservation. Le Roi de Prusse est depuis longtemps en alliance avec la Russie. Entre la Cour de France et le Roi de Prusse il n'existe pas de la confiance, et quoique l'une et l'autre voudroient s'allier ensemble, la France ne veut pas conclure cette alliance sans que le Roi de Prusse annule celle qu'il a avec la Russie: et comme la France insiste là de sus, leur alliance ne peut pas avoir lieu. Si le Roi de Prusse s'allie avec la France, dans ce cas la Cour de Vienne seroit forcée de rompre l'alliance qu'elle a avec la Russie. Il n'est pas de l'interet de la Sublime Porte de s'entremeler avec eux, ni de prendre le parti de quelqu'un. La démarche de la France d'avoir fait un Traité écrit en arabe avec les Beis du Cair pour avoir contre les anciens regles de la Sublime Porte la navigation de ses Bâtimens dans le golf de Sues, n'est fondé que pour se procurer un moyen pour reussir à obtenir la navigation de la mer noire qu'elle a à coeur: mais tant ce point de la mer noire, que celui de Sues, ne

peut nullement etre accepté par la Sublime Porte. Pour le payement de cinq mille piastre que les Prussiens en présentant des memoirs reiterés exigent par l'Agent Mustafa. Aga, on donnera des ordres positifs à ce dernier pour qu'il les paye. Ce que venant à la connoissance de V. A. il dependera des ordres de celui qui a le pouvoir d'ordonner.

4.

ЗАПИСКА ДЛЯ РУКОВОДСТВА Г-НУ ЖЕНЕ, ФРАНЦУЗСКОМУ ПОВѢРЕННОМУ ВЪ ДѢЛАХЪ ВЪ РОССІИ ВО ВРЕМЯ ОТСУТСТВІЯ ГРАФА ДЕ-СЕГЮРА.

Отъ 5-го октября, 1789.

До полученія новыхъ предписаній отъ двора г. Жене обязанъ имѣть единственнымъ предметомъ своего назначенія—поддержаніе нашихъ дѣлъ и нашего кредита въ томъ же положеніи, въ которомъ они находятся въ настоящее время, и противодѣйствіе усиліямъ тѣхъ державъ, которыя пожелали бы заставить насъ утратить наше вліяніе въ Россіи.

Для достиженія этой цѣли необходимо съ точностью уяснить себѣ тѣ побужденія, которыя такъ долго раздѣляли оба двора, равно какъ и тѣ, которыя содѣйствовали ихъ сближенію, войти въ виды нашихъ противниковъ и найти средства противодѣйствовать имъ.

Франція и Россія, расположенныя на двухъ оконечностяхъ Европы, слишкомъ отдалены одна отъ другой, чтобы вредить взаимно. Произведенія, свойственныя каждой изъ этихъ странъ, ихъ торговыя потребности сближаютъ ихъ, общность же политическихъ интересовъ должна способствовать ихъ соединенію. Въ нихъ обѣихъ заискиваютъ и боятся ихъ — императоръ и король Прусскій. Интересъ обѣихъ состоитъ въ избѣжаніи утраты равновѣсія въ *Имперіи*; обѣ одинаково должны опасаться и избѣгать войны въ Германіи, необходимо подрывающей ихъ интересы, нисколько для нихъ не выгодной и могущей ихъ разорить. Вслучаѣ успѣха, система ихъ и силы, эти два могущественные противовѣса, могутъ удержать неподвижно вѣсы Европы и обезпечить общее спокойствіе. Обширный геній Петра Великаго, создавая свою имперію и знакомясь съ Европою посредствомъ путешествій, постигъ эту великую истину, которая потомъ, вслѣдствіе особенныхъ обстоя-

тельствъ, личной неприязни и политическихъ дразгъ была надолго упущена изъ виду.

Петръ III, расторгнувъ союзъ съ нами, былъ причиною всѣхъ несчастій и постыднаго мира въ 1763 году. Екатерина II, лишивъ насъ вліянія въ Польшѣ, раздражила тѣмъ г. де-Шуазёля. Министръ этотъ убѣдилъ покойнаго короля отмстить Россіи; онъ заставилъ Порту объявить ей войну, и способствовалъ славѣ Россіи, желая довести её до гибели. Съ этой поры Франція и Россія стали врагами. Въ Версалѣ подумали, что Императрица желаетъ уничтожить Оттоманскую имперію, сохраненіе которой намъ нужно было въ виду нашихъ коммерческихъ интересовъ. Въ Петербургѣ же заключили, что французскій король рѣшилъ предать Россію въ руки Турокъ и Шведовъ. Пруссія усиливала и поддерживала эти обоюдныя предубѣжденія, препятствующія союзу между Франціей и Россіей, который обречь бы Берлинскій дворъ на бездѣйствіе и миръ. Англія между тѣмъ пользовалась этими раздорами, чтобы захватить въ Петербургѣ наибольшій кредитъ — для обезпеченія себѣ торговой монополіи, дозволявшей ей пускаться въ ходъ до пятисотъ и шестисотъ своихъ судовъ — при совершенномъ устраненіи нашего мореплаванія по сѣвернымъ морямъ.

Россія, отстраняя Пруссію, чтобы соединиться съ императоромъ, нашимъ союзникомъ, ничего не измѣнила въ своихъ предубѣжденіяхъ противъ насъ, ни въ нашихъ подозрѣніяхъ относительно ея видовъ. Этотъ союзъ имѣлъ послѣдствіемъ охлажденіе къ императору и увеличилъ наши опасенія касательно паденія Оттоманской имперіи.

Когда графъ де-Сегюръ прибылъ въ Россію въ 1785 году, то цѣлію его было проникнуть тайныя намѣренія обоихъ императорскихъ дворовъ, воспрепятствовать, по возможности, готовому уже, повидимому, нанесенію удара Портѣ, и между тѣмъ какъ онъ дѣйствовалъ такимъ образомъ въ однихъ видахъ съ Турціей, Швеціей и Пруссіей, тремя враждебными Россіи державами, въ то же время онъ долженъ былъ стараться о снисканіи вновь дружбы и довѣрія Петербургскаго двора, о вмѣшательствѣ короля въ несогласія, могущія возникнуть между Портой и Россією, онъ долженъ былъ наконецъ подрывать англійскій кредитъ и стараться о пріобрѣтеніи для нашей торговли преимуществъ, которыми пользовалась Англія. Эти проекты казались противорѣчащими одинъ другому. Но Сегюръ былъ довольно счастливъ, чтобы исполнить всѣ пункты этой инструкціи. Онъ узналъ, что ни одинъ изъ императорскихъ дворовъ не имѣлъ

намѣренія разрушить Оттоманскую имперію, но только желаніе— удержать её въ границахъ, опредѣленныхъ послѣдними трактатами, и что если на князя Потемкина и находили минуты болѣе честолюбивыхъ стремленій, то размышленіе, опасеніе препятствій и благоразуміе Вѣнскаго двора уничтожали эти поползновенія къ завоеваніямъ, которыя Прусскій дворъ выдавалъ намъ за планы уже рѣшенные—ради того только, чтобы насъ раздражать.

Успокоенный относительно этого важнаго пункта, графъ де-Сегюръ постарался хотя не съ трудомъ, но не безуспѣшно уничтожить предубѣжденія Россіи и доказать, что мы желаемъ только сохранить существованіе Турокъ, но не возбудить ихъ мщеніе; что мы предоставляли имъ только средства защиты, но не подавали совѣтовъ нападать; что связи наши съ Швеціею не имѣли другой цѣли, кромѣ обезпеченія ея спокойствія, и что, наконецъ, эта благоразумная система можетъ измѣниться только въ такомъ случаѣ, если Россія возьмѣтъ замыслы завоевательныя.

Какъ только взаимныя предубѣжденія ослабѣли, то естественныя поводы къ сближенію приняли вновь нѣкоторую силу. Послѣдовало соглашеніе съ цѣлію успокоенія Берлинскаго и Вѣнскаго дворовъ, раздраженныхъ довольно сильнымъ споромъ по поводу объѣма Баваріи. Франція была приглашена употребить свое вмѣшательство для умиротворенія разногласій Россіи и Порты, возбужденныхъ изъ-за Грузіи. Разрывъ, казавшійся неизбежнымъ между этими двумя державами, былъ предупрежденъ посредствомъ конвенціи, составленной г. де-Шуазѣлемъ въ 1786 году, и графъ де-Сегюръ, воспользовавшись неудовольствіемъ противъ Англіи за ея присоединеніе къ лигѣ короля Прусскаго и курфюрстовъ, успѣлъ въ началѣ 1787 года заключить съ Россіею дружественный и торговый союзъ въ ту минуту, когда англійскій министръ считалъ бесполезнымъ возобновленіе своего (торговаго союза), и такимъ образомъ на долю Франціи достались въ это время въ Петербургѣ всѣ тѣ выгоды, которыя утрачивала Англія.

Во все время этихъ переговоровъ графъ де-Сегюръ находилъ сильную поддержку въ графѣ Кобенцицѣ, потому что императоръ хотѣлъ наказать Англію за ея присоединеніе къ Прусской лигѣ, и сверхъ того искренно желалъ сближенія своихъ двухъ союзниковъ, разрывъ между которыми могъ быть только очень стѣснительнымъ для его политики.

Вслѣдъ за подписаніемъ трактата Императрица уѣхала осматривать Крымъ въ сопровожденіи вѣнскаго посла и француз-

скаго и англійскаго министровъ. Впродолженіи этого путешествія между Портой и Россіей возникли новыя распри по поводу Грузіи. Князь Потемкинъ, не внимая ничему кромѣ своей страсти, отправилъ Булгакову недостаточно-взвѣшенные предписанія, которыя Булгаковъ пренебрегъ довести до свѣдѣнія г. де-Шуазёля. Султанъ, встревоженный семи угрозами, которыя въ виду военныхъ приготовленій князя и свиданія императора съ Императрицею казались еще болѣе возбуждающими опасенія, приготовился выдержать войну. Графъ де-Сегюръ, обратившись къ русскому министерству съ горячими жалобами на недостатокъ довѣрія, выказанный королевскому послу при Портѣ, получилъ въ отвѣтъ самыя дружественныя заявленія и самыя удовлетворительныя объясненія: но курьеръ, отправленный къ г. Булгакову съ предписаніемъ сообщить ихъ г. де-Шуазёлю, былъ зарѣзанъ и ограбленъ въ дорогѣ, а посолъ короля, не получивъ свѣдѣній объ этихъ объясненіяхъ и не желая давать пищу подозрѣніямъ, внушаемымъ Туркамъ нашимъ вновь заключеннымъ трактатомъ, поощрялъ ихъ поставить себя въ достаточно-оборонительное положеніе и даже послать въ Очаковъ французскіе корабли и инженеровъ.

Эти неприятныя случайности нѣсколько возобновили съ одной стороны наши опасенія относительно русскаго честолюбія, а съ другой—недовѣріе Императрицы къ совѣтамъ, которые мы подавали Туркамъ. Однако же, не смотря на возникшее вслѣдствіе этого раздраженіе, графъ де-Сегюръ, поддерживаемый самимъ императоромъ, побудилъ министровъ Императрицы написать предложенія, самыя умѣренныя и наиболѣе удобныя для избѣжанія войны, и представить ихъ французскому королю съ просьбою побудить Оттоманское министерство принять ихъ. Отправленъ былъ курьеръ изъ Севастополя, который отвезъ въ Версаль эти предложенія, гдѣ они были очень одобрены, и г. де-Шуазель получилъ предписаніе энергично поддержать ихъ передъ Портой. Эту минуту можно считать эпохою перемѣны системы первостепенныхъ державъ Европы.

Англія и Пруссія, увлекаемая двумя честолюбивыми министрами, Герцбергомъ и Гаррисомъ, не могли перенести славы, корою покрывалась Франція, упрочивающая свое вліяніе на сѣверѣ и умиротворяющая югъ Европы, и эта зависть побудила ихъ повсюду разсыпать сѣмена интриги и раздоровъ: началась война, распространеніе и продолжительность которой предвидѣть еще невозможно.

Между тѣмъ какъ Императрица спокойно возвращалась въ свои

столицу и рассчитывала также какъ и мы на сохраненіе мира, прочность котораго обезпечивалась ея умѣренностію, министры англійскій и французскій въ Константинополѣ противодѣйствовали миролюбивымъ совѣтамъ г. де-Шуазёля. Они внушали великому визирю, что Франція измѣняла Туркамъ и соединилась съ обоими императорскими дворами; что погибель Оттоманской имперіи была рѣшена; что она была только отсрочена по случаю возмущенія въ Нидерландахъ противъ императора и вслѣдствіе ужаснаго голода, опустошавшаго Россію; что предложенія, сдѣланныя имъ, имѣли только цѣлю усыпить ихъ вниманіе, и что лучше Туркамъ предупредить непріятеля, чѣмъ ждать, чтобы онъ имѣлъ возможность осуществить свои обширные замыслы.

Сверхъ того сказанные министры представили великому визирю, что онъ навлечетъ на себя ненависть народа, если не воспользуется войсками, собрать которыя стоило большихъ издержекъ; что миръ будетъ стоять ему головы, и что можно тѣмъ болѣе подавать ему надежду на успѣхъ противъ Русскихъ, что король прусскій воспрепятствуетъ императору объявить себя противъ Турціи.

Такія поджигательныя рѣчи произвели желаемое дѣйствіе: предложенія Россіи были отвергнуты. Г. де-Шуазёль не могъ добиться отъ Турокъ ничего кромѣ несправедливыхъ предложеній, которымъ Россія не могла внимать. Однако же графу де-Сегюру удалось убѣдить русское министерство принять ихъ. Онъ увѣрился въ мирѣ, и располагалъ ухѣтать, когда узналъ, что Турки заключили Булгакова въ тюрьму и объявили войну Россіи не дожидаясь отвѣта изъ Петербурга.

Въ такомъ положеніи вещей система Франціи становилась затруднительною. Поддерживать Турокъ было бы несправедливостію въ отношеніи къ Россіи, и помогать имъ въ войнѣ, предпринятой противъ нашего желанія—по провскамъ Англій—было невозможно. Мы потеряли бы на сѣверѣ дружбу Россіи и наши торговыя выгоды. Если же мы объявили бы себя за Русскихъ, то намъ пришлось бы пожертвовать нашею левантскою торговлею, уничтожить Оттоманскую имперію и возбудить всеобщую войну. Нейтралитетъ казался самою благоразумною мѣрою. Король и выбралъ ее; но этимъ онъ не обезоружилъ ненависти враговъ нашихъ. Они рѣшили закончить дружескимъ соглашеніемъ распри между штатгудеромъ и Голландіею. Пруссскій король вошелъ туда и вооруженною рукою разрушилъ нашъ кредитъ. Наши внутреннія смятенія заставили насъ вытерпѣть это униженіе, за которое Испанія, по видимому,

не расположена была отмстить за насъ, Англія же соединилась съ Пруссіей и Голландіей, чтобы поддержать эту революцію. Такой смѣлый шагъ возбудилъ негодованіе и безпокойство Версальскаго двора, и графъ де-Сегюръ получилъ предписаніе развѣдать при Русскомъ Дворѣ и убѣдиться, не пожелаетъ ли онъ соединиться съ Франціею. На самыя первыя внушенія Императрица отозвалась такъ благопріятно, что еслибы только было желаніе, то союзъ былъ бы подписанъ почти тогда же, какъ предложень, и Россія обязалась бы въ эту первую минуту закрыть свои порты для Англіи; но рѣшеніе, принятое нами обезоружиться и сохранить миръ, заставило Версальскій дворъ холоднѣе отнестись къ союзу. Въ него захотѣли включить и Испанію. Пруссія нашла возможность убѣдить Испанію, что это было бы средствомъ возбудить всеобщую войну, между тѣмъ какъ было очевидно, что это было единственныиъ средствомъ помѣшать ей, потому что было бы невозможно, чтобы Англія и Пруссія дерзнули нападать на императора, Францію, Испанію и Россію, соединенныя вмѣстѣ.

Съ другой стороны переговоры эти были замедлены смутами, которыя Берлинскій и Лондонскій дворы возбудили въ Польшѣ. Россія видѣла, что единственною цѣлію дѣйствій Пруссіи въ Польшѣ было найти предлогъ къ расширенію — заставивъ-ли уступить ей Данцигъ, какъ цѣну за услуги, которыя она окажетъ Полякамъ, или возбудивъ новую войну, которая устраситъ оба императорскіе двора и заставитъ ихъ согласиться на новый раздѣлъ. И потому Императрица предложила намъ обязаться по нашему союзу противодѣйствовать всякому расширенію владѣній короля прусскаго въ Польшѣ. Наши смуты, заставляя насъ опасаться вмѣшаться въ войну не прямо до насъ касающуюся, посредствомъ этого обязательства заставили насъ отказаться отъ сего предложенія, что и пріестановило переговоры и уменьшило съ той и другой стороны желаніе приводить ихъ къ окончанію.

Однако же англо-прусская лига, идя вразрѣзъ съ мирными заявленіями, дѣлаемыми ею въ Мадридѣ, Петербургѣ и Версалѣ, распространяла все далѣе свои интриги и успѣхъ. Она разжигала шведскаго короля, который, отвергая наши совѣты, безъ всякаго повода объявилъ войну Россіи, предпринялъ ее безъ средствъ, велъ ее безъ искусства, подвергся пораженію, обратился къ нашему вмѣшательству прибѣгнувъ вмѣстѣ съ тѣмъ и къ другимъ, и отвергнувъ наконецъ наше посредничество, объявилъ, что не желаетъ

больше пользоваться никакимъ, кромѣ того, что представляетъ ему англо-прусская лига.

Эта лига, всегда предлагая миръ и постоянно разжигая войну, своими угрозами остановила и обезоружила Данію, которая хотѣла принудить Густава III просить мира, и заставила наконецъ Императрицу вступить въ войну съ Поляками, что и предоставляло Пруссакамъ давно-желанный предлогъ войти въ Польшу, или удалить всѣ ея войска съ территоріи республики, дозволившей имъ передъ тѣмъ свободный проходъ.

Между тѣмъ графъ де-Сегюръ имѣлъ удовольствіе убѣдиться, что Русскій дворъ въ это время подчиняется миролюбивымъ видамъ короля, дѣйствуетъ съ умѣренностію въ Швеціи и Польшѣ, терпитъ нападеніе съ одной стороны и лишаетъ другую всякаго предлога къ разрыву — выводя изъ Польскихъ владѣній русскіе полки.

Такой образъ дѣйствій и развитіе англо-прусскаго плана тревожнаго свойства принудили насъ возвратиться къ проекту союза четырехъ державъ, и дѣло шло уже о заключеніи его, когда отказъ Испаніи участвовать въ немъ и прямо увеличеніе нашихъ смуть побудили короля пріостановиться подписать его. Это рѣшеніе поколебало довѣріе къ намъ. Англичане и Пруссаки торжествовали. Они постарались внушить, что нечего было ожидать отъ насъ, и что если Россія сблизится съ ними и приметъ ихъ посредничество, то они перестанутъ противодѣйствовать ей, помогутъ ей достигнуть мира на желаемыхъ ею основаніяхъ, и что въ такомъ случаѣ Турки и Шведы будутъ немедленно принесены въ жертву.

Въ такихъ критическихъ для вліянія Франціи обстоятельствахъ, графу де-Сегюру нужно было имѣть много вниманія, дѣятельности и счастья, чтобы поддержать вліяніе и интересы этой державы. Ему удалось изобличить коварство Англо-Пруссаковъ, поддержать неудовольствіе, производимое ихъ честолюбіемъ и наглостію, съ которою они хотѣли предписывать законы Императрицѣ такимъ же образомъ, какъ и Даніи. Онъ поддержалъ надежды, которыя должны были внушать добродѣтель короля, его искренность и энергія французской націи. Ему позволено было настаивать на системѣ союза и ждать, чтобы возстановленіе нашихъ средствъ позволило намъ подписать его и осуществить. Прусское и англійское посредничества были отвергнуты, хотя и были приняты неопредѣленно и вѣжливо добрыя услуги всѣхъ державъ, и г. де-

Шуазёлю поручена была забота и тайна переговоровъ — посредствомъ официального письма отъ вице-канцлера, тождественнаго съ тѣмъ, которое онъ получилъ уже отъ князя де-Кауница.

Наконецъ, такъ какъ король шведскій не желалъ нашего вмѣшательства, то графъ де-Сегюръ употребилъ все отъ него зависящее, чтобы Русскій дворъ рѣшился помимо англійскаго посредничества вступить въ прямые переговоры со Швеціею, когда она потребуетъ мира, и въ настоящее время ему извѣстно, что въ этомъ состоитъ и желаніе русскаго министерства.

Напрасно стараются Англичане и Пруссаки — при помощи различныхъ интригъ — возбудить подозрѣнія то относительно помощи, оказанной нами Швеціи, то относительно стратегическихъ плановъ, которыми мы будто бы снабжали Турокъ. Эти тучи такъ же быстро разсѣялись, какъ и налетѣли, и кредитъ нашъ поддержался неизмѣнно до настоящей минуты.

Г. Жене долженъ употребить всѣ свои старанія для сохраненія кредита, но это представляетъ довольно большія трудности, такъ какъ въ Россіи начинаютъ утомляться войною, а наше внутреннее состояніе заставляетъ опасаться, что мы уже и не можемъ ни во что вмѣшиваться; съ другой же стороны — Англія и Пруссія запугиваютъ дѣйствительными угрозами и искушаютъ обольстительными обѣщаніями. Въ борьбѣ этой будетъ на сторонѣ ея (т. е. союза) императоръ, который видитъ въ Англіи только союзницу Пруссіи, подстрекаетъ Русскій дворъ противъ этихъ обѣихъ державъ, слѣдитъ за ихъ интригами и усердно преслѣдуетъ проектъ соединенія насъ съ Россіею неразрывнымъ союзомъ. Еще встрѣтитъ онъ содѣйствіе въ гордости Императрицы, которая съ трудомъ сдерживаетъ свой характеръ, чтобы падить лигу ради избѣжанія новой войны, но которая раздражена безпокойствами, которымъ ее подвергаютъ и насильственнымъ навязываніемъ ей посредничества. Она желаетъ восстановленія нашего кредита и нашего союза. Одинъ только князь Потемкинъ желаетъ заставить ее измѣнить систему. Онъ считаетъ насъ умершими въ политикѣ, и не любитъ императора. Онъ боится Пруссіи и вздыхаетъ о мирѣ, и подписалъ бы его завтра же, если бы ему предоставили Очаковъ. Но Императрица не считаетъ его глубокимъ политикомъ, и попытки его до сихъ поръ оставались безъ послѣдствій.

Сообразно съ изложеннымъ здѣсь, г. Жене долженъ постоянно усиливать свои средства защиты, пользуясь непримѣтно всѣми случаями, всѣми извѣстіями, которыя онъ получитъ изъ Константи-

нополя, изъ Берлина, изъ Гамбурга и изъ Стокгольма — для того чтобы поддерживать неудовольствіе Русскаго министерства на неискренность Англичанъ и Пруссаковъ. Онъ долженъ выставять на видъ надежды на наше скорое возрожденіе, не преувеличивая ихъ, чтобы не повредить дѣйствительности впечатлѣнія. Онъ долженъ, по крайней мѣрѣ до полученія новыхъ предписаній, часто говорить о неуклонной настойчивости короля на своемъ проектѣ союза съ Россіей. Онъ долженъ постоянно выставять на видъ усилія и кредитъ г. де Шуазёля, котораго противники наши и даже князь Потемкинъ покушаются порою сдѣлать подозрительнымъ въ глазахъ Императрицы. Наконецъ, и это главное, онъ долженъ выражать самое большое довѣріе послу императора, спрашивать его совѣтовъ, сообщать ему о своихъ дѣйствіяхъ и полученныя извѣстія; часто внушать ему, что сближеніе Англии съ Россією будетъ только предвѣстникомъ сближенія между Пруссією и Россією. Онъ не рискуетъ ничѣмъ предаваясь такой полной довѣренности, потому что въ данную минуту интересы короля и императора тождественны въ Петербургѣ, а кредитъ посла можетъ служить самою сильною опорою при настоящихъ обстоятельствахъ.

Личная дружба Императрицы съ принцемъ нассаускимъ — весьма полезное орудіе для г. Жене: черезъ него онъ можетъ имѣть очень вѣрныя извѣстія и какихъ невозможно было бы получить инымъ путемъ, чрезъ посредство же принца онъ будетъ часто имѣть случаи доводить истину до Императрицы.

Положеніе его въ отношеніи къ испанскому министру — щекотливо и требуетъ большаго искусства и осторожности; но оно уже обозначено въ письмѣ графа де-Монморенъ къ графу де-Сегюру. Близость дворовъ Версальскаго и Мадридскаго требуетъ, чтобы повѣренный въ дѣлахъ Франціи обнаруживалъ искренность, почтительность и довѣріе къ испанскому министру; но онъ никогда не долженъ забывать, что г. де-Гальвецъ будучи весьма честнымъ и благонамѣреннымъ, человѣкомъ въ то же время довольно ограниченныхъ умственныхъ способностей; что Пруссаки постоянно льстятъ его самолюбію; что они могутъ выпытать отъ него и то, чего онъ и не хотѣлъ бы сказать имъ, и что Русское министерство и посланникъ императора не имѣли бы довѣрія къ г. Жене, еслибы они опасались, что онъ говоритъ съ г. де-Гальвецъ обо всемъ безъ стѣсненія. Но принимая во вниманіе это обстоятельство, онъ также долженъ постараться не пропустить ни одного случая заявлять

Русскому министерству, что союзъ между Версальскимъ и Мадридскимъ дворами болѣе тѣсенъ, чѣмъ когда-либо.

Министръ неаполитанскій (Дюкъ Серра Каприола) расположенъ въ пользу нашихъ интересовъ. Связи его съ Русскимъ министерствомъ доставляютъ ему часто возможность получать вѣрныя свѣдѣнія; но хорошо было бы опредѣлять степень своего довѣрія къ нему по мѣрѣ пользы, которую можно получать отъ него.

Резидентъ голландскій (Свартъ) принадлежитъ къ партіи патриотовъ и можетъ иногда подавать полезные совѣты. Слѣдуетъ поддерживать въ немъ такое же расположеніе; но такъ какъ постъ занимаемый имъ, обязываетъ его быть въ ладахъ съ министрами англійскимъ и прусскимъ, то не слѣдуетъ никогда довѣрять ему то, чѣмъ онъ могъ бы злоупотребить.

Всѣ прочіе члены дипломатическаго корпуса или не пользуются достаточно-вѣрными свѣдѣніями, или связаны общими интересами съ противниками Франціи: съ ними видѣться слѣдуетъ лишь для того, чтобы внимательно наблюдать за образомъ ихъ дѣйствій и политическимъ поведеніемъ.

Г. Жене долженъ всего болѣе стараться о томъ, чтобы обезпечить себѣ благорасположеніе и довѣріе вице-канцлера, графа Безбородко и г. Моркова. Онъ найдетъ ихъ уже хорошо-расположенными, и долженъ поддерживать въ нихъ надежду, что заключеніе договора о союзѣ съ нами будетъ осуществлено.

Г. Морковъ будетъ часто доставлять ему возможность говорить о дѣлахъ, и онъ не долженъ ни отступать передъ грубымъ обращеніемъ графа Остермана, всегда готоваго отказывать, ни позволять усыплять себя обязательнымъ обращеніемъ графа Безбородко, который постоянно общается, но рѣдко сдерживаетъ общаніе.

Г. Жене постарается не терять изъ виду тѣ неприятели, которыми подверглась со стороны русскаго флота французская торговля на Средиземномъ морѣ, и онъ долженъ преслѣдовать возстановленіе надлежащаго—не раздражая, но съ соотвѣтственною ловкостью и дѣятельно.

Дѣла частныхъ лицъ въ Россіи много страдаютъ отъ замедленій и часто затягиваются до безконечности, вопреки предписаній отъ министерства и указамъ Императрицы. Всѣ иностранцы страдаютъ отъ этого. Повѣренный въ дѣлахъ Франціи долженъ употребить все свое искусство, чтобы преодолѣвать эти затрудненія, содержать въ строгомъ порядкѣ списокъ всѣхъ частныхъ дѣлъ всей корреспонденціи, до нихъ относящейся, и составить для нихъ

таблицу въ азбучномъ порядкѣ, чтобы всегда легко было справиться при случаѣ на чемъ остановилось дѣло. Посредствомъ самой внимательной переписки онъ долженъ доказывать подданнымъ короля, что интересы ихъ не находятся въ пренебреженіи; но непосредственное свое покровительство онъ долженъ оказывать только тѣмъ лицамъ, которыя рекомендуетъ ему министерство и тѣмъ, которыя остались по правамъ своимъ французами.

Во всѣхъ финансовыхъ дѣлахъ, относящихся до его назначенія, г. Жене долженъ строго сообразоваться съ инструкціями, данными по этому предмету графу де-Сегюру — графомъ де-Вержень въ 1784 году.

Онъ долженъ поддерживать постоянную переписку съ гг. де-Ноаль, де-Шуазель, д'Естерно и де-Гауссенъ и принять всѣ необходимыя мѣры для того, чтобы неприкосновенность шифровъ была всегда обезпечена.

Предметъ его переписки съ гг. де-Ноаль и де-Шуазель долженъ заключать въ себѣ все то, что можетъ ускорить или замедлить миръ съ Турками. Онъ воспользуется свѣдѣніями, которыя доставитъ ему г. д'Естерно, чтобы прослѣдить и предупредить старанія Берлинскаго двора поколебать нашъ кредитъ, и онъ постарается во-время открыть желаетъ-ли Пруссія приступить къ войнѣ будущую весною или же она будетъ съ успѣхомъ трудиться о сближеніи съ Россією.

Цѣлю писемъ его г-ну де-Гауссенъ будетъ доставленіе сему повѣренному въ дѣлахъ всѣхъ средствъ, зависящихъ отъ него, чтобы открыть глаза королю шведскому, чтобы заставить его понять необходимость мира и выгоды заключить его или прямымъ путемъ или черезъ наше посредство.

Графу де-Сегюру извѣстны умъ и благоразуміе г-на Жене, и онъ тѣмъ съ большимъ довѣріемъ доставляетъ ему это временное руководство сообразно предписанію графа де-Монморена, что если и проскользнуть въ немъ какія-нибудь упущенія или ошибочныя мнѣнія, то они скоро будутъ исправлены предписаніемъ отъ двора и новыми приказаніями, которыя г. Жене получитъ отъ министра.

(Французскій оригиналъ этого документа хранится въ Парижѣ, въ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ, въ отдѣлѣ: «Russie. 1789». Но на основаніи существующихъ французскихъ архивныхъ правилъ, подлинникъ не можетъ быть теперь обнародованъ, а потому и помѣщенъ здѣсь одинъ только русскій переводъ предписанія гр. де-Сегюра).

VI.

ПИСЬМА ИМПЕРАТРИЦЫ ЕКАТЕРИНЫ II ГРАФУ НЕССЕЛЬ- РОДУ, ПОСЛАННИКУ ВЪ БЕРЛИНЪ.

(1788 и 1789.)

. 1 ¹⁾.

Monsieur Le Comte de Nesselrode. Vous sachant arrivé a Berlin quoique je n'aye point encore reçue de Vos nouvelles, l'importance des matieres est telle qu'elle me m'est la plume a la main, pour Vous parler a coeur ouvert. Vous savez que mes idées et mes desirs sont tres pacifiques, ses sentimens a ce que je crois repondent aux vraies intentions du Roy de Prusse, malgré les apparences contraire et ce qu'on en publie j'aimais toujours a ajouter fois aux assurances reiteré qu'il m'a souvent donné de vouloir entretenir avec moi des liaisons de bonne harmonie et d'amitié, parceque ses sentimens sont tres conformer aux miens, et que je ne verrés qu'avec peine toujours, ce qui ne pourroit qui nuire. C'est en partant de ces principes que je m'envais Vous parler aujourd'huy. Il Vous est connu que dans moins d'un ans je me suis vuë assaillie par deux de mes Voisins, chaque fois tres injustement. Vous n'ignorés pas les bruits dont toute l'Europe étoit pleine au sujet de la premiere de ses agressions, en l'attribuoit en partie aux menées du Ministre de Prusse, mais le Roy Son Maitre m'ayant fait donner des assurances du contraire, j'ai aimé a detruir dans mon esprit les doutes qui auroit pu ynaître au sujet d'un bruit aussi generalement accredité dans toute l'Europe que l'etoit celui sur la conduite contraire a mes interets du Ministre de Prusse a Constantinople. La securité sur ce point fondée sur les paroles portées au nom du Roy de Prusse: que cette guerre m'avoit été susçitée a son insçue renaissoit dans mon esprit; lorsque je me suis vue attaquées

¹⁾ Все первое письмо собственноручное Императрицы.

par le Roy de Suede, Vous avés été témoin des circonstances aggravantes d'offenses reiterées et contraire autant a la gloire et a l'honneur de mon Empire et de ma Couronne qu'au droit des gens et presque inouïe dans l'Histoire des peuples poliçés, qui ont accompagnées cette levée de bouclier. C'est avec une juste satisfaction que j'ai été informée que toute l'Europe et nommement le Roy de Prusse, rendoit justice a la droiture de ma cause et que la conduite de mon Voisin estoit improuvée par lui comme elle l'étoit généralement par toute les Puissances Chretienne. Ses sentimens du Roy de Prusse m'étoit d'autant plus agreables que le Roy de Suede publioit partout, qu'il ne manqueroit pas d'etre soutenu par la Cour de Berlin, et qu'il avoit des esperances tres bien fondée d'en obtenir des troupes et de l'argent. Le Roy de Suede n'ayant pas euë les Succès qu'il s'étoit promis de Son expedition en Finlande, et voyant que ses propres sujets étois convaincu de l'injustice de sa cause, ce Prince qui un moment avant celui çï avoit renversé les Traités les plus sacrés pour le bonheur des nations ceux de la Paix au dehors, et qui pour y parvenir avoit foulés aux pieds sa propre constitution, celle qui lioit ses sujets a Lui et l'unissoit avec eux; ce voyant dans un instant de detresse, a eu recours pour gagner du tems a un artifice tres caracterisé. D'abord il c'est adressé au Roy de Dannemark Son beaufrere Lui offrant a Lui *seul* une Mediation qu'Il savoit tres bien que celui çï n'étoit pas dans le cas de pouvoir remplir sans manquer aux traités par lesquels le Danemark étoit engagées a donner a la Russie les secours stipulés entre nous en cas que l'un de nous seroit attaquées. Cette ruse par laquelle il souhaitoit de détourner ou du moins d'arretter le Danemark de remplir Ses engagements envers moi, ne Lui ayant pas reussi a Copenhague; Le Roy de Suede s'est adressé au Roy de Prusse et au Roy d'Angleterre pour requerir leurs Mediation *seule*, dans le meme tems qu'Il declairoit au Ministres des Cours de France et d'Espagnes residant a Stockholm qu'il ce jettoit entre les bras de la Maison de Bourbon, et attendoit de leurs Mediation *seule* aussi, la Negoçiation de Sa Paix avec moi que de guayeté de coeur il avoit enfreinte quelques semaines auparavant, Paix qui existoit intacte depuis cinquante ans, par laquelle Sa maison est montée sur le Trone de la Suede en faveur de quoi la Russie ceda la Finlande Suedoise a ce Royaume. Malgré ce grand empressement en aparence du Roy de Suede pour le retablissement de la Paix, il est a remarquer qu'il na eu garde d'articuler cependant aucune condition excepté une qu'il savoit d'avance etre inadmissible, pretendant faire de Sa Paix avec moi une affaire commune de la mienne avec

la Porte, et confondre deux chose totalement differente, nouvelle preuve bien claire du peu de façilité et de sincerité que ce Prince met dans toute cette conduite d'ailleurs deja tres captieuse. Ces démarches du Roy de Suede m'ayant été communiquées par le Roy de Prusse et par les autres Cours si dessus nommées, et en dernier lieu encore par les Etats Generaux que le Roy de Prusse et d'Angleterre ont jugés a propos d'inviter en leurs noms a cette Mediation. Je n'ai pu me tromper sur les motifs et le peu de franchise de mon adversaire qui l'adresse a presque toute l'Europe a chaqu'un *seule* pour faciliter l'ouvrage. Pour moi, me voyant dans le cas de repondre a toutes ses Cours, cette reponse étant entre Vos mains je ne Vous en dirai ici rien d'avantage sinon que j'ai tachée de m'en acquitter conformement aux principes d'équités et de moderation que je me dois a moi meme et a la dignité que j'occupe. Ma reponse au Roy de Prusse et aux autres Cours de l'Europe n'a pas euë le tems encore d'arriver a sa destination, lorsque je vient de recevoir deux declarations faites par les Ministres du Roy de Prusse et en Son nom, l'une a Varsovie, l'autre a Copenhague, lesquelles commencent a jetter un plus grand jour sur les choses et penetre mon Ame d'amertume. La premiere de ses declaration d'autant plus qu'ayant pris que le projet d'un traité d'alliance avec la Pologne qui n'avoit d'autre but que d'empêcher l'esprit inquiet des individus de cette nation a ce livrer de nouveau a une effervescence nuisible a la Paix, donnoit de l'ombrage au Roy de Prusse, mon desir de cultiver son amitié m'avoit porté a laisser tomber ce projet, et a ordonner a Mon Ambassadeur d'en arreter l'exécution, croyant par la donner au Roy de Prusse une marque non équivoque de mon attention a Ses interets, et de mon desir de vivre en bonne harmonie avec Lui. Par la seconde declaration que le Baron de Keller vient d'envoyer avec une lettre au Vice-Chancelier: Le Roy de Prusse intime au Roy de Danemark mon Allié et comme tel engagé a me donner les secours stipulée entre nous: Que si ce secour agira contre le Roy de Suede: Lui Roy de Prusse fera marcher des Troupes contre mon Allié en Holstein. Je ne sais encore qu'elle aura été la reponse du Danemark. Mais cette declaration étant toute a l'avantage de notre adversaire. primo: par la meme cesse d'etre impartiale. Secundo: si cette menace est mise en execution, il n'est pas difficile de prévoir que cette marche hostile bien loin d'etre un acheminement a la Paix paroît devoir la reculer fort loin. Tertio: Elle ne manqueroit pas de remplir parfaitement les vues du Roy de Suede qui voudroit attirer dans Sa tres mauvaise et injuste causes d'autres Puissances, de quoi meme il s'est

toujour vanté, et ses jours passé il a envoyé a Son frere en Finlande le meme boute feu de Mille qui a été chassé d'ici pour des fausses lettres de change et Lui a fait dire que 15000 Prussiens étoit des a present a Sa dispositions et qu'il peut s'en servir comme des Siens, que trente milles vont marcher vers la Livonie et trente autre vers le Holstein. Je ne feroit pas grand cas des fanfaronades ordinairement mensongeres du Roy de Suede, meme peut etre je ni prendroit pas garde, s'il n'étoit dificile de combiner le desir et le language de Paix de la Cour ou Vous etes avec le ton de menaçe de cette declaration fait a mon Allié, et qui vise à l'empêcher de remplir ses engagements avec moi et d'agir contre mon ennemis, voulant me priver de son secours. La menaçe d'envoyer des troupes Prussiene dans le Holstein si elle étoit effectuée seroit une demarche hostile contre mon Allié, qui ne cadreroit pas avec le desir de vivre en Paix et en bonne intelligence avec moi, encore moins avec l'offre de mediation qui m'a été faite et qui par la partialité marqué tomberoit d'elle meme. Cette declaration reveille une foule de circonstance qui toutes ensemble ne laisse guere de doute sur un plan arrettés. Ce qu'il y a encore de singulier a cette derniere declaration du Roy de Prusse, c'est que le Roy de Suede meme n'a point pris le secours que me donne le Danemark pour une declaration de guerre de cette Puissance, et que s'est le Roy de Prusse qui au moment qu'il me fait proposer sa mediation choisi ce meme instant pour menacer mon Allié s'il remplis ses engagements avec moi. Malgré cette demarche qui assurément n'est rien moins qu'amical et par sa forme et par son intention et qui peut avoir des suites extremement contraire a tous desirs pacifique, je ne suis pas injuste, j'aurois envie de croire que le Roy de Prusse desireroit au fond de Son ame et vue la bonté de Son Coeur la conservation d'une Paix qui n'a pas été nuisible au feu Roy Son Oncle, mais le ton que vient de prendre Son Ministere, celui qu'a depuis longtems deja le Baron de Keller, il faut l'avouer n'en aplanit pas la route. D'après les principes de cette declaration faite a Copenhague, et qu'on m'a communiquées a moi, il ni auroit dont plus de traité, et le droit du plus fort decideroit du tout, ce qui ne manqueroit pas d'amener un coupe gorge universel sur la scene, qui decideroit de la dependance ou de l'independances des Puissances. Cette declaration du Roy de Prusse en Danemark s'est faite precisement dans le meme tems que pour faire plaisir au Roy de Prusse j'envoyois ordre au Cte: Stakelberg a Warsovie de ne pas passer outre a la conclusion de mon traité avec la Pologne, la difference des procedés est

trop visible pour que j'aye besoin de Vous la faire remarquer. Personne assurément ne desire plus que moi de terminer les deux guerres que j'ai, je les fait contre mon grè, mais je ne saurai les terminer sans honneur, ce ne sera pas moi aussi qui en rechercherai une troisieme, je l'eviterai tant que je pourrai, mais la moderation a ses bornes et en aucun cas je ne saurai me laisser faire la Loi ni a mes Alliés. Il est a croire, que puis que les choses ont été poussée jusque la que la Cour de Berlin a Son plan formé et que c'est en consequence qu'Elle agit, il sera je pense tres difficile aparament de l'en faire revenir, cependant si Vous voyés jour a éviter les malheurs qui ne pourront manquer d'etre la suite des principes et procedés que la Cour ou vous etes paroit avoir adopté, Vous rendrés service a l'humanité, et si Vous croyés que ma façon de penser sur cette matiere puisse contribuer a la continuation de la Paix ou bien aussi les assurances de mon desir sincere de vivre en Paix Vous ne manquerés pas de les faire parvenir au Roy directement et a Son Ministere. Adieu portés Vous bien.

Catherine.

Ce 18. d'octobre 1788.

2.

Monsieur le Comte de Nesselrod. Votre depeche du 29 nov. (10 dec.) m'a été renduë dans son tems. Son contenu m'annonce que Ma lettre du 18 (29) d'octobre envoyé d'ici par la poste Vous est parvenuë, comme elle contenoit mes sentimens, et qu'il etoit utile et necessaire qu'ils parvinssent à la connoissance du Roi de Prusse et de Son Ministere dans la crise d'alors, la voye la plus courte a parut la meilleure. Je vios qu'après quelques conversations preliminaires que vous avés - eü en conséquence de Ma lettre avec le Comte de Hetzberg, vous lui avés remis la Noté 1. que vous avés exactement calqués d'après les sentimens dont Je vous ai fais part, et qu'après une seconde conversation que vous avés-eü avec le susdit ministre dans la quelle Vous avés insisté fortement pour lui demontrer qu'en aucun cas, que pourroit amener la discussion des affaires, je ne me departirois rien de ce que je croirois devoir à Ma gloire et à la dignité de Ma Couronne; qu'a la suite de cela vous avés crü demeler en lui un caractere de franchise et d'honneteté qui le porta à vous assurer de son chef que le Roi son Maitre n'avoit adopté encore aucun parti qui put amener à une rupture entre Lui et Moi. Que toutes les mesures du Roi jusqu'ici n'avoient eü d'autre but, que celui de se premunir contre le danger éminent qui resultoit de la combinaison des deux

Cours Imperiales dans la presente guerre, qui par les évenemens pourroit entierement isoler le Roi tant du coté du Nord que du coté de la Pologne, que le refus constant que j'avois fais jusqu'à present de l'offre sincere et amical du Roi pour le renouvellement du Traité d'Alliance, ainsi que de Sa mediation pour faire cesser les calamités de la guerre actuellement existante d'une maniere aussi glorieuse qu'avantageuse pour Moi, avoit forcé le Roi à ces precautions et pour sa sureté et pour sa defense; qu'aussitôt qu'il Me plairoit de faire parvenir au Roi mes intentions à cet égard, le Roi y repondroit d'une maniere à ne Me laisser aucun doute sur la pureté de ses intentions et sur son desir de donner des preuves éclatantes de son amitié envers Moi. Que ce ministre en finissant la conversation et la remettant au lendemain, Vous dit en sortant: «que Vous pouviés mander à votre Cour, que si «je veux la paix du Nord, toute satisfaction Personnelle que Je pourrai «desirer du Roi de Suede Me seroit accordée, ainsi que les suretés «les plus positives pour l'avenir sous la garantie des Puissances mé- «diatrices; que si Je desirois la paix avec la Porte Ottomane, il étoit «sûr d'un plan qui en fixant irrevocablement la tranquille possession «de la Crimée, Me procureroit la cession d'Oczakof avec toutes les «facilités pour la liberté de la Navigation sur la Mer Noire». Que le lendemain Vous vous rendites chés le susdit ministre pour lui lire votre memoire dont il parut satisfait, et vous donna rendés-vous au même soir pour l'entretenir des objets relatifs aux affaires de Pologne contenus dans la depeche qui vous a été remise par le courier Olajas sur les quelles il vous fit remettre les reponses dont vous m'avez envoyés les copies sous N° 2 et 3, et le même soir il vous assura que l'ordre pour la marche des troupes repartie en Prusse à la requisition des deux ministres du Roi à Varsovie venoit d'être retirée, et qu'il com- toit que la Diète pourroit se terminer tranquillement au 15 de Decembre n. st. après quoi Mr. de Luchesini se rendroit incessamment à sa destination, et qu'il esperoit que 4 mois de Négociation pendant l'hiver pourroit applanir toutes les difficultés entre les deux Cours. Vous-y ajoutés l'assertion: que jusqu'à present il n'y a aucun plan hostile formé de la part de la Cour où vous êtes, mais que si la bonté et la justice qui sont dans le coeur du Roi de Prusse peuvent faire désirer à ce Prince la conservation de la Paix pour lui et la cessation des troubles qui agitent l'Europe, sa tete exaltée peut aisément le porter à un pas si extreme dans la moindre des circonstances qu'il imagineroit etre dirigée contre lui. En tout ce raport Je reconnois votre zele, et voici ce que J'ai à vous dire. *Primo*: A l'avenir ne re-

mettés ni Note ni memoire par écrit au ministere Prussien sans une prescription expresse d'ici, ou une necessité indispensable; deux choses également desagreaables étant à éviter avec cette Cour, vuë la tournure d'esprit du Roi et de son ministere: la premiere, l'arrogance du ton qui regne dans les reponses d'ailleurs tres difuses et mal digerées, à quoi Je pense que la precipitation avec laquelle on les fait ne contribuë pas mal; la seconde, l'augmentation des griefs qui ne peut qu'en resulter, cette Cour ayant la tres petite gloriole de faire imprimer chaque brinborion pour montrer au monde le ton d'importance, d'impolitesse et de brusquerie, lequel elle se permet avec Moi. tandis que d'un autre coté elle crois cette façon de traiter si engageant, qu' après l'avoir pris avec Moi, elle pretend négocier et avec et pour Moi. *Secundo*, Ne vous laissés pas trop seduire par le ton pretendu de franchise et d'honneteté que vous avés crû demeler dans le comte de Hertzberg: les demarches de sa Cour sont frapées au coin de la duplicité la moins équivoque; lorsque le susdit ministre s'est porté à vous assurer comme de son chef, que le Roi son Maitre n'avoit adopté encore aucun parti qui put amener à une rupture entre lui et Moi, il paroît qu'il ne disoit cela que des levres, l'ordre même donné pour retirer celui qui anterieurement mettoit la marche des troupes à la seule requisitions des deux ministres Prussiens à Varsovie, prouve suffisamment leurs dispositions vis à vis de Moi, sur lesquelles d'ailleurs leurs conduite et demarches en Dannemarc ne pouvoient déjà laisser éxister aucun doute, à moins que de vouloir s'aveugler de gaieté de coeur; dans ce moment-çi Je veux bien croire qu'ils ont moli en quelque façon, et n'y ayant point d'effet sans cause, dans peu nous serons instruis de celles qui y ont donné lieu, et qui pourroient etre de plus d'un genre. *Tertio*, Si toutes les mesures du Roi de Prusse, comme son ministre vous l'a dit, jusqu'ici n'ont-eû pour but que de se premunir contre un pretendu danger qui devoit resulter pour lui de la combinaison des deux Cour Imperiales dans la presente guerre, il est bien singulier qu'on aye choisi pour y parvenir un tissu d'intrigues et de moyens les moins propres pour y reussir, et il est à craindre pour eux au fond qu'ils ne se soyent formé des chimeres pour les combattre; d'abord Je n'ai, ni ne connoit aucun traité dont ils ayent rien a apprehender, les Miens d'ailleurs n'ont jamais été que defencifs, J'ai-eû dans l'intention d'en conclure un avec la Pologne, pour brider cette nation inquiete, legere et changeante et la porter à veiller à sa defense vis à vis de l'ennemi de la Chretieneté, dont dans tout tems elle a ci craindre les incursions, desquelles aucun voisin de cet Empire

ne peut se dire à l'abri. *Quarto*, Si la conclusion des Traités depend autant des interêts que des circonstances ou de pareilles propositions sont faites, il n'est pas fort étonnant sans doute que je n'ayë pas renouvelée le traité d'Alliance que le Roi de Prusse me proposoit au moment ou toute l'Europe régardoit l'agression des Turcs comme un ouvrage du cabinet de Potsdam, et ou mon Allié venoit de reconnoitre le Casus Federis et se preparoit à Me donner les secours que J'étois en droit de Lui demander. *Quinto*, La mediation offerte par le Roi de Prusse étoit dans le même cas, elle péchoit encore par la forme puisqu'elle étoit accompagnée d'une maniere de traiter aussi seche que peu convénable, et tel est le ton que son ministere a adopté depuis quelque tems avec Moi, qui à dire la verité n'a rien du tout d'engageant. Lorsque cette même mediation par la detresse du Roi de Suede revint accompagnée de celle de toute l'Europe, Je me suis vû obligée d'y faire la même reponse que J'ai donnée aux autres Cours auxquelles le Roi de Suede s'étoit adressé. Avec un desir sincere pour la Paix, il-y-a eû un moment ou il n'auroit dependû que du Roi de Prusse de la maintenir et de M'obliger, ce precieux moment ou cette paix dependoit de Lui, étoit celui ou les Roi de Suede Me declaroit la guerre, si Sa Majesté Prussienne alors auroit fait une declaration à ce prince pour le maintient de la Paix, comme au contraire il lui a plû ensuite d'en faire contre Mes interêts en Dannemarc en faveur de la Suede, Sa Majesté Prussienne se seroit acquise un droit à Ma reconnoissance en M'obligeant réellement, et elle n'auroit pas enorgueilli un prince d'ailleurs vain et léger, sur les sentimens ni paroles duquel personne ne doit compter, et auroit prevenû une nouvelle calamité qui alloit éclore et m'auroit prouvée réellement la pureté de ses intentions. Au lieu de celà, on a jugé à propos d'agir contre Moi, en Me privant du secours de Mon Allié, et par-là même a on a éloigné le moment de la paix. *Sexto*. Tout ce qui s'est passé en Pologne, et tout ce qu'il-y-a de peu amiable dans la conduite du Roi de Prusse vis-a-vis de Nous, on veut le faire passer pour des precautions de sureté et de defense, mais comme il n'y-a personne qui sache mieux que Moi que le Roi de Prusse n'avoit rien à craindre de Ma part, ainsi vous jugé bien aussi que ses raisons ne sauroit guère Me paroître bien vallables. *Septimo*, Dans les offres que le comte de Hertzberg vous a chargé de Me faire d'une paix glorieuse avec la Suede et la Porte, Je ne vois rien que des belles paroles sonores de sa part, et comme Je n'aime pas à compter sans mon hôte J'attendrai que les propositions directes Me parviennent de la part des Puissances qui sont en guerre avec Moi; outre cela du

coté des Turcs Je ne saurois entendre aucune proposition, avant que la dignité de mon Empire ne soye satisfaite par l'élargissement préalable de Mon ministre detenus jusqu'à present aux sept tours; mais encore dans aucun cas Je ne saurois faire de Paix ni de Treve sans mes Alliés. *Huitiement*, Vous rémarquerés que la Diète en Pologne n'a pas fini le 15 dec: Comme le comte de Hertzberg vous l'avoit dit, mais qu'elle est prorogée à l'infini. Pareillement le Marquis Luchesini ne pense point encore à quitter Varsovie selon mes derniers avis. — Voici mes pensées sur le contenu de votre lettre, et Je vous permets d'en faire usage dans yôtre conversation avec le ministere de Sa Majesté Prussienne, pour lui faire connoître que Je ne desire rien tant que la conservation de la parfaite harmonie entre les deux états et une conduite entierement analogue à celle que J'ai de tout tems observée dans les affaires du Roi de Prusse. (Собственноручная приписка Императрицы, также какъ и строки ниже ея подписи): Adieu portés vous bien.

Catherine.

A St. Petersburg,
ce 15. Decembre 1788.

Au moment ou j'achevois cette lettre, j'ai reçue la nouvelle de la reddition ou plutot de la prise d'Oczakof par assault les deux chateaux et le retranchement ont été emporté dans une heure et demie.

3.

Monsieur le Comte de Nesselrod. Votre lettre du 6 (17) janvier m'est parvenue avec son anexe en son tems par Votre courier, et voici ce que j'ai a vous dire aujourd'hui. La note ou declaration verbale à La suite des explications que vous avés eu avec le ministere de la Cour ou vous etes sur les bons offices de la cour de Berlin que je n'ai jamais decliné, m'a convaincu de l'empressement du Roi de Prusse pour s'employer près de la Porte pour cooperer au grand ouvrage du retablissement de la Paix, il ne me reste presentement qu'a attendre les effects qu'aura produit à Constantinople l'envoy du courier prussien et s'il aura operé l'élargissement de Mon Ministre, condition préalable sans laquelle Ma dignité et celle de Mon Empire ne me permet pas d'entendre a aucune condition de la part de la Porte. Je souhaite de tout mon Coeur que l'envoy de ce courier prussien à Constantinople aye des suites plus favorables que l'expédition de ceux qu'on vous a annoncés par trois fois avoir envoyé à Varsovie pour mettre

fin à la Diète Polonoise, qui cependant n'a pas finie et ne finit point mais vient de nouveau de faire un acte de delire parfait en abolissant le conseil Permanent, un des edifices à l'érection duquel le feu Roi de Prusse avoit cooperé, ce qui ouvre la porte dans ce pays là derechef à l'inexécution des Loix et à tous les desordres qui en sont la suite. Du reste je m'en raporte à ce que le Vice-Chancelier vous dira aujourd'hui et n'ai rien de plus à vous dire pour le moment. Sept postes d'Angleterre nous manquent, et nous ne savons rien de ce qu'il se fait là-bas. (Приписка Императрицы): Adieu portés Vous bien

Catherine.

S.-Petersbourg
ce 22. Janvier
1789.

VII.

ПИСЬМА ГРАФА СЕМЕНА РОМАНОВИЧА ВОРОНЦОВА
ГРАФУ НЕССЕЛЬРОДУ, ПОСЛАННИКУ ВЪ БЕРЛИНЪ.
(1788 — 1793.)

1.

Londres ce 3 (14) Novbre 1788.

Monsieur,

«Nous avons à la fin la malheur se certitude que le Roi a perd absolument l'esprit c'est la raison pour quoi on a si longtems caché sa maladie. Il est continuellement maniaque et administration est dans un embarras extreme» ¹⁾.

Nous avons ici le nouveau Ministre de Prusse, mais qui à cause de la maladie du Roi n'a pas eu encore son audience.

J'ai l'honneur d'être avec une très parfaite consideration

Monsieur

Votre très humble et très obeissant serviteur
(Подписано): S. C. Woronzow.

P. S. J'espere que vous avez reçu ma lettre en reponce a celle que vous m'avez l'amitié d'écrire de Petersbourg apres votre nomination a Berlin, je l'ai adressé dans cette ville et je vous demandois quesque je devois faire avec les Bijoux que vous avez laissez chez moi pour le Portugal. Votre lettre au chevalier de Pinto ne l'a plus trouvé a Londres, je l'ai envoyé a Lisbonne d'ou on m'ecrit depuis son arrivé que les Fidalgo caballent pour l'empacher d'entre dans le ministere et que jusqu'apresent ils reussissent parfaitement de priver leur Patrie du seul homme capable qu'Elle a peuetre actuellement. Il a fait une Perte irreparable dans la mort du Prince de Brezil qui l'aimoit et l'Estimoit beaucoup. Adieu mon cher comte doner moi de vos nouvelle. Je suis tout a vous du fond de mon ame.

¹⁾ Шифрованные мѣста депешъ отмѣчены кавычками.

2.

Londres le 5 n. s. Decbre 1788.

Monsieur le Comte,

Je m'empresse de Vous informer, Monsieur, des procedés Parle- mentaires, qui eurent lieu hier et avant hier à l'occasion de la ma- ladie du Roi qui jusqu'à present n'a pas eu de changement favorable.

Le 3. Il y a eu un Conseil Privé de tenu à White-hall ou Cin- quante quatre Conseillers Privés se rencontrerent; l'objet de cette assemblée fut d'ouïr les rapports sous Serment des medecins du Roi au sujet de la maladie de S. M.

Je fut unanimement resolu, avant que d'appeler les medecins et de les interroger, de determiner les questions qui leurs seroient faites et ce fut arrêté, que l'on se borneroit aux trois questions suivantes: 1re Pouvés Vous informer le conseil, si l'indisposition actuelle de S. M. est telle que de La rendre incapable de Se trouver au Parlement et de remplir les devoirs qu'exigent les affaires publiques?

2° Quelle est Votre opinion sur la durée de la maladie de S. M. et sur la probabilité de Sa guerison?

3° Votre opinion est elle fondée sur des simptômes particuliers à la maladie de S. M. ou sur Votre expérience dans des maladies de la même nature?

Les Medecins qui subirent cet interrogat furent le Docteur Wac- en, Le Chevalier George Baker, Le Chevalier Lucas Pepys, Le Dr Rey- nolds et le Dr Addington; Les trois questions ci-dessus Leurs furent faites à chacun en particulier.

A la premiere question tous repondirent, que S. M. etoit pour le present incapable de remplir aucune des fonctions du Gouvernement.

A la Seconde question, Ils convinrent que le retablissement de S. M. etoit probable, mais qu'il leur etoient impossible d'en fixer l'Epoque.

La reponse générale qu'ils donnerent à la troisieme question, fut que le plus grand nombre de ceux qui avoient été affectés de la ma- ladie semblable à celle de S. M. avoient gueris.

Le Docteur Addington qui depuis peu de jours avoit été appelé auprès du Roi, appuya ses opinions sur la possibilité du retablissement de Sa Majesté; de ce que lui avoit appris une longue pratique et une application particuliere au traitement de la même maladie, ajoutant qu'il n'hésiteroit pas de prononcer en faveur de la guerison d'un malade dans le même etat qu'etoit S. M. la maladie, ne tenant pas à une cause héréditaire.

Le 4. Les deux Chambres du Parlement Siégerent et ouïrent la lecture des rapports faits par les medecins au conseil Privé. Il fut resolu dans l'une et l'autre de S'ajourner à Lundi prochain 8. de ce mois. La Chambre des Communes arrêta en particulier qu'il y auroit un appel, ou Sommation générale des Membres de la chambre pour jeudi 12.

J'ai l'honneur d'être avec une très parfaite considération

Monsieur le Comte

Votre très-humble et très obeissant Serviteur

(Подписано): S. C. Woronzow.

3.

Londres ce 19 Decembre n. st. 1788.

Monsieur le Comte.

«Rien n'a été encore déterminé sur la regence: le parti de Mr Pitt semble prévaloir et l'on mettra sans doute des grandes restriction au pouvoir du Prince de Galles. La seule chose qui est certaine est que ce pays-ci sera inactif tant que le Roi sera dans l'état actuel, état qui a tout l'apparence de durer longtems. Ceux qui ont comté sur le secours de l'Angleterre et ont pris des arrangemens en conséquence seront certainement desappointés».

J'ai l'honneur d'être avec les Sentiments de la plus parfaite consideration

Monsieur Le Comte

Votre très humble et très obeissant Serviteur

(Подписано): S. C. Woronzow.

4.

Londres le 13 (24) février 1789.

Mon cher Comte.

Je vous suis bien redevable pour la lettre du 11. de ce mois et pour les communications que vous y avez bien voulu ajouter. Je suis bien aise de voir que la conduite de la cour de Berlin envers la notre n'est pas telle que les perssonnes qui cherchent à les brouiller veulent le fair acroire au reste on ne peut pas doutter de la Disposition de l'Impératrice a la Paix. Elle n'a jamais cherché a faire la guerre. On l'a attaqué injustement, on l'a meme insulté de la maniere la plus indecente de la part de la Suede malgres cela elle serat bien aise de

terminer cette guerre par les bons offices des cours amies mais il lui est certainement impossible d'accepter des mediateurs les agens refusé de tout coté. Vous savez que les cours de Verssailles et de Madrid ont proposés aussi leurs mediations et que l'Impératrice les a refusé il n'est donc ni decent ni juste d'acorder aux uns ce qu'on refuse aux autres.

Milles graces mon cher Comte pour la comunication de la lettre du Prince D'Anhalt. Elle m'a fait un plaisir inexprimable il me semble voir nos bon soldats Russes cette Patte d'homme unique dans l'univers. En verité quand je songe au Peuple Russe qui est tout compose de bonté, de gaieté, de Patience, de sans froid et d'une nature incomparable il me semble que notre chere noblesse dont les trois quart sont des Petits maîtres aussi ridicul que meprisablé. Il me semble qu'elle n'est pas de la meme nation.

Je vous envie mon cher Comte d'être dans le Pays ou est le general Moellendorf et de le connoitre. Sans l'avoir vue j'ai pour lui dapres ce qu'il a fait la veneration la plus profonde. Je suis bien faché de savoir que vous ne vous portez pas bien. Je suis aussi toujours malade. J'approuve tres fort l'idée que vous avez d'avoir sous vos yeux mon bon ami le petit Charles mes Enfant se portent (?). Adieu mon cher comte je suis tout a vous.

«Le Roi va mieux; mais entre nous il n'est pas encore gueri. Je ne comprends pas comment ce desir de la Cour de Berlin pour nous procurer la paix peut s'allier avec l'encouragement qu'elle donne ouvertement contre nous à la Suede, à la Turquie et à cette miserable et folle Pologne».

J'ai l'honneur d'être avec une très parfaite Consideration

Monsieur le Comte

Votre très humble et très obeissant Serviteur

S. C. Woronzow.

5.

Londres ce 12 (28) Mars n. st. 1789.

Monsieur le Comte!

«Je vous demande mille pardons, mon cher Comte, de differer absolument avec Vous sur l'opinion que Vous avez sur les Cours où nous sommes, j'ai toutes les raisons immaginables pour croire, que c'est celle de Berlin qui gouverne celle de Londres. Les courriers qui viennent de chez Vous ne viennent pas pour prendre des ordres;

mais bien pour en donner: J'ai vu cela continuellement. Mr Pitt au commencement de la guerre de Suède m'assura positivement, que l'Angleterre ne se melerait en rien de cette guerre. Il a dit la même chose au Chevalier de Pinto la dernière fois qu'il l'a vu. Mais ce système d'impartialité a été renversé par l'influence Prussienne et à l'heure qu'il est la Cour de Berlin travaille sans relache pour engager celle de Londres d'envoyer une escadre dans la Baltique pour donner du courage aux Suedois et intimider les Danois. Je soupçonne même la sincérité de la Cour de Coppenhague. Je crois qu'en secret elle demande qu'on la menace pour avoir un pretexte pour ne rien faire. Je soupçonne Mr de Bernstorff être Anglais et le Prince Charles de Hesse Prussien; Ils sont liés entr'eux et gouvernent le Danemarck. Je Vous supplie de me donner des nouvelles fait à fait qu'elles arrivent, car c'est d'où Vous etes que doit la paix ou la continuation de la guerre».

Au reste j'ai l'honneur d'être monsieur le Comte de votre Excellence

le tres humble et tres obéissant serviteur

S. C. Woronzow.

6.

Londres le 8 (19) mai 1789.

Toujour porté a me renger de votre avis mon cher Comte je puis vous assurer que ce n'est ni par fatuité ni par entetement que je perssiste a croire que dans les affaires Politique c'est Berlin qui gouverne Londres, car si celle-ci n'a pas voulu aider la Prusse quand elle vouloit attaquer les Possessions Autrichienes en Pologne c'est par ce que c'étoit au plus fort de la maladie du Roi d'Angleterre et aussi par ce qu'il n'y a pas de Ministere Anglois assez hardi pour oser de soi-meme entrainer la nation dans une guerre ofensive. Mr Pitt crain les taxes, les nouveaux empruns et la baisse des fonds qui baisseroit dabord son credit et sa Popularité et donent beau jeu a l'oposition pouroit même le reuversser de sa Place. Mais excepter ce seul cas d'une guerre ofenssive et non provoqué on ferat ici tout ce que voudrat la Cour ou vous etes, negotiations, menaces, depence cachée en argent tout serat aux ordre de la Prusse, il n'y a qu'une guerre ofensive ou un armement qu'on se refuserat de faire; par ce que Mr Pitt craint la baisse des fonds, la perte de sa Popularité et peut etre la perte de sa Place a la quelle il tient plus qu'a toute chose. La na-

tion deciderement ne veut pas la guerre et l'opposition profiteroit si Elle auroit lieux de culbuter le Ministre. Quand a ce que vous ditte des Testes qui composent le cabinet Prussien, Etablissent d'apres leurs mediocrité qu'elles ne peuvent pav gouverner les ministres des autres Pays. Mais si vous connoissiez celles du Roi d'Angleterre et de ses deux secretaires d'Etat vous trouveriez que le Fameux Ponte de Lima pourroit les gouverner. Quand à monsieur Pitt, il a beaucoup d'Esprit, beaucoup d'Eloquence, beaucoup de desinterressement mais encore plus que tout cela d'ambition pour gouverner, et come il entent peu les affaires Etrangeres et qu'il est frapé de l'idée que la Holande ne reste attaché a l'Angleterre que tant que celle ci est lié avec la Prusse et qu'il met une tres grande inportence a cet attachement de la Holande il sacrifie tout pour complaire a la Cour de Berlin. Il le fait d'autant plus que c'est le moyen de plaire au Roi et a la Reine surtout qui gouverne actuelement son Royal Epoux et avec la quelle le Premier Ministre est tres intimement lié, depuis qu'ils ont fait la Guerre en comun au Prince de Galles.

Pour vous donner une preuve nouvelle de l'acharnement de la Cour de Prusse pour aider les Suedois et intimimer le Danemarc Elle a fait et fait encor l'impossible pour que l'Angleterre arme et le comte Lusi en partent a dit a un de mes amis que si sa Cour ne pourrat pas engager l'Angleterre a armer une Escadre Elle saurat au moin forcer les Holandois d'armer une pour menacer les Danois. Aussi ces pauvres grenouilles sont ocpué depuis plusieurs semaines a armer une flottille. Ici l'armement est une chose delicate et on songerat deux foix avant que de le faire. Mais pour menacer de bouche ou par escrit la Cour de Copenhague ameutter les Polónois, encourager les Turcs et les Suedois, tout cela peut se faire a l'instigation des Ministres Prussiens, quitte apres ce desavouer les siens si la chose a des suites, et que le Ministere est ataqué par l'opposition sur cette Etrange conduite. Voila comme je vois la chose; je ne me crois pas infalible sur rien et encor moin en Politique que je deteste et a la quelle je ne pourrai jamais m'y faire mais tant que je verrai les ministres changer de langage et de conduite à mesure qu'arrivent ici les courriers de Berlin je pencerai toujours que c'est de la que vient ici les ordres.

Au moment que j'alois expedier ce courrier j'ai reçu mon cher Comte votre lettre du 9. mai. Je crois que le Comte Herzberg plaisente quand il parle de l'accord des bourbons avec les deux Cour Imperialles.

C'est un bel accord tendis que la France ouvertement paye des subssides a la Suede et l'Espagne lui donne sous main de l'argent.

J'esperoit entre nous, que Joseph irroit dans la vallée de Josaphat mais pour notre malheur la providence nous consserve malgres nous se pytoyable allié.

Avez vous vue jamais une plus miserable compagne que celle qu'il cet fait?

Mais que - Dites vous quand ayent des Romentzows et des Anhalts, on donne les comandements a des Potemkins et a des Pouchkin? Que Dieu nous donne la Paix puis-qu'on fait si Pitoyablement la guerre ayent des alliés encor plus Pitoyables. Je vous envois l'ordure que vous etes si obstiné d'avoire, et puisque vous l'avez voulu je vous en fais don l'ayens reçu moi meme en present et ne veulent pas en salire ma chaste Bibliotheque.

Si vous pourriez me procurer l'ouvrage dont je vous envois le titre ainssi que tout ce que vous pourez trouvé en francais fait par des officiers aux service de Prusse. Sur tout ce qui regarde le militaire vous obligerer un vieux invalide qui veut preparer son fils a etre soldat un jour.

Je suivrer en tout point vos ordres par ce port ce vos lingot d'or j'expedierez votre lettre au chevalier de Pinto. Adieu mon cher Comte je vous ambrasse. Donez moi des nouvelles de mon ami le petit Charles.

Bruller cette lettre. Je suis tout a vous.

P. S. Ce Courrier porte la confirmation qu'il n'y a rien a attendre en notre faveur de la part de l'Angleterre et l'impossibilité d'engager des Amireaux Anglois a notre service.

Le voyage d'Hanovre n'aurat plus lieux.

7.

Londres le 10, 9bre 1789.

Mr Malinowsky m'a remis votre lettre mon cher Comte. Elle m'a servi de nouvelle preuve de votre amitié pour moi. Si je vous aimois moins, si je ne faisois pas autant de cas de vos lumieres, que je le fais, j'aurois été moins impatient d'avoire de vos nouvelles mais desirerent de profiter de vos raisonnements sur les affaires qui sont si generalement Embrouillés vous me pardonerez sans doutte les reproches que je me suis permis de vous faire sur votre silence.

Il semble que l'horison se brouille de plus en plus. Voici les Bra-

bançons qui veulent imiter la France, mais come il semble que le militaire dans le braban n'a pas imité l'Exemple du militaire Français qui prefere d'obeire aux Poissardes qu'a leurs Legitime Souverin. Il faut que ces revoltés Brabançons on soyent assistés par quelque secour exterieur, ou qu'ils soyent des fols a etre mis au Petites Maisons.

On pretent que le Duc d'Orleans ayent manqué de destroner le Roi de France, cherche a present a souffler a l'Empereur la Flandre et le Braban. C'est un pis allé fort agreable. Mais jusqu'a present sa vertueuse et brave Altesse ne juge pas a propos d'Exposer son Auguste Personne, il se contente a ce que l'on dit de secourir ses sujet eventuels avec son argent et son habilité Politique dans les negociations.

Permettez moi de vous gronder de ce qu'en mecrivent vous ne me dittes rien de mon ami le petit Charles. Est il aupres de vous a quoi l'appliquez vous, lui faites vous aprendre le Russe? J'espere qu'il se porte bien et je me flatte qu'il se pousserat bien dans quelque cariere qu'il entreprene. Dieu lui a doné de l'Esprit en bonne dose et il a le bonheur d'avoir un pere qui saurat diriger vers le bien cet Esprit que Dieu lui a donné. Mes Enfans se portent bien. Adieu mon cher Comte, je vous ambrasse et suis tout a vous.

Je vous recomande l'incluse.

8.

Londres le 10 (22) Mai 1790.

Mon cher Comte.

«Je n'ai aucun mérite dans la proposition de l'armistice qui ne m'a été communiqué que dix jours après l'expédition du courier Anglais qui l'a porté en Russie. Je vous avoue même, que je ne la regarde pas comme avantageuse pour nous qu'on agisse ou qu'on reste sans rien faire. L'antretien des armées, la perte des hommes par les maladies sont toujours les mêmes et en attendant cela donnerait le tems aux Turcs de respirer et aux Polonois celui d'augmenter leurs troupes, de les armer et de préparer tout ce qu'il faut pour nous molester. Pour ce qui est du Traité entre la Prusse et la Porte non seulement il n'est pas imaginaire, mais il n'est pas aussi avoué par la Prusse, car voyant qu'ici on en est mecontent, elle pretend que Mr Diez a outre passé ses ordres. D'ailleurs il ne fallait pas moins qu'un Traité pareil pour empêcher les Turcs à faire la paix qu'ils desiraient fort, mais qui ne convenait pas à la Cour où Vous êtes. Elle s'est

servie même de ce Traité avec les Turcs pour entraîner le Roi de Pologne. Enfin par tout ce qui se fait en Flandres, en Pologne, en Suède et en Turquie—il est clair que la Prusse donne le branle à tous ces mouvemens, veut embrouiller tout pour pecher en eau trouble. Au reste je me confie dans la justice de notre cause, et je ne crains aucun événement. On verra quand nous serons attaqués, si nous sommes si faibles qu'on suppose».

Je vois avec chagrin mon cher Comte que vous continué de vous plaindre du deperissement de votre santé. Vous ne pouviez m'annoncer une nouvelle plus affligente et je fais des vœux bien sincere pour votre retablissement en vous prient de croire a l'attachement que je vous ai voué et avec le quel je ne cesserai d'être tout a vous

S. C. Woronzow.

9.

Londres ce 15 Juin n. s. 1790.

Monsieur le Comte.

En réponse à Votre lettre du 21 Mai (1 Juin), je dois vous dire Mon cher Comte que ce «que Vous me dites du consentement de la Cour de Vienne a rendre tout ce qu'elle a conquis sur la Porte apres tant de depenses en hommes et en argent, ayant outre cela vu devaster tout le Banat de Temesvar me parait incroyable et d'autant plus que le Comte Rewitzki n'en a aucune nouvelle aussi supposé qu'il y a quelque chose mes entendue je ne vois pas comment la Cour de Berlin peut se dire en danger par notre alliance avec l'Autriche puisque dans notre traité avec elle la paix de Teschen est garantie. D'ailleurs le caractere de Léopold est pacifique. Nous n'avons rien à reclamer des possessions Prussiennes. Cette Puissance est fortement alliée à l'Angleterre. Tout cela doit tranquilliser la Cour de Berlin, si elle veut être juste et sincere. Mais son traité avec la Porte celui qu'elle a fait avec la Pologne, l'encouragement qu'elle donna a la Suède, le ton qu'elle a pris vis-à-vis du Dannemarc, tout ce qu'elle a fait ici pour exciter l'Angleterre contre nous prouvent qu'elle a cherché à nous abimer et qu'elle y aurait reussi sans le bon sens des Anglais qui ne se sont pas laissés entraîner. Malgré tout cela certainement on ne veut chez nous que la paix, et on ne cherchera plus de nouvelles guerres, parce qu'on a le bon jugement de croire, que ce n'est que par la paix que la Russie peut être heureuse.

«Malgré que Vous ne m'avez rien marqué, mon cher Comte, des

singuliers propos que Vous ont tenus les Ministres d'Angleterre et d'Hollande, je crois de mon devoir de Vous avertir entre nous et sous le sceau de la confiance que toutes les menaces, que Mr Ewart s'est permis de faire, n'ont pas été dictées de Londres. Il les a pris de sa tête et pour complaire à la Cour auprès de la quelle il réside».

Il a paru le 11 de ce mois une proclamation royale qui dissout l'Ancien Parlement et ordonne la Convocation d'un Nouveau pour le dix du mois d'aout prochain, ainsi qu'une autre proclamation, pour l'élection de seize Pairs Ecossois, qui doivent sieger dans la Chambre des Pairs au prochain Parlement; c'est avec les sentiments de la considération la plus distinguée que j'ai l'honneur d'être

Monsieur Le Comte

Votre très humble et très obeissant Serviteur

(Подписано): S. C. Woronzow.

10.

Londres ce 11 (22) Avril 1791.

Monsieur le Comte.

«Je suis bien mortifié de voir, que nous differons diametralement Vous croyez que c'est l'Angleterre qui pousse la Prusse; moi je crois et ai la certitude au contraire. C'est le jeu du Cabinet de Berlin de faire répandre ces bruits et de parler en conséquence; mais ici on a vu, que c'étoit les couriers répetes de Berlin qui ont occasionné des conseils continuels dans les quels Ewart a été introduit et où il a plaidé la cause Prussienne avec chaleur. Il determina le Conseil à prendre des mesures violentes contre l'avis du Duc de Leeds et du Lord Grenville. Le Comte Redern a remué ciel et terre pour obtenir ces armemens. Il est allé jusqu'à menacer de rompre l'alliance. Au reste tout cela est fini, la nation ne veut pas entendre parler de guerre avec la Russie et Mr Pitt voit lui même qu'il est renversé s'il la commence, aussi il a dit-on écrit à Berlin, qu'il ne peut rien faire, qu'il n'est pas le maître et qu'il faut songer comme on pourra se tirer d'affaire».

C'est avec les sentimens de la Considération la plus distinguée que j'ai l'honneur d'être

Monsieur le Comte de Votre Excellence

Le très humble et très obeissant Serviteur

(Подписано): S. C. Woronzow.

P. S. Monsieur le Duc de Leeds, secrétaire d'Etat au Département

des Affaires Etrangères, vient de se demettre de cet emploi, l'on ne dit pas encore qui le remplacera.

11.

Londres, ce 26 Mars n. st. 1793.

Monsieur le Comte,

Je crois de mon devoir d'informer Votre Excellence que j'ai été autorisé par l'Impératrice et que j'ai eu la satisfaction de signer hier avec Mylord Grenville deux conventions, par l'une desquelles le traité de commerce de 1766 entre les deux Nations, et qui étoit expiré en 1787, est censé comme s'il existoit de nouveau, jusqu'à ce qu'on aye le tems d'en faire un nouveau. Cette convention doit durer 6 ans. Par l'autre on s'engage à agir en commun et à ne pas faire de paix séparée dans cette guerre contre la France. De défendre aux sujets respectifs, de porter aux François aucune espece de munitions navales et de guerre et aucune espece de commestibles, et de prohiber tout commerce entre eux et la France. De tacher d'empêcher que les autres Nations ne lui portent les mêmes choses. On se promet aussi de travailler à un traité d'alliance entre la Russie et l'Angleterre. En un mot le rapprochement entre ces deux pays est parfait.

J'ai au reste l'honneur d'être avec la plus haute consideration

Monsieur le Comte de Votre Excellence

le très humble et le très obeissant Serviteur

(Подписано): S. C. Weronzow.

VIII.

ПИСЬМО ИМПЕРАТРИЦЫ ЕКАТЕРИНЫ КЪ ГРАФУ Н. П. РУМЯНЦОВУ.

(Отъ 6-го декабря 1792 года.)

Monsieur le Comte Roumiantzoff.

Je répons aujourd'hui à Vos lettres de 22, 23 et 24 Novembre que Votre courrier m'a apportées. Il était chargé en même tems de la part des Princes, frères du Roi de France, de dépêches pour le Comte Esterhasi, lequel m'a remis une lettre de leur part, dont ce même courrier a été porteur et à laquelle je Vous fait passer ci-joint ma réponse. Le Comte Esterhasi m'a aussi fait communiquer deux mémoires et une lettre de Mr. de Castries qui lui sont parvenus à cette même occasion et qui sont excellens, à cela près que je n'aime pas qu'on y nomme patriotes un ramas de Rebelles. Si les hautes alliées s'avisent présentement dans leur sagesse de reconnoître la République Française il en résulteroit sans faute pour eux l'inconvénient d'être obligés tous les huit jours de reconnoître un autre gouvernement; les Rebelles encore à l'heure qu'il est, en changeant à tout moment. Pour la position des Princes, elle étoit sans contredit infiniment meilleure l'année passée que celle-ci: alors leur moyens avoient une consistance réelle; ils pouvoient soudoyer des troupes; ils avoient de l'argent et leurs ressources n'étoient rien moins qu'épuisées. Cette pitoyable campagne a sans doute fort arriéré leur affaires. Il reste cependant à leur parti ce courage qu'une haute naissance inspire et que le malheur relève, loin de l'abattre. Tout ce qu'il y a de plus distingué et de plus illustre en Europe est ou doit être de ce parti par état, sentiment et par devoir. Par conséquent un parti composé de la sorte n'est pas sans ressources. Mais il s'agit de le sustenter. Le premier des besoins, sans doute est de vivre et pour cela il faut de l'argent. Or ne pas donner ce secours aux Princes et à la noblesse qui s'est dévouée à son Roi, ce seroit de la part des

cours coalisées priver la cause qu'elles ont embrassée d'un moyen de plus de triompher et manquer en partie leur propre but, qui est, si je ne me trompe, de rétablir Louis XVI sur son trône et de faire finir une rébellion qui, abstraction faite de maux qu'elle cause à la France, est la plus dangereuse de toutes celles qui eussent jamais existé; car il entre dans son plan de renverser tous les trônes, tous les gouvernements, toutes les religions pour faire du genre humain entier des hordes de vagabonds, de voleurs et d'assassins. Les auteurs de ce plan infernal tendent visiblement à détruire tout ce que l'effort d'une longue suite de siècles avoit établi pour le tirer et le préserver des malheurs dans lesquels veulent le précipiter de nouveau ces insensés législateurs égarés par des raisonnements mystiques d'une philosophie spéculative reprobée par l'expérience de tant de milliers d'années et capable de ramener les peuples dans les bois et de donner beau jeu aux Turcs et au Tartares, s'ils ont à leur tête un second Gengis-Khan; ce qui ne manqueroit pas d'arriver dès que dans les déserts de la Grande Tartarie une mortalité de bestiaux obligeroit des peuples nomades, dont cette contrée regorge, d'aller chercher ailleurs des subsistances. Alors des millions d'hommes sous des chefs courageux et à l'aide de la désorganisation et du relâchement qui s'opèrent successivement dans toutes les parties qui mettoient les états à l'abri de ces sortes d'invasions, feront main basse sur les municipalités, les anarchies mystiques, théosophiques et philosophiques, enfantées par la scélérateuse et le délire conjurés ensemble et fondant de toutes parts sur cette belle partie du monde, que nous appelons Europe et qui prétendoit à juste titre à servir de modèle aux trois autres et à leur donner ses lois, ses moeurs et même ses usages, y porteront le fer la destruction et cet esclavage imaginaire à présent, mais réel alors, auquel de prétendus libérateurs annoncent vouloir la soustraire. Or donc je reviens à mes moutons et je soutiens qu'il faut employer tous les moyens possibles pour empêcher que les choses n'en viennent à cette extrémité et que parmi ceux-là je compte, comme un des plus efficaces, celui d'en fournir aux princes et à leur parti pour subsister soit en nature, soit en argent. C'est dans cette conviction et prévoyant leur besoins que je leur ai fait passer par vos mains des remises d'argent, il n'y a pas longtems, et dont j'espère que Vous les avez déjà mis en possession; ce qui les aura tiré de l'embaras dans lequel ils se trouvoient au départ de votre dernier courrier. Le conseil que le Roi de Prusse a donné à Mr. le Comte d'Artois de se rendre ici, sous prétexte que dorénavant le succès de l'entreprise générale

contre les Rebelles de France alloit dépendre entièrement de moi, vient assurément du Roi lui-même. Peut-être le Prince de Nassau y a-t-il contribué, mais dans une toute autre vue que celle de Sa Majesté Prussienne, qui n'est autre que celle d'un dédommagement à se procurer aux dépens d'un tiers. Il aurait été assurément fort singulier d'y employer Mr. d'Artois. Quant au Prince de Nassau il souhaitoit depuis longtems et dans les meilleures intentions que le comte d'Artois fit ce voyage.

Par le conseil que vous avez donné à ce dernier d'admettre en tiers le Marquis de Lucchesini entre lui et le Roi de Prusse, Vous avez bien mis au clair que les ministres de Sa Majesté Prussienne tachent de déjouer les bonnes intentions de leur Auguste maître pour la cause des Princes François. Les paroles du susdit Marquis au chevalier de Roll sont réelement remarquables: il n'en auroit pas osé dire autant du tems du feu Roi, qui l'honnoit cependant de sa confiance, mais seulement pour la littérature. Vous avez bien fait de vous renfermer dans les bornes de Votre mission, lorsqu'on Vous a proposé d'assister à la conférence qui devoit se tenir chez Mr. d'Artois entre les ministres Autrichiens et Prussiens et le Baron de Breteuil et le Prince de Nassau. J'ai été bien aise de voir que le Roi de Prusse, malgré le manque d'instruction qu'alleguèrent les ministres Autrichiens sur le point dont il s'agissoit, s'est généreusement décidé à ne pas laisser mourir de faim pendant quinze jours les Princes, frères du malheureux Roi de France et la noblesse françoise qui est restée fidèle à son Roi. Si jamais dans pareil cas on Vous demande ce que je ferai? Vous avez assez de confiance en moi, j'espère pour dire et déclarer que les résolutions généreuses sont celles ordinairement pour lesquelles je me détermine le plus volontiers. Les Autrichiens auroient mieux fait, approvisionnés comme ils l'étoient pour deux ans de nourrir pendant quinze jours les Princes que de laisser tomber avec le Pays-Bas leur énormes magasins entre les mains des Rebelles françois. Vous verrez que la perte de ces magasins servira de prétexte à Mr. de Mercy pour refuser les secours alimentaires aux Princes. Quand le Marquis de Lucchesini fesoit l'apôtre de la cour de Vienne durant cette conférence, il devoit avoir l'air bien neuf.

C'est la nécessité la plus urgente qui a décidé sans doute les Princes à permettre que leur troupes de ligne passent à la solde de l'Empereur; ce coup de plume, selon moi, ruine la dernière force de la France.

Quant à la seconde entrevue du Roi de Prusse avec Mr. le Comte

d'Artois Sa Majesté n'invitoit plus ce Prince à venir ici, mais au contraire lui parloit de l'inutilité de ce voyage, l'on en peut conclure que les modérateurs des vues du Roi avaient su refroidir la première chaleur de l'invention dont il avait cru pouvoir se féliciter. Nous avons déjà vu plusieurs autres chefs d'œuvres dans ce genre.

J'ai frémi en voyant le décret inhumain porté par les Rebelles contre les émigrés. On voit clairement que c'est l'appas de la confiscation des biens qui a dicté ce décret à ces monstres inspirés par le démon même. L'adresse des ministres Autrichiens d'enlever aux Princes les troupes de ligne et de ne leur laisser que la charge de la noblesse pauvre et difficile à moriginer dans son indiscipline est aussi un de ces raffinements Machiavéliques dont il n'est pas donné à tout le monde de s'aviser. Cependant je ne saurois croire que les intentions du jeune Empereur soyent autres que loyales et pures. Je sais que l'Impératrice, son épouse, marque de l'esprit et qu'elle commence à avoir du crédit près de lui. Je ne pense pas que l'opinion de cette princesse puisse différer de beaucoup de celle du Roi et de la Reine de Naples. Or la façon de penser de ceux-ci m'est bien connue; j'en ai fait l'expérience plus d'une fois et n'ai qu'à me louer de la loyauté et de la droiture vraiment royales; j'ai vu avec plaisir que dans les affaires de France elles ont joint une générosité constante vis-à-vis des Princes et des émigrés qui n'a été bornée que par leur moyens. Par ce que je viens de dire je sépare les sentimens particuliers de l'Empereur et de l'Impératrice d'avec ceux du ministère de Vienne, et crois pouvoir prouver qu'ils diffèrent essentiellement entre eux. Celui-ci apparemment a déjoué les intentions du jeune Empereur tout comme celui du Roi de Prusse celles de son maître. Le ministère Autrichien paroît être présentement susceptible d'être partagé en deux classes: la première pensant sur le compte de la France comme les Autrichiens du commencement du siècle, c'est-à-dire se réjouissant de son abaissement, de sa ruine et s'opposant à toute mesure qui tendroit de loin ou de près au rétablissement de cette monarchie. Ce parti est assurément très nombreux. La seconde classe est celle qu'on accuse de principes démocratiques et d'être vendue au parti populaire en France au prix de 800 mille livres, que Mirabeau se vantoit de lui avoir fait donner. Au commencement des troubles en France cette mauvaise volonté héréditaire et enracinée se trouvoit en quelque façon amortie dans la première classe par le traité de Versailles et par les mariages qui en furent le résultat entre les filles de Marie Thérèse, soeurs des derniers Empereurs et plusieurs Princes

de la maison de Bourbon. L'honneur et la dignité de Léopold II quelque peu chatouilleux qu'il fut d'ailleurs sur ces deux points, provoqués l'année passée par toutes les indignités commises envers sa soeur, se trouvèrent en compromis avec les anciennes maximes autrichiennes qui, après avoir couvé quelque tems sous leur cendres, commencèrent à percer de nouveau à Vienne. Ici la conduite particulière de la Reine de France, ou plutôt son inconduite servit merveilleusement les malveillans de la cour de Vienne et surtout cette seconde classe du ministère Autrichien, dont j'ai parlé tout à l'heure. L'effet en fut que lorsque Léopold II se voyoit pressé de tous côtés d'agir pour son beau frère, selon la proposition qu'il en avoit fait lui même à toute l'Europe, proposition sortie de la plume du prince Kaunitz attaché aux enfans de Marie Thérèse: l'Empereur produisoit des lettres de sa soeur qui le prioit de ne point agir, crainte d'augmenter le mal, et quand on lui proposoit de laisser agir les Princes, les frères du Roi de France et de les soutenir il les disoit brouillés avec le roi et la reine, agissant avec des pleins-pouvoirs revoqués et désavoués et on fit donner d'autres au baron de Breteuil. Cette mesure encore ne valoit rien, car ni extérieurement ni intérieurement il n'étoit pas à supposer que pour ces affaires là le Baron de Breteuil pût avoir à lui seul plus de crédit réel que les frères du roi entourés de tout ce qu'il y avoit de mieux en France dans le militaire, la noblesse, le clergé et les parlemens, soit pour la qualité, soit pour le mérite et le nombre. Aussi Mr. le Baron de Breteuil avoit beau négocier du fond de Bruxelles, où il s'étoit confiné avec un plein-pouvoir d'un roi captif et envoyer des agens parceque les Princes en avoient, il n'en sortoit pas plus de résultats qu'il ne pouvoit y en avoir d'intentions réelles de sa part. Si l'on demandoit par exemple au Marquis de Bombelles ce qu'il étoit venu faire ici, il seroit bien embarrassé de nous le dire, et tout ce que nous en savons nous mêmes, c'est qu'il nous a cruellement ennuyé avec des phrases absolument vides de sens. L'empereur mourut au moment où les Rebelles alloient lui déclarer la guerre pour prix de son indétermination à prendre fait et cause pour sa soeur et son beau frère, ainsi que pour l'infraction du traité de Westphalie, violé par la saisie des biens des Princes d'Allemagne en Alsace et par les changements fait dans cette province. La déclaration de guerre fut adressée à son successeur. Celui-ci monta sur le trône au milieu de cette bagarre, entouré d'anciens ennemis de la France et de démocrates. La cour de Vienne arma à son corps défendant; le Roi de Prusse, son nouvel allié, arma aussi; mais on voyoit

qu'ils prenoient ces mesures en hésitant et de mauvaise grace et lorsqu'ils se mirent en marche, ils traînèrent à leur suite une telle quantité de négociateurs qu'on pouvoit supposer avec vraisemblance que le tout alloit finir plutôt par la plume que par les armes. Ceci ne pouvoit échapper aux Rebelles et devoit considérablement entretenir leur espérances. Or je laisse à penser si le moment étoit honorable même pour écouter des propositions, bien loin d'en faire. On auroit dit cependant que les hautes allées n'attendoient que le moment de s'entendre avec les Rebelles ou d'entrer avec eux en composition, malgré les déclarations qu'ils avoient publié. Pour compléter tout cela aucun des plans que la Russie avoit proposé et qui tendoient à extirper la rébellion en retablissant le seul gouvernement que l'expérience a prouvé pouvoir être stable en France, non seulement n'avoit été goûté ou accepté par le ministère de Vienne, mais même on n'y avoit fait la moindre attention ni réponse. Le Roi de Prusse se conforma à celui que la cour de Vienne a proposé, et on a vu par les suites que rien a réussi, que les choses ont empirées, la confusion est augmentée et à force de négociations une paix même honteuse est devenue difficile, l'insolence des Rebelles étant montée à son comble. On seroit tenté de croire que les faiseurs de projets se proposoient d'augmenter la confusion, et qu'en cela ils ont mené les choses à leur but: mais outre qu'un tel plan ne seroit ni honnête, ni glorieux dans ses motifs, est-il possible de supposer qu'ils eussent voulu introduire cette confusion jusque chez eux et voilà cependant ce qui en pouvoit être la suite, ce qui est sur le point d'arriver et qui arrivera, si l'on ne s'y oppose avec vigueur et unanimité. Il est tems, ou plutôt il n'y a pas un instant à perdre, que toutes les puissances de l'Europe se réunissent pour leur causes communes. La Hollande est menacée. Il est impossible que l'Angleterre voye avec indifférence le renversement du gouvernement rétabli par elle dans ce pays-là. Il faut mettre fin aux incertitudes et à la lenteur de la Diète de l'Empire et faire décréter une déclaration de guerre en bonne et due forme et la faire soutenir par le plus de troupes que l'empire d'Allemagne est capable de mettre sur pied. Je ne prétens pas rester en arrière, ni en actions ni en négociations. Mon poste est pris et mon rôle est marqué. Je me charge de veiller sur les Turcs, les Polonois et la Suède et de les contenir. Celui-ci a présentement pour Tuteur de son jeune Roi un des chefs de cette engeance mystique de Théosophes, qui travaille au renversement de la religion chrétienne et des thrones. La Suède est rongée de démocratie, le jeune Roi est menacé et ses

jours ne sont pas en sûreté. La Pologne est aussi remplie de clubs jacobinites. Les Turcs sont agités et incités par le chevalier Ainslie et les démocrates; et il est possible qu'ils déclarent la guerre aux deux cours Impériales. Déjà ils arment par mer. Ma posture sera telle que j'espère de tenir en respect ceux dont je me charge. Au surplus je remplirai avec exactitude ce à quoi mes Traités d'alliance m'obligent vis-à-vis de l'Empereur et j'assisterai en outre les Princes frères du Roi de France au-delà de mes engagements.

C'est avec satisfaction que je vois que la cour d'Espagne accorde une pension à Madame et Madame Comtesse d'Artois. Il paroît que les avis donnés par le Duc de Polignac sur les projets de la cour de Vienne ne sont pas tout-à-fait justes, comme Vous le remarquez Vous même. Mais il est sûr qu'il en est quelque chose. Pour revenir au voyage que Mr. le Comte d'Artois projète de faire à St.-Pétersbourg, je Vous dirai qu'il se peut fort bien que le Roi de Prusse en eut donné l'idée uniquement dans l'intention d'avoir pour le moment un client incommode de moins sur les bras et qu'en suite on l'eut fait revenir de cette idée en lui représentant que M. d'Artois venu ici ne feroit qu'augmenter la chaleur de nos représentations en faveur d'un parti que les ministres Prussiens et Autrichiens, d'un avis commun sur ce point, voudroient voir anéanti ou du moins hors du jeu. Quoiqu'il en soit Vous pouvez assurer les Princes, conformément à ce que je leur marque dans ma propre lettre à eux et dont je Vous adresse copie pour Votre information, que c'est avec plaisir que je ferai la connoissance personnelle dans un de ces Princes du Chef d'un parti que je regarde comme juste et que je crois nécessaire de soutenir, si jamais l'ordre doit se rétablir dans leur malheureuse patrie: mais que je remets parfaitement au jugement des Princes et de leur conseil à décider, si le moment présent permet à Mr. le comte d'Artois de s'éloigner de son parti et de l'endroit le plus proche des frontières de la France, où les hautes alliées ont décidé le séjour des Princes et si leur partisans dépourvus, à ce que Vous me dites, de bien des choses nécessaires, ne trouveroient pas pour le moment à redire à la dépense même de ce voyage à peu près inutile. Outre cela il peut se présenter réellement quelque moment favorable qu'un voyage aussi lointain pourroit laisser échapper. Ma bonne opinion des Princes, l'intérêt que je prends à leur cause et l'accueil que je ferai à Mr. le comte d'Artois sont au reste tels que Vous les leur avez garanti d'avance. Je suis aussi parfaitement de Votre avis que dès que pour le bien des affaires il y a profit à retarder, il ne faut pas se hâter. Or cet axiome est

précisément dans ce moment celui qui doit servir aux Princes de règle de conduite. Leur jeu présentement est de temporiser et d'attendre des événements le moment propice qui fasse changer de face à leur affaires dont la situation peut difficilement empirer, parce que le mal est presque déjà à son comble. Je pense en attendant que la note pressante que Mr. le comte d'Artois a fait remettre au comte de Merci ne laissera pas que de faire effet à Vienne. C'est avec bien du plaisir que je condescends à la prière de Monsieur au sujet du Vicomte d'Avoroy. J'ai ordonné au collège de la guerre de le placer dans mon armée. J'en ai fait autant pour le Baron de la Rochefoucault pour lequel Vous Vous intéressez. Vous pouvez être assuré que tout homme de mérite sera accueilli avec satisfaction chez moi.

La conversation que Vous avez eu avec le baron Thugut à Luxembourg est assurément bien curieuse. Il est fâcheux qu'au milieu d'aussi délicates circonstances tout le monde aye perdu la tête. Du moins faut-il convenir que le baron de Thugut le premier a eu la sincérité rare de l'avouer. Mais si en toutes les occasions les grands faiseurs de ce tems-ci employent des moyens aussi peu efficaces que ceux qu'ils ont imaginés, comme par exemple de demander assistance aux puissances d'Italie pour le roi de Sardaigne, et le crédit ou la bourse de l'électeur de Trèves pour les Princes et les émigrés il ne faudra plus s'étonner de ce que la plus belle et la plus juste des causes est aussi pitoyablement servie et que de grandes et belles armées se laissent détruire et battre par un ramas de la plus vile canaille, lorsque les chefs de ces armées négocient avec les chefs de cette canaille qui se moquent d'eux et qu'on voit en rang d'oignons les cachets du Duc de Brunswik et celui de Dumouriez ou quelque chose d'approchant. Michelson ne traitoit pas avec Pougatcheff.

Il se seroit cru criminel comme lui, s'il y avoit eu ombre de parole portée entre eux. Il y avoit amnistie publiée pour ceux qui mettoient bas les armes et châtimement pour ceux qui étoient pris les armes à la main. Mais jamais amnistie n'eu lieu entre les Rebelles et les troupes envoyées pour les détruire. Cette détestable farce dura un an par la mauvaise conduite ou plutôt la poltronerie du général major Carr et la mort du général en chef Bibicoff, mais elle finit comme elle devoit finir par la punition exemplaire des coupables et pas un gentilhomme ne se trouva entre eux. Le cabinet de Vienne peut se dire et soutenir à la face de tous l'univers que la monarchie autrichienne n'est en guerre qu'avec une faction de Rebelles et d'usurpateurs, qui après s'être emparés de toutes les forces du Royaume de France, ont dépouillés

les Princes d'Allemagne de leurs biens et de leurs droits situés en Alsace déclaré la guerre à la maison d'Autriche, déthroné leur Roi et le tiennent en prison de même que la Reine tante de l'Empereur et la famille Royale et pénétré dans l'Empire à main armée, où ils veulent transformer Mayence et Francfort en municipalité; de façon que l'Empereur et le Roi de Prusse, son allié, ont à venger sur la France: 1) l'injustice faite aux Princes d'Allemagne; 2) la violence, commise contre la maison d'Autriche par une déclaration de guerre injuste; 3) la cause de tous les Rois, lésée dans les personnes du Roi et de la Reine de France; 4) l'invasion de l'Empire et 5) la transformation absurde d'un Electorat en municipalité. Il est à observer en outre que Louis XIV faisoit moins de conquêtes, annonçoit moins de prétentions que les Rebelles et cependant ses adversaires l'accusèrent de viser à la Monarchie universelle, et presque toute l'Europe se ligua contre lui. Les Rebelles annoncent hautement qu'ils veulent donner leur lois, leur constitution à l'univers entier, ils y marchent à découvert et à grands pas; dans un mois de tems ils ont percé jusqu'au centre de l'Allemagne sans résistance et ils se voyent maître de la Savoye et peut-être dans ce moment de la totalité de Pays-Bas, dont la capitale est déjà envahie. Voilà l'état des choses d'après lesquelles il est tems d'arranger des mesures sérieuses tant militaires que politiques pour remédier aux fautes énormes qu'on a commises parce que on n'a pas voulu employer à tems tous les moyens qu'on avoit de reprimer le mal dans sa naissance et qu'on l'a laissé accroître, croyant qu'il étoit d'une très fine politique de détruire sa rivale par elle même. Pour moi je voulais au contraire qu'on l'aidât à se relever par elle même, et je regardois pour cela comme le meilleur moyen la restauration de la Monarchie, et cette restauration devoit être l'ouvrage des mains françoises. Telle a été toujours ma façon de penser. Mais présentement avant tout il faut chasser de l'Allemagne et des Pays-Bas les hordes de canibales, qui malgré leurs brigandages et leurs dévastations trouvent partout des apôtres et des prosélytes. Ces apôtres il faudroit en faire des exemples et non pas les tolérer et encore moins les excuser. Je l'ai dit plus haut et je le répète, il ne faudroit négliger aucun des moyens dont on pourroit se servir, et loin de montrer du mépris pour les émigrés et de les traiter comme une bande de pauvres à charge il faudroit se faire un devoir de les regarder comme des victimes estimables en butte à tous les maux à cause de leur fidélité et dévouement à leur Roi et à la Monarchie, ayant à leur tête les Frères, les Princes de sang d'un Roi malheu-

reux, dont les intentions quoique méconnues, ont toujours été bonnes et leur donner partout la place qui convient à un très grand parti attaché à la bonne cause et qu'il faut employer au lieu de détruire pour le soutien de cette cause qui est en même tems celle des Rois et de la Religion Chrétienne. S'il est singulier que Mr. Thugut Vous ait dit que les Princes et leur parti avoient été inutiles pendant cette campagne, tandis que Vous avez été présent à Mayence lorsqu'on se concertoit pour qu'il le fussent et que plus d'une fois vous avez entendu répéter que s'ils entreprenoient quelques faits militaires les canons Autrichiens et Prussiens braqués sur eux en feroient raison; il est encore plus singulier que lorsqu'on dit à l'Empire qu'on a rien pour le défendre, on s'occupe à anéantir ce corps militaire des émigrés au lieu de le faire agir contre Custine pour le chasser des endroits qu'il occupe. De la manière, en un mot, dont on a traité les Princes, les émigrés et leur cause, il n'est pas étonnant, comme Vous l'avez fait remarquer au Baron de Thugut, que leur partisans en France n'ayent pas pu se montrer et en général tous les argumens dont Vous Vous êtes servi vis-à-vis de lui, je les approuve et les trouve convaincans. Preuve de cela c'est qu'il fut obligé de s'y rendre. Mais comme en pareil cas il ne faut rien négliger, je m'en vais de nouveau faire usage à Vienne et à Berlin de tous les raisonnemens et de toutes les représentations dont je pourrai appuyer la cause des Princes et des émigrés. Si Vous avez trouvé le Baron de Breteuil à Luxembourg consterné et repentant, il faut convenir qu'il avoit de quoi l'être, après toutes les fausses démarches dans lesquelles il s'est engagé depuis deux ans et qui ont eu des suites aussi pitoyables. Le Baron composant à Verdun un nouveau ministère au Roi de France captif, tandis que ceux qui auroient dû le délivrer et qui avoient annoncé par des manifestes qu'ils alloient à Paris, s'amusoient chemin faisant à traiter à la lune avec les Rebelles pour obtenir paix ou trêve quelconques; ce Baron, dis-je, fournissoit une nouvelle preuve, comme quoi l'homme orgueilleux peut être la dupe de son propre orgueil. Il est de fait que ce même Marquis de Bombelles que le Baron destinoit à la place de ministre des affaires étrangères, se trouvoit aussi à la lune lorsqu'on y négocioit d'aussi belles choses et il est apparent, d'après ce fait que toute la prétendue composition du nouveau Ministère François reposoit sur cette négociation avec les Rebelles à laquelle le Baron participoit avec son ambassadeur affidé le Marquis de Bombelles. J'ai vu une lettre de celui-ci, où il fait mention de son séjour à la lune. J'en ai reçu une du Baron de Breteuil écrite après ou dans sa con-

sternation et je l'y ai retrouvé toujours le même. Il y a à remarquer seulement une chose chez lui, c'est que les phrases en politique s'allongent à mesure que les moyens se raccourcissent. La conduite de Mr. d'Artois vis-à-vis de cet ancien ministre qui a fait tant de mal aux affaires des Princes, est assurément très généreuse. Il se peut très bien que l'avis du Comte de Merci de faire aller les Princes en Italie, afin de les éloigner de mon appui, aye contribué à faire changer de sentiment au Roi de Prusse sur le voyage, de Pétersbourg qu'il avoit d'abord proposé au comte d'Artois.

Si les négociations avec les Rebelles ont enfin convaincu les hautes alliées qu'il n'y a aucun arrangement de praticable avec eux, ce sera assurément un grand bien pour la bonne cause. Mais il restera toujours désagréable d'avoir obtenu cette conviction par une expérience aussi deshonorante que fâcheuse. (Собственноручная приписка Екатерины II): «Dans tout ceci Vous trouverés suffisamment de quoi régler Votre conduite. Vous voyés que les réflexions ne nous manquent pas. Adieu, portés Vous bien».

Catherine.

Ce 6 Décembre 1792.

(Рескриптъ этотъ хранится въ с.-петербургскомъ государственномъ архивѣ: XV, № 233. У Соловьева въ Исторіи паденія Польши напечатанъ отрывокъ сего документа, стр. 362).

